

Казахстанский институт
стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан

**«ЕУРАЗИЯ КЕҢІСТІГІНДЕГІ ИНТЕГРАЦИЯЛЫҚ
ҮДЕРІСТЕР ЖӘНЕ ЗАМАНАУИ ӘЛЕМ»**

**«ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИЙСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР»**

**«INTEGRATION PROCESSES IN EURASIA
AND THE CONTEMPORARY WORLD»**

**Халықаралық ғылыми-тәжірибелік
конференцияның материалдары**

14.11.2012

Алматы 2013

УДК 339.5
ББК 65.428
И 73

*Рекомендовано к печати Ученым Советом
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан*

Редакционная коллегия:

Б.К. Султанов, Т. Фарни, П. Линке,
К.Д. Исаев, А.А. Арзикулов (ответственный за выпуск)

И 73 Интеграционные процессы в евразийском пространстве и современный мир: Материалы международной научно-практической конференции (г. Алматы, 14 ноября 2012 г.) / Отв. ред. Б.К. Султанов. — Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2013. — 234 с.

ISBN 978-601-7242-74-9

Международная научно-практическая конференция «Интеграционные процессы в евразийском пространстве и современный мир» (г. Алматы, 14 ноября 2012 г.) была организована Казахстанским институтом стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан и Филиалом Фонда Розы Люксембург (ФРГ) в Российской Федерации.

В сборник материалов включены доклады казахстанских и зарубежных участников конференции, раскрывающие широкий спектр вопросов, касающихся интеграционных процессов в евразийском пространстве, аспектов безопасности, состояния и перспектив финансово-экономического, политического сотрудничества между государствами Евразии, а также прилегающих к региону стран.

Издание предназначено для политологов, экспертов-международников, государственных служащих, научных работников, преподавателей и студентов высших учебных заведений, а также широкого круга читателей, интересующихся современным развитием интеграционных процессов в Евразии.

**УДК 339.5
ББК 65.428**

ISBN 978-601-7242-74-9

© КИСИ при Президенте РК, 2013
© Филиал Фонда Розы Люксембург
в Российской Федерации, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово Султанова Б.К.	6
Приветственное слово Иво Георгиева	10

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Башмаков А.А. Процессы интеграции в глобальном и евразийском аспектах: общее и особенное	13
Бочарников М.Н. Евразийская интеграция — проект, устремленный в будущее	25
Абдыхалыков Ф.Ш. ЕЭП и ЕврАзЭС: перспективы интеграционного сотрудничества	29
Достанко Е.А. Формирование Евразийского экономического союза: социально-политические аспекты	37

СЕКЦИЯ I КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Султанов Б.К. Евразийское пространство и проблемы безопасности	45
Петер Линке Комплексность центральноазиатского пространства, глобальная политика и перспективы постгуманистических международных отношений	55
Закиева Ж.К. Евразийская экономическая интеграция: трансконтинентальные коридоры сотрудничества	61
Черных И.А. Интеграционные проекты Казахстана через призму общественного мнения (по результатам социологического исследования, сентябрь 2012 г.)	72

**СЕКЦИЯ II
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА**

Винокуров Е.Ю. Пространство евразийской интеграции	92
Бодо Лохманн Партнерство в области сырья и технологий как инструмент углубления евразийской интеграции	112
Ли Син Центральная Азия и стратегия энергетической безопасности Китая	131
Додонов В.Ю. Интеграционные процессы в валютно-финансовой сфере: возможности и угрозы	138

**СЕКЦИЯ III
СОВРЕМЕННАЯ ЕВРАЗИЯ И МЕНЯЮЩЕЕСЯ
ПОЛЕ ВНЕШНИХ АКТОРОВ**

Сыроежкин К.Л. Евразийское пространство и китайский фактор	156
Салиев А.Л. Кыргызстан и интеграционные процессы в Центральной Азии	166
Олимов М.А. Конкуренция глобальных проектов в пространстве Евразии и позиция Таджикистана	170
Юн С.М. Политика Германии, Великобритании и Франции в Центральной Азии: европейская «тройка» или «лебедь, рак и щука» Европейского Союза?	176
Мухамеджанова Д.Ш. Экономическое пространство Евразии и новые тенденции глобализации	197
Ван Чэньсин ШОС: стабилизатор региональной безопасности в евразийском пространстве	211
Каукенов А.С. Китай в Афганистане: какие пути предпочтет Поднебесная?	216

Сведения об авторах	224
ҚСЗИ туралы ақпарат	228
Информация о КИСИ	230
Information about the KazISS	232

Приветственное слово

**Директора Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстана
Б.К. Султанова**

Уважаемые дамы и господа!
Уважаемые коллеги!

Разрешите сердечно приветствовать участников сегодняшней международной конференции «Интеграционные процессы в Евразийском пространстве и современный мир». Мы рады приветствовать организаторов нынешнего форума — Фонд Розы Люксембург в лице Иво Георгиева и Петера Линке.

Это уже шестая конференция Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ) и Фонда Р. Люксембург, посвященная вопросам сотрудничества стран Европейского Союза (ЕС), России и Казахстана, и первая конференция с участием Беларуси.

Проведение данного мероприятия является еще одним доказательством того, что процессы, происходящие в рамках евразийского пространства и на его внешних границах, становятся объектом не только пристального внимания, но и детального изучения.

Хотелось бы обратить внимание присутствующих на сильный эмоциональный фон вокруг проблем, вынесенных сегодня на обсуждение. Это объясняется тем, что в противовес развитию евразийского сотрудничества, как на Западе, так и на Востоке, в частности в Китае, выступает много влиятельных противников. С другой стороны, научные дискуссии превратились в спекуляцию и «митинговщину» тех, кто пытается заработать на критике евразийского сотрудничества

политический капитал или западные гранты, а также тех, кто не понимает и не хочет понять сути происходящих процессов. Внутри наших обществ идет комбинированная атака на инициативы президентов Беларуси, Казахстана и России. Судя по всему, на эти действия выделены солидные финансовые средства и информационные возможности.

В России либералы, считающие, что будущее России находится на Западе, а не в Азии, и российские националисты, требующие сохранения европейской идентичности и презрительно выступающие против сотрудничества с, по их мнению, «бантустанами» в Центральной Азии, все откровеннее выступают единым фронтом, выражая интересы западных транснациональных корпораций (ТНК), заинтересованных в своем закреплении в нашем регионе.

Этот же заказ транснациональных корпораций все четче проявляется и в нашей стране, где националисты и либералы все чаще критикуют Россию, а также Китай, а при случае и Узбекистан вместе с Кыргызстаном, хотя любому здравомыслящему человеку понятно, что главным приоритетом для любого государства являются дружеские, добрососедские и взаимовыгодные отношения, прежде всего с территориальными соседями, особенно на сложных, тем более кризисных, этапах развития мирового сообщества. Глобальную экономику и мировую финансовую систему лихорадит. Так, США догнали кризисные государства Южной Европы по соотношению государственного долга к ВВП. В 2011 г. совокупный государственный долг США составил 18,3 трлн долл. США, соотношение к ВВП — 122 %.

В непрекращающейся рецессии продолжают находиться страны ЕС. Объем общеевропейского долга в 2011 г. составил 13,3 трлн долл. США. Поэтому трудно не согласиться с мнением Президента РК Н.А. Назарбаева о том, что мы «отвечаем на глобальные кризисы XXI века углублением

евразийской интеграции. Мы вместе с Россией и Беларусью сформировали Единое экономическое пространство идем к созданию Евразийского экономического союза. Это важный фактор общерегиональной стабильности, повышения конкурентоспособности наших экономик» [1].

Сегодня «Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России — это реальность, которую ЕС не хочет, но должен поскорее признать», — сказала в своем интервью германскому информагентству «Дойче Велле» эксперт брюссельского офиса Центра Карнеги О. Шумило-Тапиола. По ее словам, «в обозримом будущем ЕС едва ли признает Таможенный союз, который может превратиться из “бумажного” тигра в настоящего евразийского» [2].

Как вы знаете, Таможенный союз является первой «станцией» развивающегося интеграционного процесса на евразийском пространстве, затем следуют Единое экономическое пространство (ЕЭП) и постепенный переход к Евразийскому экономическому союзу, становление и развитие которого, исходя из опыта Европейского общего рынка, может занять годы, а может, и десятилетия. Этого времени, как мне кажется, будет достаточно, чтобы избавиться от разного рода фобий и спекуляций.

В частности, резкое неприятие у некоторых казахстанских политологов вызвали образование в мае 2012 г. рабочей группы по парламентскому измерению Евразийской экономической интеграции и, в частности, проработка вопроса о возможности создания парламентской ассамблеи Евразийского экономического союза, наподобие аналогичным парламентским органам, которые уже существуют в Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийском экономическом сообществе (ЕврАзЭС), Содружестве Независимых Государств (СНГ). В связи с этим, на мой взгляд, актуально мнение министра иностранных дел России

С.В. Лаврова, который в своем интервью 8 ноября 2012 г. сказал следующее: «Уже стали поговаривать о намерении сделать Евразийский парламент по образцу Европарламента, который избирался бы напрямую во всех трех государствах. Я о таких планах не слышал» [3]. Комментарии, как говорится, излишни!

Разрешите пожелать всем участникам конференции успешной работы и плодотворных дискуссий, выработки рекомендаций и новых подходов, позволяющих заглянуть за горизонт!

Благодарю за внимание!

Литература

1. Назарбаев Н.А. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана «Социально-экономическая модернизация — главный вектор развития Казахстана». Астана, 27 января 2012 г. / www.akorda.kz/ru/page/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-narodu-kazakhstana/
2. Шумило-Тапиола О. ЕС следует присмотреться к Таможенному союзу // www.dw.de. — 2012, 17 октября.
3. Лавров С.В. Интервью информагентству «РИА Новости», газете «Московские новости», журналу «Россия в глобальной политике». Москва, 8 ноября 2012 г. // www.mid.ru/bgr_4nsf

Приветственное слово

**руководителя Отдела стран Восточной, Центральной
и Юго-Восточной Европы Фонда Розы Люксембург
Иво Георгиева**

Уважаемые дамы и господа!

Для меня большая честь и удовольствие — приветствовать участников этой конференции от имени Фонда Розы Люксембург. Хотел бы сердечно поблагодарить коллег из КИСИ при Президенте РК за приглашение. Для меня лично это первая возможность принять участие в общей дискуссии с нашими партнерскими организациями в Казахстане и получить собственные впечатления. Также благодарю коллег из филиала Фонда в Москве, которые участвовали в организации конференции. Особо приветствую гостей от имени нового руководителя российского филиала Фонда госпожи Тины Фарни, которая не смогла, к сожалению, приехать в Алматы из-за других обязательств.

Пять лет назад наш филиал в Москве совместно с Казахстанским институтом стратегических исследований в Алматы начал регулярно проводить международные конференции. Цель наших общих усилий — аналитическое сопровождение и поддержка интеграционных процессов в этом важном регионе, в особенности в треугольнике «Казахстан — Россия — Европейский Союз». Мы хотим содействовать созданию новых возможностей для сотрудничества и возникновению новых мостов между Европой и Центральной Азией в духе принятой в 2007 г. «Центральноазиатской стратегии ЕС». Одновременно мы хотим расширить фокус этой стратегии, делая акцент на решающей роли Российской Федерации в региональной интеграции, а также на растущее значение та-

ких стран, как Китай или Индия. Центральноазиатская стратегия ЕС, которая заслуживает такого названия, должна всегда учитывать тот факт, что Россия является и будет впредь являться важнейшим партнером Европы в этом регионе.

Лишь самостоятельный путь развития поможет странам региона в долгосрочной перспективе противостоять стоящим перед ними вызовам. Это касается создания стабильных экономических пространств и торговых отношений, а также устойчивого ресурсного менеджмента и защиты окружающей среды, борьбы с бедностью и создания высококачественного, общедоступного здравоохранения и образования, укрепления прав человека и правового государства во всем регионе. Своими проектными предложениями Фонд Розы Люксембург намерен поддерживать акторов и организации, которые готовы аккумулировать и интегрально использовать материальные и духовные ресурсы региона и которые наряду с различными национальными интересами и идентичностями выражают также региональную идентичность, артикулируют совместный интерес.

Этому соответствует и значение, которое Фонд придает региональным и геополитическим проблемам Центральной Азии. Существенное значение здесь приобретает вопрос взаимоотношений государств региона друг с другом, их отношения к региональным центрам конфликтов (Афганистан, Пакистан), а также к внешним акторам — России (трудовая миграция), Китаю (добыча сырья, инфраструктура) и США (военное присутствие). Страны ЦА являются сегодня серьезными и стабильными участниками многих международных организаций, вносят в их работу весомый и оригинальный вклад. Различные рамочные условия, интересы и иногда возникающие трещины и противоречия не должны препятствовать нам в поисках совместных решений и направлений в развитии.

Я надеюсь, что эта конференция поможет всем нам измерить достигнутый уровень интеграционных процессов на евразийском пространстве, изучить различные модели на предмет их реализуемости и подвести некоторые итоги наших совместных проектов последних лет. Нам как международному Фонду удалось наладить хорошие партнерские отношения со многими компетентными и ангажированными учеными в регионе, поддержать ряд исследований по отдельным темам, выстроить сетевую структуру из академических учреждений и организаций гражданского общества. Этим можно гордиться. В будущем мы будем работать над тем, чтобы перемещать как можно больше знаний из региона в Германию, активнее привлекать представителей европейских структур к нашим мероприятиям.

Мы можем многому научиться друг у друга. Именно сейчас мировой экономической кризис заставляет нас критически переосмыслить некоторые модели интеграции на Старом континенте. Ошибки и неудачи ЕС могут представлять большой интерес для дискуссий вокруг евразийской модели интеграции. Особенно важным нам представляется здесь требование предоставить широким слоям населения, обществу право голоса и участия в строительстве новых европейских или евразийских структур. Под этим подразумеваются демократические процедуры, транспарентность, уважение прав человека и активное гражданское общество. Надеюсь, что нашему Фонду в будущем удастся внести в этот процесс взаимного обогащения собственный вклад. Желаю нашей конференции большого успеха.

Спасибо за внимание!

***

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Процессы интеграции в глобальном и евразийском аспектах: общее и особенное

Башмаков А.А.

Важнейшим трендом и доминирующей тенденцией современного развития являются трансформация пространственных координат мировой политики и изменение геополитического ландшафта в результате двух процессов — глобализации и регионализации. В научном дискурсе появилось новое понятие «*глобальная регионализация*», обозначающее, что локальное и глобальное сосуществуют в качестве не взаимоисключающих, а, скорее, взаимодополняющих друг друга процессов.

Интеграционные процессы в различных регионах по сути своей едины, поскольку они приводятся в действие объективными силами рыночной экономики. В эти процессы вовлекаются различные стороны социально-экономической жизни интегрирующихся стран.

В своем развитии подобная интеграция проходит, на мой взгляд, несколько этапов развития:

- зона свободной торговли;
- таможенный союз (ТС);
- единое экономическое пространство;
- экономический союз;

Первый этап предполагает устранение импортных тарифов среди стран региональной интеграции.

Таможенный союз — более высокий этап в развитии интеграции, где уже предусматривается не только свободное движение товаров, но и установление общей структуры внешних тарифов.

Третий этап — единое экономическое пространство — характеризуется той же тарифной политикой, что и ТС, плюс свобода движения факторов производства, т. е. рабочей силы и капитала.

Экономический союз — это самая высокая форма интеграции, когда страны общего рынка осуществляют единую экономическую политику в валютно-финансовой, социальной и других сферах.

Наиболее ярким примером является Европейский Союз. По существу, здесь национальные экономики всех европейских стран, входящих в ЕС, представляют собой единую региональную экономику. Такая система представляет собой институциональную модель, когда интеграция подразумевает взаимодействие экономики на условиях межправительственных соглашений. Что касается Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), то в силу разнородности уровней экономического и структурного развития стран, объединенных в этом образовании, здесь интеграционные процессы протекают под давлением рыночных механизмов. Такую модель интеграции называют *функциональной*.

В отличие от АТР Североамериканская зона свободной торговли (НАФТА) демонстрирует пример гармоничного сочетания институциональной и функциональной моделей региональной интеграции. Здесь развивается процесс реального интегрирования стран, находящихся на разных уровнях экономического развития.

Таким образом, реализуются разнообразные формы экономической интеграции с различной степенью ее эффективности, подходами и методами эффективного объединения национальных рынков, механизмами регионального сотрудничества и тенденциями сращивания национальных экономик на разных уровнях.

Главная цель экономической интеграции — обеспечить благоприятные условия для стран-участников, что приведет к развитию объединений, в которых стимулируется рост экономической эффективности. Это может внести значительный вклад в расширение международной торговли в целом, а в результате ослабления препятствий на пути торговли между различными государствами — способствовать либерализации мировой торговли и международному инвестированию.

В этом контексте представляется необходимым рассматривать нарождающийся Евразийский экономический союз (ЕЭС) как интеграционную форму сотрудничества нового поколения, соответствующую тенденции глобальной регионализации в нынешнем веке. В подтверждение можно сослаться на концептуальные размышления Н.А. Назарбаева о том, что «в XXI столетии невозможно представить, чтобы Евразийский союз состоялся как успешный центр глобальной силы вне четко прослеживаемых трендов глобального развития. В текущем столетии регионализация стала общемировой тенденцией. Европейский Союз в ближайшие годы планирует дальнейшее расширение. В Восточной Азии создается крупнейшая на планете зона свободной торговли с участием Китая и стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) с охватом сразу двух миллиардов потребителей. В финансово-экономическом плане самоорганизуется регион Персидского залива. Укрепляется интеграция стран Северной и Южной Америки, Африки» [1].

Размышляя о будущем ЕЭС, следует до мелочей учитывать опыт, проблемы и уроки существующих региональных интеграций. Нельзя игнорировать значение гуманитарного измерения евразийской экономической интеграции, в которой ключевым элементом современной парадигмы является культурно-цивилизационная кооперация. Нельзя не вспомнить и недавнее прошлое и дезинтеграционные процессы,

охватившие весь постсоветский регион, который можно охарактеризовать как глобальный регион. Один из главных уроков этого исторического периода состоит в том, что командный характер прошлых объединений определялся полным отсутствием гражданского общества и бизнес-структур, что лишало тенденцию к интеграции естественной среды для развития и укрепления. Это отличительная характеристика в отличие от европейской модели интеграции. В нынешних условиях представляется крайне неэффективным и даже опасным обращаться при создании евразийской интеграции только к государственным органам, не учитывая активно развивающиеся формы гражданского общества и бизнес-структур.

Именно негосударственные факторы могут создать и уже создают ту прочную интеграционную среду региональной евразийской взаимозависимости, которая, с одной стороны, формируется за счет нерасторжимых переплетений интересов: экономических, культурных, этнических, уходящих вглубь исторического соседства, а с другой — предопределяется глобализационными особенностями современного общественного развития: информационной транспарентностью, человеческой мобильностью и рыночными факторами.

Когда мы рассуждаем о глобальном евразийском регионе в рамках глобальной регионализации, то нельзя не обратиться к теоретическим предпосылкам евразийской интеграции. Мы знаем немало проектов и теоретических разработок, касающихся евразийства. Еще в период «перестройки» академик А.Д. Сахаров выступил с предложением преобразовать СССР в Соединенные штаты Евразии, положив в основу подготовленный им проект «Конституции Союза Европы и Азии». Но наиболее развернутую концептуальную идею евразийской интеграционной модели предложил Президент Казахстана Н.А. Назарбаев. К сожалению, в 90-е гг. XX в. и первые годы XXI в. его идеи не отрицались, но и не находили, в том числе и со

стороны российского руководства, реальной поддержки. Тема реинтеграции постсоветских республик была самой актуальной. В научных кругах существовало немало теоретических разработок, экономических расчетов, монографий и интервью политиков. Многие из них страдали описательной статистикой и слабой теоретической основой. Находились и авторы с альтернативными убеждениями о невозможности восстановления экономического сотрудничества государств СНГ.

Все исследования по постсоветской интеграции можно разделить на три группы:

- 1) теоретические исследования, которые нацелены на твердое понимание взаимодействия на микроуровне;
- 2) популярные дискуссии на тему сотрудничества стран СНГ и восстановления разорванных хозяйственных, технологических и гуманитарных связей;
- 3) труды, выражающие растущий интерес к рассмотрению постсоветской интеграции в контексте евразийских и европейских интеграционных инициатив.

Планетарный уровень характерен для работ известного российского ученого А. Дугина, который рассматривает евразийство в условиях глобализации как антипод однополярного глобализма (атлантизм). Один из основных его тезисов сводится к признанию объективности глобализации, что рассматривается как конец эпохи «национальных государств». На смену им в рамках многополярной глобализации приходят так называемые «меридиональные зоны», простирающиеся с севера на юг (атлантическая, евро-африканская, российско-среднеазиатская и тихоокеанская). Таким образом, концептуально обосновывается идея интеграции как единство в многообразии в противовес вестернизационной, атлантической интеграционной схеме [2].

Интересен теоретический подход другого российского исследователя — директора Центра интеграционных исследо-

ваний Е. Винокурова, который выделил несколько мировых центров притяжения постсоветского пространства, рассматривая их в контексте культурно-этнографического измерения: Европейский Союз, Китай, Индия, Россия и Турция. По его мнению, создание континентальной интеграционной организации наднационального характера маловероятно.

Возрождение позитивного интереса к концептуальной идее Евразийского экономического союза в конце первого десятилетия XXI в. связано с поиском новых моделей интеграционных объединений. И вновь автор и самый последовательный сторонник идеи Евразийского союза Н.А. Назарбаев предлагает в качестве практического воплощения данной концепции создать Таможенный союз. В результате в июле 2011 г. перед Таможенным союзом Казахстана, России и Беларуси была поставлена задача качественного наполнения этого экономического образования, поэтапного его преобразования в Единое экономическое пространство с последующим формированием Евразийского экономического союза.

Институционализация Евразийского союза идет полным ходом. Уже сегодня нами, депутатами Парламента, принято и ратифицировано более 70 законопроектов, и эта работа по созданию унифицированной правовой базы продолжается. Определен предполагаемый срок юридического оформления этого регионального интеграционного образования — 2015 г.

Сейчас, в период его формирования, очень важно понять, в чем будет заключаться *особенность* данной модели союза. Для этого, полагаю, необходимо проанализировать управленческие схемы уже существующих моделей интеграции, я имею в виду ЕС и Азиатско-Тихоокеанское сотрудничество (АТЭС). С этими интеграциями у Казахстана сложились достаточно тесные торгово-экономические отношения. Их управленческий опыт, а также проблемы, с которыми столкнулись, к примеру, страны ЕС, могут быть для нас полезны с

точки зрения их применения и, наоборот, недопущения у себя того, что мешает в работе Европейского Союза. 30 октября 2012 г. я принимал участие в работе 11-го заседания Комитета Парламентского сотрудничества «Республика Казахстан — Европейский Союз». Вы знаете, уважаемые коллеги, что еще в январе 1995 г. Президент Казахстана подписал с ЕС «Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Казахстаном и ЕС».

Другим важнейшим документом является «Государственная программа «Путь в Европу», принятая в 2009 г. Уже само название программы подтверждает стремление нашей страны проводить многовекторную политику в области экономического сотрудничества. Это, кроме всего прочего, позволяет Казахстану уменьшить зависимость от соседей — России и Китая.

В Брюсселе исходят из того, что в настоящее время открываются уникальные возможности по углублению отношений ЕС и Казахстана. В целом это надо приветствовать. Последние рабочие встречи Главы государства Н.А. Назарбаева с руководством Австрии и Чехии, а ранее, в феврале 2012 г., с Ангелой Меркель в Германии, подтвердили огромный интерес этих европейских государств к сотрудничеству с Казахстаном. Миллиардами евро исчисляются контракты, подписанные в ходе этих переговоров.

На встрече с депутатами Европарламента, о чем я говорил выше, чувствовалось желание ЕС расширять и углублять наши отношения. Но вместе с тем они неприкрыто высказывают свое недоброжелательное отношение к созданию Таможенного союза и тем более к формированию Евразийского экономического союза. В ходе нашей встречи дважды депутаты Европарламента задавали вопрос: «Будущий союз — это политическое образование?». Наши ответы их не удовлетворяли, а они старались убедить нас отказаться

от участия в Таможенном союзе. Более того, мы постоянно чувствуем прямое политическое давление на нас. Приезжая к нам на выборы в качестве наблюдателей, они придерживаются двойных стандартов и откровенно предвзятого отношения. В сентябре 2009 г. Европарламентом была принята резолюция по Е. Жовтису, 15 марта 2012 г. — резолюция по политической ситуации в Казахстане, в том числе по Жаназену и Н. Соколовой.

Сегодня Европа переживает трудные времена: экономики Ирландии, Исландии, Португалии, Греции, Испании, Италии, Франции и ряда других стран находятся в весьма сложном положении. Урезаны пенсии почти во всех странах ЕС, безработица достигла крайне опасного уровня — 20 %, не отрегулированы проблемы в Евроне. Кризис в Европе ставит под сомнение сохранение как целостности зоны евро, так и политической целостности ЕС. В недавно вышедшей книге Президента Чехии В. Клауса автор с тревогой говорит о своем полном разочаровании по поводу вступления в Европейский Союз. Чехия, находясь в центре Европы, оказалась на ее задворках, еще большее беспокойство президента вызывает утрата национальной идентичности чехов под давлением евроцентризма и мультикультурализма. Все настойчивее звучат призывы в Греции о выходе из ЕС. Во время пребывания в этой стране канцлера Германии греки проявляли откровенное и даже оскорбительное отношение в целом к Германии. В разговоре с депутатом Европарламента от Латвии С.Л. Рубиксом я услышал интересное утверждение: сегодня в Латвии возрождается интерес к сотрудничеству с Россией, другими странами СНГ, вновь начинают учить русский язык как способ и средство ведения бизнеса. Аналогичная ситуация наблюдается в Литве, Польше, Словакии, Чехии и др. Эта тенденция подтверждает убеждение ученых в том, что идет смена доминанты с Запада на Восток, акценты сме-

щаются в сторону Евразии. Понятно, что современная кризисная ситуация в ЕС подталкивает европейских лидеров к новым структурным изменениям и управленческим принципам. Казахстан, как и в целом мир, заинтересован в быстрейшем решении возникших проблем в Европе. Карл Паланьи сделал интересное сравнение: «Европа как велосипед: остановишься — упадешь». Все мы желаем, чтобы европейский велосипед успешно двигался дальше.

Что же остается нам? Подчиняться рекомендациям Европарламента? Выполнять требования нашей оппозиции, призывающей отказаться от интеграции с Россией, от идеи Евразийского экономического союза? А возможно ли в условиях мирового глобального процесса, мирового финансового и экономического кризиса жить в гордом одиночестве? Даже человек не может жить один. Государства, думаю, тоже должны объединяться. Это способствует перераспределению ресурсов: материальных, финансовых, интеллектуальных. Мы уже сегодня видим результаты нашей интеграции. У нас, в отличие от всех других региональных интеграций, я имею в виду Европейский регион, самый высокий и реальный потенциал: в мире нет территорий с таким колоссальным запасом минеральных ресурсов, лесов, воды, источников энергии, интеллектуального капитала, которыми обладаем мы — Казахстан и Россия. Напомню, во время принятия Киотского соглашения небезызвестная М. Олбрайт заявила: «Не много ли одной России Сибири?». Повторил этот вопрос и З. Бжезинский. Два года назад ученый из Китая в своей книге также поднял подобный вопрос. Но, говоря о Сибири, авторы этой фантазмагорической идеи подразумевают и нас. Современные вызовы и угрозы требуют ответственного относиться к укреплению своей национальной безопасности. Планы преобразования мира по канонам США наглядно отразил З. Бжезинский в статье «Геостратегия для Евразии».

Он определил: США должна быть единственной правящей державой в Евразии: кто владеет Евразией, тот владеет и Африкой. Основоположник современного цивилизационного подхода к развитию общества А. Тойнби еще в 1947 г. пришел к заключению, что «цивилизация, осознавшая свое превосходство над соседями, не преминет прибегнуть к силе, пока эта сила есть» [3].

Безусловно, концепция этой силы способна видоизменяться и трансформироваться навстречу новым реалиям.

Наша страна имеет непростое геополитическое окружение. Рядом Афганистан со всеми его характеристиками, Кыргызстан с зыбкой и неустойчивой внутривосточной обстановкой, аналогичная ситуация и в Таджикистане. Наш сосед — и Китай с его внутренними проблемами, связанными с Тайванем, Тибетом и Синьцзяном, и внешними — на границах с Японией и Индией.

Китай всегда был миролюбивым государством и ставил гражданское начало выше военного. По выражению К. Маркса, только китайский император не облачался в военный мундир. Генеральная стратегия Китая — выиграть битву без военных столкновений, отдавать предпочтение «мягкой силе» и распространять свое влияние «невидимыми руками» экономики и культуры. Примером может служить нынешнее присутствие КНР в Африке.

Рядом с нами — Россия, с которой у нас особые стратегические партнерские отношения. Общая история, общая ментальность, общие побудительные мотивы к интеграции.

Для Казахстана, как и для России, западная модель нестоятельна. Казахстан — это государство-цивилизация. Многонациональный состав — матрица, неотъемлемое свойство, способ и формула существования. При всех общих классических принципах построения интеграционного объединения — Евразийского экономического союза — существует спец-

ифическая особенность. Глобализация объединяет всех в сфере экологии, экономики, технологии и финансов. Но есть еще одна сфера — это культура, ценностные представления и цивилизационная идентичность.

По этническому, конфессиональному и языковому составу Евразийский субконтинент — один из самых богатых и разнообразных на земле. Здесь нет доминанты превращения региона в единую структуру, евразийский мир ищет возможность существовать в единстве и многообразии. Здесь мы близки с Россией.

Великий евразиец П. Савицкий писал: «Недаром над Евразией веет дух своеобразного “братства народов”, имеющий свои корни в вековых соприкосновениях и культурных слияниях народов... Здесь легко просыпается воля к общему делу» [4].

У нас есть общее дело. Это Евразийский экономический союз. Древняя китайская мудрость гласит: «Если народ вдохнет полной грудью — поднимется ветер». «Важно, что несет этот ветер народу и государству», — так говорят в Китае сегодня. Если перенести эту мудрость в контекст нашей задачи, то я бы сказал, что у нас есть все, чтобы использовать не до конца раскрытый духовный потенциал народа. Мы должны вдохнуть всей грудью, чтобы ветер нашей интеграции сработал на интересы наших стран, наших народов, народа Казахстана.

Л.Н. Гумилев верно подметил, что все этносы живут по своим жизненным ритмам. На евразийском пространстве есть своя особая модель этнического многообразия и единства. Она отличается тем, что этносы, проживающие рядом, незаметно образуют пассионарную энергию, которая, в свою очередь, заряжает их духовный мир и пробуждает новое качество — комплиментарность. Казахи и русские, а вместе с ними и все другие народы, проживающие рядом, также ком-

плиментарны. Это огромное и бесценное достояние. Это та духовная скрепа наших стран и народов, которая нуждается в постоянном нашем внимании и которая может служить духовной и цивилизационной основой экономической интеграции. Место Казахстана особенное — страна расположена в сердце Евразии, занимая срединное положение между Россией и Китаем. «Феномен нашей Республики — говорил Н.А. Назарбаев, — заключается в том, что мы являемся одновременно членами и европейских, и азиатских региональных международных организаций. Несомненно, мы понимаем суть своего геополитического положения, и, более того, готовы к тому, чтобы стать центром по укреплению безопасности» [5].

Литература

1. Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия. — 25 октября 2011 г.
2. Васильева Н. Формирование Евразийского Союза в контексте глобальной регионализации». ЕЭИ. — 2012. — № 3.
3. Бережная М. Публичная дипломатия: Тезенис и тренды развития. // Дипломатическая служба. — 2012. — № 5.
4. Савицкий П. Континент Евразия. — М., 1997.
5. Назарбаев Н.А. О создании регионального пояса стабильности // Евразийский Союз. Идеи, практика, перспективы. 1994—1997 гг.

***

Евразийская интеграция — проект, устремленный в будущее

Бочарников М.Н.

Будущее любых субъектов геополитики всегда определялось направлением их развития. История помнит множество примеров, когда неверно выбранный путь приводил к крушению целых империй. Сегодня мы стоим на пороге создания совершенно нового интеграционного проекта на постсоветском пространстве — Евразийского экономического союза. Лидеры стран-участников уже определились с датой реализации проекта — это 2015 г. При этом во главу угла ставятся интересы наших граждан, задача поддержания и упрочения традиционных связей между странами. Объективными преимуществами нашего интеграционного объединения являются языковая общность, схожие мировоззренческие и жизненные стандарты, единая культурная среда.

Стратегическая значимость ЕЭС исторически предопределяется экономической и культурной близостью народов. Экономике наших стран десятилетиями развивались как единый народно-хозяйственный комплекс, что обеспечило тесные связи между предприятиями и производственную кооперацию. Двигаясь по пути дальнейшей интеграции в рамках Евразийского экономического союза, мы сможем придать не только дополнительный импульс развитию наших государств, но и обеспечить получение таких синергетических эффектов, как снижение транзакционных издержек двустороннего и многостороннего сотрудничества, улучшение условий торгового и инвестиционного обмена, преимущества от межстранового разделения труда.

Интеграционные усилия России, Казахстана и Беларуси приобретают особое значение в свете сохраняющихся ри-

сков, обусловленных кризисными явлениями в странах Еврозоны, проблемами на мировых фондовых рынках, нестабильной экономической ситуацией во многих странах мира и на постсоветском пространстве. Проводимая работа по снятию барьеров во взаимной торговле, обеспечению свободного перемещения товаров, капитала, услуг и рабочей силы является эффективным инструментом противодействия существующим негативным явлениям. На фоне рецессии интеграция — единственное, что дает возможность сообща повысить экономическую защищенность, устойчивость и конкурентоспособность.

Показателем эффективной работы Таможенного союза выступают цифры товарооборота, рост которого только за год функционирования ТС составил 40 %, а это новые рабочие места, налоги в бюджеты наших стран, улучшение инвестиционного климата и условий ведения бизнеса.

Важнейшим элементом, способствующим углублению евразийской интеграции, стало создание единого исполнительного наднационального органа — Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), которая приступила к работе 1 февраля 2012 г. В соответствии с соглашениями по ЕЭП, а также Договором о Евразийской экономической комиссии ЕЭК передан целый ряд функций и полномочий, в том числе вопросы таможенно-тарифного и технического регулирования, установления торговых режимов в отношении третьих стран, конкурентная и макроэкономическая политика. Принципиально важно, что механизм принятия решений в рамках Комиссии исключает доминирование какого-либо государства — участника ТС. При этом хочется развеять опасения некоторых скептиков о якобы доминировании России в интеграционных объединениях наших стран. Во-первых, сама идея евразийской интеграции принадлежит Президенту Казахстана Н.А. Назарбаеву, а не Москве. Во-вторых, рос-

сийская экономика является наиболее мощной среди стран Таможенного союза, но и обязательства Российской Федерации (РФ) существенно выше, чем у наших партнеров по интеграции. Скажем, в антикризисном фонде ЕврАзЭС из 10 млрд долл. США более 7 млрд долл. обеспечивает именно Россия. То же самое можно сказать и про другие структуры. В том же Европейском Союзе никто не драматизирует тот факт, что Германия и Франция всегда будут локомотивами ЕС, а их экономики в разы крупнее греческой, испанской или португальской.

Принципиальным моментом является и то, что при создании Таможенного союза и Единого экономического пространства (ЕЭП) мы опираемся на международный опыт и не противопоставляем себя другим странам и интеграционным объединениям. Напротив, стремимся к дальнейшему укреплению всестороннего взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с другими странами и международными интеграционными объединениями с выходом на общее экономическое пространство. В доказательство можно привести некоторые страны Азиатско-Тихоокеанского региона, которые заинтересованы в заключении договоров о свободной торговле с государствами — членами Таможенного союза.

Предпринимаемые нами усилия по развитию евразийской экономической интеграции осуществляются, в первую очередь, в интересах граждан наших стран. Поэтому крайне важно, что подавляющее большинство населения наших государств позитивно относятся к интеграционному проекту. В частности, по заказу Евразийского банка развития международным исследовательским консорциумом «Евразийский монитор» проведено масштабное исследование общественного мнения в странах СНГ. При ответе на вопрос: «Как Вы относитесь к тому, что экономики России, Беларуси и Казахстана объединились в Таможенный союз, который освободил

торговлю между тремя странами от пошлин?», — казахстанцы оказались лидерами по положительной оценке. 80 % респондентов одобрительно относятся к созданию ТС и ЕЭП. Высоки проценты в России (72 %) и Беларуси (60 %). Примечательно также и то, что ТС и ЕЭП воспринимаются положительно не только в государствах-участниках. Большинство населения Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана, Молдовы одобряет интеграционные процессы между Россией, Казахстаном и Беларусью и желает к ним присоединиться. А это создает хороший задел для дальнейшей работы по углублению интеграции между нашими странами.

***

ЕЭП и ЕврАзЭС: перспективы интеграционного сотрудничества

Абдыхалыков Ф.Ш.

Уважаемые коллеги!

Как известно, со времени своего учреждения в 2000 г. Евразийское экономическое сообщество целенаправленно занималось реализацией главной из поставленных задач — созданием Таможенного союза и Единого экономического пространства, и сегодня можно сказать, что на этом пути многое сделано. После принятия Межгосударственным советом ЕврАзЭС в 2006 г. ключевого решения о создании Таможенного союза в составе трех государств эта работа планомерно началась.

В 2008 г. мировая экономика попала под влияние глобального кризиса, который убедительно продемонстрировал, что ни экономики стран Европы, ни экономики других государств не в состоянии в одиночку обеспечить необходимый запас прочности. Это обстоятельство поставило государства «тройки» перед выбором — либо подчиниться непредсказуемым колебаниям мировой экономики, либо пойти по пути ускоренной и углубленной интеграции, попытавшись придать устойчивость своим экономическим системам. В качестве ответа на этот вызов был избран интеграционный вариант, а главными факторами укрепления экономик должны были стать снятие барьеров и ограничений во взаимной торговле и формирование единого рынка.

В результате совместных усилий в 2010 г. была создана необходимая договорно-правовая основа Таможенного союза, после чего новое интеграционное объединение включилось в работу и стало давать положительные результаты: на треть

вырос объем поступлений по импортным пошлинам; внешнеторговый оборот в 2010 г. вырос с 598785,3 до 783590,3 млн долл. США, т. е. на 30,9 %; объем взаимной торговли товарами государств Таможенного союза увеличился на 21 % по сравнению с 2009 г. Эти тенденции продолжились и в 2011 г. Так, объем взаимной торговли стран Таможенного союза вырос за год на 35,9 % и достиг 62,3 млрд. долл. США. Стало очевидным, что темпы развития ТС позволили пойти еще дальше, и с начала текущего года государства — члены ЕврАзЭС — Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация — вышли на уровень сотрудничества в формате Единого экономического пространства. Таким образом, евразийская интеграция достигла новой ступени взаимодействия. Заработал Таможенный союз, действуют единые Таможенный кодекс, Таможенный тариф, система внешнеторгового и таможенного регулирования, единое правовое поле в сфере технического регулирования. Создан и включился в работу межгосударственный наднациональный координирующий орган — Евразийская экономическая комиссия, которому государствами передана часть своих функций, таких, как принятие технических регламентов, изменение ставок таможенных пошлин, распределение таможенных сборов между странами и ряд других. За истекший период состоялись два заседания Высшего Евразийского экономического совета, проведено 11 заседаний Совета Евразийской экономической комиссии и 29 заседаний Коллегии ЕЭК.

Анализ, проведенный Евразийской экономической комиссией, показывает, что уже сегодня темп роста взаимной торговли стран ЕЭП почти на 3 % превышает темп роста торговли с третьими странами. Товарная структура взаимной торговли также более эффективна, чем с государствами, не входящими в ЕЭП, в частности, доля продукции с высокой степенью переработки здесь вдвое выше. Единое экономиче-

ское пространство формирует прозрачные и понятные правила игры на своей территории, при этом бизнесу предоставляется национальный режим независимо от того, к какому из государств принадлежит компания.

Таким образом, одна из главных целей, которые были поставлены в уставных документах Сообщества — формирование Таможенного союза с последующим созданием Единого экономического пространства — тремя государствами ЕврАзЭС достигнута. Сегодня в Кыргызской Республике и в Республике Таджикистан также принимаются меры для достижения этого уровня. Создана совместная Рабочая группа, которая работает в этом направлении. В перспективе страны ЕЭП будут стремиться не только к укреплению сотрудничества на пространстве СНГ, но и к созданию общего экономического пространства с Евросоюзом, основанного на соответствующей нормативной правовой базе. И для этого имеются объективные предпосылки. К примеру, по объему продаж на рынке Евросоюза страны ЕЭП занимают 2-е место в мире после Китая (13,8 %). Одновременно доля ЕЭП в экспорте ЕС составляет 7,9 %, (это 3-е место после США — 17 % и Китая — 8,9 %).

С принятием Декларации о евразийской экономической интеграции, заключением Договора о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 г. и после начала работы Комиссии в феврале 2012 г. на территории пяти государств стали функционировать две параллельные структуры, имеющие своей общей целью дальнейшее углубление интеграционных процессов с целью выхода на создание Евразийского экономического союза в 2015 г., — это ЕврАзЭС и ЕЭП.

На ЕЭП возложено обеспечение практического взаимодействия по следующим направлениям:

- функционирование общего рынка товаров, услуг и трудовых ресурсов;

- формирование согласованной промышленной, транспортной, энергетической и аграрной политики и углубление производственной кооперации;

- гармонизация национальных законодательств в рамках договорно-правовой базы ЕЭП;

- переход к согласованию основных макроэкономических показателей и углубление сотрудничества в валютной сфере;

- экономическая безопасность;

- миграционная политика.

На сегодня деятельность ЕврАзЭС продолжается в следующих сферах:

- проведение согласованной экономической политики;

- взаимодействие в реальном секторе экономики;

- формирование Транспортного союза и реализация транзитного потенциала ЕврАзЭС;

- формирование и совместное развитие энергетического рынка;

- взаимодействие в агропромышленном секторе;

- формирование общего финансового рынка и развитие валютной интеграции;

- сотрудничество в социально-гуманитарной сфере и в области миграционной политики;

- взаимодействие в сфере охраны окружающей среды;

- международная деятельность.

Кроме того, Секретариат ЕврАзЭС организует и обеспечивает работу созданных по решению глав государств Антикризисного фонда ЕврАзЭС и Центра высоких технологий ЕврАзЭС, взаимодействует с Межпарламентской Ассамблеей и Судом ЕврАзЭС.

Все это позволяет структурам Сообщества обеспечивать достижение заданных параметров развития интеграционных процессов.

В рамках Сообщества Секретариатом Интеграционного комитета ЕврАзЭС в постоянном режиме осуществляется работа более чем по 130 международным договорам. На завершающей стадии находится еще около 20 документов.

Сегодня государства — члены ЕврАзЭС согласовывают количественные значения показателей, подлежащих сближению (дефицит бюджета; государственный долг; уровень инфляции; среднегодовая ставка по долгосрочным кредитам).

Исключительно важным аспектом деятельности продолжает оставаться сотрудничество в реальном секторе экономики, в частности реализация межгосударственных целевых программ. В соответствии с решениями Межгоссовета ЕврАзЭС на стадии разработки и реализации находится восемь программ, затрагивающих сферы инновационных биотехнологий; контроля таможенного транзита; рекультивации территорий, подвергшихся радиоактивному заражению; реализации порядка экспортного контроля, развития электронных технологий, обустройства внешних границ и др.

Продолжается работа по реализации согласованной социальной политики. Утверждены основные направления сотрудничества государств — членов ЕврАзЭС в области культуры и миграции.

Разрабатываются проекты основных направлений сотрудничества государств — членов Сообщества в области охраны окружающей среды, Концепции развития гражданских законодательств государств-членов, которая в настоящее время проходит процедуру согласования Сторонами.

Целый блок вопросов связан с координацией и обменом информацией в отношении антикризисных мер, проводимых государствами ЕврАзЭС. Совет Антикризисного фонда в 2010 г. предоставил Республике Таджикистан финансовый кредит на сумму 70 млн долл. США, а в июне 2011 г. принял

решение о предоставлении Республике Беларусь финансового кредита в размере 3 млрд долл. США шестью траншами в течение 3 лет. Рассматривается также вопрос о предоставлении Кыргызской Республике финансового кредита в размере 106, 7 млн долл. США. Поступили заявки на финансирование порядка 20 межгосударственных инвестиционных проектов, среди которых: строительство и модернизация железных дорог в Армении (400 млн долл.), реконструкция автомобильных дорог в Беларуси (520 млн долл.), строительство ЛЭП «Алматы—Кемин» в Казахстане и Кыргызстане (150 млн долл.), реконструкция Нурекской ГЭС в Таджикистане (30 млн долл. США).

Секретариатом организуется и обеспечивается деятельность Центра высоких технологий ЕврАзЭС. Сегодня Центром ведется целенаправленная работа по установлению деловых контактов с организациями стран-участников и Армении. Рассмотрено более 400 инновационных проектов, 14 из них отобраны для дальнейшего финансирования. В августе 2011 г. подписан Меморандум о сотрудничестве между Центром и Фондом «Сколково».

С 2003 г. ЕврАзЭС, обладая статусом наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН, укрепляет сотрудничество и развивает прямые контакты с ООН и заинтересованными международными организациями. Генеральной Ассамблей ООН принимаются резолюции «Сотрудничество ООН и ЕврАзЭС», в которых определяются направления совместной работы и тематика сотрудничества.

В целях развития международной деятельности Секретариатом подписано более 30 меморандумов и других документов о сотрудничестве с международными организациями и учреждениями.

Секретариатами Межпарламентской Ассамблеи (МПА) и Интеграционного Комитета ЕврАзЭС подготовлено 14 про-

ектов Основ законодательств в различных сферах правоотношений стран Сообщества, том числе Основы транспортного законодательства, Основы законодательства об энергетике, Основы бюджетного законодательства и др. Разрабатываются Основы законодательства об инновациях, налогового, банковского, земельного, пенсионного, гражданского законодательства.

С 1 января 2012 г. начал работу Суд ЕврАзЭС. Функционирование самостоятельного Суда ЕврАзЭС направлено на развитие и укрепление судебной системы Сообщества по урегулированию межгосударственных споров в рамках ЕврАзЭС.

Заинтересованные хозяйствующие субъекты государств — членов ЕврАзЭС могут обращаться в Суд по вопросам защиты своих прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Пример ЕврАзЭС свидетельствует, безусловно, в пользу интеграции. Так, если в 2000 г. товарооборот между государствами — членами Сообщества составлял 169 млрд долл. США, то в 2009 г. (т. е. накануне начала функционирования ТС) он приблизился к 600 млрд, а в 2012 г. эта цифра, по прогнозам, может достичь 1 трлн долл. США.

Учитывая, что в настоящее время часть вопросов, касающихся экономики, торговли, таможенного дела и ряда других, передана в компетенцию ЕЭК, потребовалась определенная реорганизация структуры Секретариата Интеграционного комитета ЕврАзЭС с корректировкой отдельных функций. В этой связи уполномоченными органами Сторон совместно с Секретариатом Интеграционного комитета были подготовлены согласованные предложения об оптимизации Секретариата и вынесены на рассмотрение Интеграционного комитета, а затем Межгоссовета ЕврАзЭС (на уровне глав правительств) с последующим рассмотрением главами государств.

Исходя из поставленной главами государств задачи — выйти в 2015 г. на создание Евразийского экономического союза, — необходимо рассматривать современный этап как промежуточный, представляющий собой стартовую площадку для перехода на следующую ступень. Таким образом, нам предстоит пройти путь ЕС в значительно более сжатые сроки.

Как отмечал Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в статье «Евразийский союз: от идеи к истории будущего», опубликованной в газете «Известия» в октябре 2011 г.: «Мы все являемся свидетелями рождения нового уникального сообщества наций, у которого не только богатый опыт совместного прошлого, но и неделимая общая история будущего. ...Последовательная трансформация Таможенного союза в Единое экономическое пространство, а со временем в Евразийский союз станет мощным стимулом для процветания наших народов, выведет наши страны на ведущие позиции в глобальном мире».

***

Формирование Евразийского экономического союза: социально-политические аспекты

Достанко Е.А.

На современном этапе развития международных отношений на постсоветском пространстве наиболее интегрированными в экономической сфере можно назвать межгосударственное объединение Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан — Таможенный союз и Единое экономическое пространство, которые были сформированы в результате разноскоростной интеграции государств в рамках Евразийского экономического сообщества.

В августе 2006 г. на Межгосударственном совете ЕврАзЭС было принято принципиальное решение о создании Таможенного союза в составе лишь трех государств, готовых к этому, — Беларуси, России и Казахстана. Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза был подписан 6 октября 2007 г. в Душанбе, в соответствии с которым Республика Беларусь, Республика Казахстан и Российская Федерация взяли обязательства по формированию ТС [1].

В декабре 2009 г. на неформальном саммите в Алматы президенты Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации утвердили План действий на 2010—2011 гг. по формированию Единого экономического пространства трех стран, который предусматривал разработку и подписание в течение двух лет, к 1 января 2012 г., 20 международных договоров, обеспечивающих создание ЕЭП. Таким образом, Таможенный союз является переходным этапом к более углубленной форме интеграции — Единому экономическому пространству. 9 декабря 2010 г. Российская Федерация, Казахстан и Беларусь подписали

все 17 документов по созданию Единого экономического пространства.

После образования Таможенного союза, в декабре 2010 г., на саммите ЕврАзЭС в Москве были достигнуты договоренности о создании Евразийского союза на базе ЕЭП Беларуси, Казахстана и России [2]. Уже 18 ноября 2011 г. в Москве президенты трех государств подписали Декларацию о Евразийской экономической интеграции, Договор о Евразийской экономической комиссии и Регламент работы ЕЭК [3, 4, 5].

Подходы и видение проблем и перспектив дальнейшего развития интеграционных процессов были изложены в публикациях Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева «Евразийский союз: идеи, практика, перспективы, 1994—1997 гг.» и «Евразийский Союз: от идеи к истории будущего», в которых подчеркивается, что «экономические интересы, а не абстрактные геополитические лозунги — главный двигатель интеграционных процессов» [6, 7]. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в своей публикации «О судьбах нашей интеграции» рассматривает политическое будущее Евразийского союза как «противовес кризису», как «верный шаг к стабильному миру ... через создание оборонительных союзов» [8]. Президент Российской Федерации В.В. Путин в статье «Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня» говорит о том, что «строительство Таможенного союза и Единого экономического пространства закладывает основу для формирования в перспективе Евразийского экономического союза... мы не останавливаемся на этом и ставим перед собой амбициозную задачу: выйти на следующий, более высокий уровень интеграции — к Евразийскому союзу» [9].

Перспектива создания в будущем Евразийского союза определяется во многом тем положительным эффектом, который уже достигнут в рамках деятельности Таможен-

ного союза и Единого экономического пространства. Так, осуществляется единое таможенно-тарифное и нетарифное регулирование в торговле с третьими странами; введены единые требования в сфере технического регулирования, применения санитарных, фитосанитарных и ветеринарных мер; на белорусско-российской границе отменены все виды государственного контроля: таможенный, санитарный, ветеринарный, фитосанитарный, транспортный, пограничный (на российско-казахстанской границе также отменены все виды контроля, кроме пограничного). Для Беларуси важным положительным моментом является также связанное с этим укрепление транзитной привлекательности государства. До 2015 г. в Беларуси планируется строительство, в том числе с участием иностранных инвесторов, 50 логистических центров для обеспечения транзита грузов. Единое экономическое пространство обеспечило свободу движения услуг, капитала и рабочей силы.

Одной из перспективных сфер реализации полноценного сотрудничества стран в рамках ТС/ЕЭП может стать энергетическая сфера, в настоящее время готовится программа развития общего электроэнергетического рынка России, Казахстана и Беларуси, который имеет высокий потенциал на основе единой технологической базы, единой ранее существовавшей инфраструктуры и единых технологических параметров. «На сегодняшний день страны ЕЭП осуществляют продажу электроэнергии всего нескольким европейским странам, включая Финляндию, Литву, Латвию и Норвегию... энергетические мощности России, Казахстана и Беларуси используются в пределах 60 %, и существует колоссальный экспортный потенциал», — заявил член коллегии (министр) по энергетике и инфраструктуре ЕЭК Д. Ахметов [10].

Необходимо подчеркнуть, что в докладе Европейского банка реконструкции и развития «*Transition report 2012*.

Integration across borders», представленном в начале ноября 2012 г., отдельно анализируется деятельность ЕврАзЭС и Таможенного союза Беларуси, России и Казахстана. Последний впервые признается западными экспертами как «первый успешный пример региональной экономической интеграции между странами бывшего Советского Союза». По мнению экспертов, прежние попытки добиться экономической интеграции на постсоветском пространстве не привели к реальной интеграции, а создание Таможенного союза позволило на деле запустить механизм интеграционных процессов в области торговли, особенно благодаря снижению нетарифных торговых барьеров [11].

Несомненно, существует ряд дискуссионных вопросов о будущем развитии Евразийского союза, таких, как функционирование Евразийской экономической комиссии как наднационального органа, перспективы введения единой валюты на территории трех государств, прием новых членов.

Так, Евразийская экономическая комиссия функционирует как наднациональный орган, в настоящее время ей переданы все полномочия в области таможенно-тарифного, нетарифного регулирования, таможенного администрирования, технического регулирования, установления торговых режимов с третьими странами. Унификация национальных законодательств и обязательность для государств-членов принимаемых ЕЭК в рамках своих полномочий решений является важнейшими условиями завершения формирования ЕЭП к 1 января 2015 г.

Возможное введение единой валюты, которое ранее обсуждалось в рамках формирования Союзного государства Беларуси и России, является предметом заявлений как представителей ЕЭК, так и руководителей наших государств. В настоящее время превалирует мнение о том, что потребности во введении единой валюты на территории Беларуси,

России и Казахстана не существует, она должна созреть в процессе интеграции. Пока таких условий в рамках интеграционных процессов с участием Беларуси, России и Казахстана не наблюдается. Как отметила член коллегии — министр по основным направлениям интеграции и макроэкономике ЕЭК Т. Валовая, Москве, Астане и Минску еще предстоит согласовать макроэкономическую политику, чтобы не допустить разбалансировки общего рынка, «исходя из того, как будет идти эта работа, и будет приниматься решение о том, нужна ли нам общая валюта и в каком виде она будет вводиться» [12].

Расширение будущего Евразийского экономического союза за счет новых государств-членов представляется достаточно реалистичной перспективой, поскольку Республика Кыргызстан внесла официальную заявку на вступление, проводится подготовительная работа в Таджикистане. Как показали результаты социологического исследования «Интеграционный барометр ЕАБР», проведенного Международным консорциумом «Евразийский монитор» и Центром интеграционных исследований Евразийского банка развития (ЕАБР) в 2012 г., наибольшую поддержку Таможенный союз имеет в двух странах — потенциальных участниках: Таджикистане и Кыргызстане, 76 % и 67 % соответственно. Кроме того, ТС и ЕЭП привлекательны для стран, которые не имеют общей границы с этим объединением (что является условием для возможного вступления), а именно для Молдовы (65 %) и Армении (61 %). Наименьшую привлекательность ТС и ЕЭП имеют для жителей Азербайджана (38 %) и Грузии (30 %) [13]. Так, Азербайджан в настоящее время проводит политику диверсификации политического и экономического курса, направленную на многовекторное сотрудничество с западными странами, странами СНГ и усиление интеграции с Турцией.

Украина стояла у истоков создания ЕЭП — 23 февраля 2003 г. президенты России, Казахстана, Беларуси и Украины заявили о намерении сформировать Единое экономическое пространство [14], подписав 19 сентября 2003 г. соответствующее соглашение [15]. На саммите в Астане 15 сентября 2004 г. президенты стран «четверки» утвердили перечень документов, подлежащих согласованию и подписанию в первоочередном порядке. На основе этого соглашения стала проводиться работа по подготовке соответствующих документов по отраслям, так называемые «отраслевые соглашения», которые сейчас и формируют Единое экономическое пространство Беларуси, России и Казахстана. Однако Украина в свое время вышла из этого процесса. ТС и ЕЭП предполагают принятие на себя обязательств по выполнению этих отраслевых соглашений в полном объеме, поэтому в будущем Евразийском экономическом союзе возможно только полное членство, равноуровневого и равноотраслевого участия той или иной страны не предполагается, «сотрудничество Украины и Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана в формате „3+1“ нереально» [16]. Население Украины не высказывает какого-либо преимущества в пользу того или иного интеграционного объединения: присоединение к Таможенному союзу поддерживают 45,2 % опрошенных, за союз с ЕС выступают 43,8 % украинцев [17].

Представляет интерес заявление президента Республики Южная Осетия Л. Тибилова, в котором он выражает большую заинтересованность вступления страны в Таможенный союз и Единое экономическое пространство России, Беларуси и Казахстана. Однако для этого требуется политическое решение — признание этого государства Беларусью и Казахстаном [18].

Таким образом, Таможенный союз и Единое экономическое пространство Беларуси, Казахстана и России пред-

ставляют собой новую качественную и эффективную форму экономической интеграции на постсоветском пространстве, которая имеет реально действующую договорно-правовую базу и вследствие этого привлекательна для других стран как с экономической, так и с социально-политической точки зрения.

Литература

1. Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза от 6 октября 2007 г. // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза. — http://www.tsouz.ru/Docs/IntAgrmnts/Pages/D_sozdETTiformTS.aspx.
2. Лидеры ЕврАзЭС собрались в Москве для обсуждения мер по формированию Единого экономического пространства 9 декабря 2010 г. // Официальный портал НТВ.RU. — <http://www.ntv.ru/novosti/212964>.
3. Декларация о евразийской экономической интеграции, 18 ноября 2011 г. // Официальный портал Президента России. — http://news.kremlin.ru/ref_notes/1091.
4. Договор о Евразийской экономической комиссии от 18 ноября 2011 г. // Официальный сайт Комиссии Таможенного союза. — <http://www.tsouz.ru/MGS/18-11-11/Documents/Договор%20о%20ЕЭК.pdf>.
5. Решение Высшего Евразийского экономического совета № 1 от 18 ноября 2011 г. «О Регламенте работы Евразийской экономической комиссии» // Информационный портал Таможенное право. Таможенное оформление. — <http://www.customs-code.ru/pravovbaza/7063-evreglament>.
6. Назарбаев Н.А. Евразийский союз: от идеи к истории будущего // Известия. — 2011. — 26 октября. — С. 1.
7. Назарбаев Н.А. Евразийский союз: идеи, практика, перспективы, 1994—1997 гг. — М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997. — 480 с.
8. Лукашенко А. О судьбах нашей интеграции // Известия. — 2011. — 18 октября — С. 1.
9. Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. — 2011. — 4 октября — С. 1.

10. Член коллегии (Министр) по энергетике и инфраструктуре Даниал Ахметов: «Одним из основных направлений дальнейшей интеграции в рамках ЕЭП является создание общего рынка электроэнергии» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. — <http://www.tsouz.ru/news/Pages/07-11-12-1.aspx>.

11. Transition Report 2012. Integration Across Borders // Официальный сайт Европейского банка реконструкции и развития. — <http://www.ebrd.com/downloads/research/transition/tr12.pdf>

12. Член коллегии — Министр по основным направлениям интеграции и макроэкономике ЕЭК Татьяна Валовая: «Евразийский экономический союз планирует стать одним из основополагающих элементов новой глобальной экономики» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. — <http://www.tsouz.ru/news/Pages/20-06-2012.aspx>.

13. Интеграционный барометр ЕАБР. Доклад № 4, 2012 // Официальный сайт Евразийского банка развития. — <http://www.eabr.org/general/upload/reports/doklintbarom.pdf>.

14. Заявление президентов Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации и Украины, 23 февраля 2003 г. // Официальный портал Президента Республики Беларусь. — <http://president.gov.by/press18767.html>.

15. Соглашение о формировании Единого экономического пространства, 19 сентября 2003 г. // Информационный портал Бусел. — <http://busel.org/texts/cat3ap/id5rwtync.htm>.

16. Член коллегии — Министр по основным направлениям интеграции и макроэкономике ЕЭК Татьяна Валовая: «Евразийский экономический союз планирует стать одним из основополагающих элементов новой глобальной экономики» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. — <http://www.tsouz.ru/news/Pages/20-06-2012.aspx>.

17. Почти равное число украинцев хотят вступить в Таможенный союз и ЕС // Официальный сайт информационного портала «Украинский бизнес-ресурс». — <http://ubr.ua/ukraine-and-world/power/pochti-ravnnoe-chislo-ukraincev-hotiat-vstupit-v-tamojennyi-souz-i-es-167404>.

18. Вопрос вступления в Таможенный союз очень актуален для Южной Осетии: Интервью с президентом РЮО Л. Тиболовым // Информационный портал ИА Регнум. — <http://www.regnum.ru/news/polit/1583269.html>.

СЕКЦИЯ I КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Евразийское пространство и проблемы безопасности

Султанов Б.К.

Во время председательствования Республики Казахстан в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в 2010 г. казахстанской стороной был введен в международную практику тезис о евразийской безопасности. В частности, было заявлено о том, что безопасность в Европе невозможно гарантировать без обеспечения безопасности в Азии. Этот тезис затем был поддержан делегациями других стран — членов ОБСЕ. Президент Казахстана Н.А. Назарбаев, выступая на неформальной встрече министров иностранных дел государств — участников ОБСЕ (г. Алматы, 17 июля 2010 г.), отметил, что понятие европейской безопасности выходит далеко за континентальные рамки. В результате, по мнению Главы Казахстана, «ОБСЕ уже прочно оперирует понятиями евро-атлантической и евразийской безопасности» [1]. Таким образом, начиная с 2010 г. в повестке дня деятельности ОБСЕ одним из важнейших направлений является обеспечение безопасности не только на евро-атлантическом, но и на евразийском пространстве.

Задача формирования евро-атлантического и евразийского сообщества единой и неделимой безопасности была развита на Астанинском саммите ОБСЕ (г. Астана, 1—2 декабря 2012 г.). Более того, на данном саммите поднимался вопрос о формировании единого пространства безопасности в границах четырех океанов — от Атлантического до Тихо-

го и от Северного Ледовитого до Индийского. Тем не менее в заключительном документе этого форума — Астанинской юбилейной декларации саммита ОБСЕ «На пути к сообществу безопасности» — была подчеркнута приверженность всех 56 государств — участников ОБСЕ идее общего и неделимого евро-атлантического и евразийского сообщества безопасности на пространстве от Ванкувера до Владивостока, основанного на согласованных принципах, совместных обязательствах и общих целях» [2].

Поэтому, когда мы сегодня говорим об обеспечении безопасности на евразийском пространстве, необходимо определиться, что мы конкретно понимаем под Евразией и ее географическими границами.

Если исходить из методики ОБСЕ, сфера деятельности которой охватывает пространство от Ванкувера до Владивостока, то под Евразией надо понимать пространство европейских стран — членов ОБСЕ и постсоветских государств, вошедших в ОБСЕ после распада СССР в 1991 г.

В то же время, по мнению Е. Винокурова и А. Либмана, в современном мире сосуществуют две евразийские интеграции:

1) евразийская постсоветская интеграция — взаимодействие государств Северной и Центральной Евразии;

2) евразийская континентальная интеграция — переплетение экономик Европы, Северной и Центральной Евразии, Западной, Восточной и Южной Азии в масштабах всего евразийского континента [3].

В настоящее время, на наш взгляд, речь может идти об обеспечении безопасности в формате ОБСЕ, т. е. стран Европы, а также постсоветского пространства (или Северной и Центральной Евразии).

В противном случае мы выйдем за пространство ОБСЕ и войдем в зону Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).

Обеспечение безопасности в зоне ответственности ОБСЕ, т. е. на европейском континенте, а также в Северной и Центральной Евразии — задача трудная, но достижимая. Однако решение аналогичной задачи на пространстве СВМДА является труднодостижимым в исторической перспективе.

Поэтому позвольте сосредоточиться на некоторых наиболее актуальных аспектах обеспечения безопасности в важнейшем сегменте Северной и Центральной Евразии.

В последнее время как отечественными, так и зарубежными экспертами отмечается нарастающая милитаризация Каспийского региона. Практически все прикаспийские государства усиленно «накачивают» свои военные мускулы: вводятся в строй или приобретаются новые военные корабли, активно приобретаются разнообразные виды оружия и военной техники. Наиболее энергично действует в этом направлении Азербайджан, рискнувший в этих целях пойти на небывалые закупки израильского вооружения на миллиарды долларов.

Что интересно, исламский мир, да и тюркское сообщество, несмотря на незатухающее арабо-израильское противостояние, отнеслись к этому неординарному событию довольно спокойно.

Еще более равнодушное отношение исламский мир и мировое сообщество в целом демонстрируют относительно возможной милитаризации Центральной Азии, которая может произойти вследствие предстоящего вывода из Афганистана оружия, военной техники и снаряжения, находящегося на вооружении контингента Организации Североатлантического региона (НАТО) в этой стране.

По информации Министерства обороны США, в 2014—2015 гг. планируется ежемесячно отправлять из Афганистана около 2200 контейнеров и транспортных средств, причем около 500 единиц — через территорию Центральной Азии. Из них 400 единиц планируется отправлять по железной доро-

ге через Узбекистан, Казахстан и Россию, а 100 единиц — грузовым автотранспортом через территории Таджикистана, Кыргызстана, Казахстана и Кавказа [4]. Только грузов немецкого бундесвера до конца 2014 г. предстоит вывезти в следующем объеме: 1700 единиц боевой техники и 6000 контейнеров [5].

Ясно, что значительная часть оружия, военной техники, боеприпасов и снаряжения, бывших в употреблении, не будет вывозиться из Афганистана в страны НАТО, а будет передана кабульскому режиму, а также правительствам стран Центральной Азии.

Наиболее активно в направлении приобретения оружия НАТО действует Ташкент. Заявление правительства Узбекистана о выходе из ОДКБ — тому лишнее доказательство. С другой стороны, участвовавшие визиты американских военных чиновников в Узбекистан свидетельствуют о начале торга. Об условиях этого торга и возможных ценах можно только догадываться. Но уже сейчас в средства массовой информации (СМИ) просочились сведения о переговорах Вашингтона и Ташкента относительно открытия в Узбекистане Центра военного реагирования, на котором после 2014 г. будут размещены склады с оружием и военной техникой.

Не отстают от Вашингтона и его союзники. Правительство ФРГ в 2005—2011 гг. выделило узбекскому правительству около 100 млн евро на расходы, связанные с использованием перевалочного пункта на авиабазе в Термезе. В качестве косвенной оплаты в этот же период Бонн перечислил Ташкенту 90 млн евро на проекты в сфере образования и здравоохранения.

Много вопросов вызывает и готовность Москвы выделить вооружение, военную технику и снаряжение для Бишкека на 1 млрд долл., а Душанбе — на 200 млн долл.

Правящие круги Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана оправдывают необходимость вооружения своих армий

угрозой возможной талибанизации Афганистана после 2014 г. и последующей экспансией банд боевиков в страны Центральной Азии.

Конечно, решение о вооружении, перевооружении или до-вооружении — это суверенное право государств Центральной Азии и их партнеров.

Но, согласитесь, «накачивание» военными мускулами стран региона имеет определенные риски. В Кыргызстане может произойти очередная революция. В Таджикистане — очередной конфликт Душанбе с региональными лидерами. Боевые столкновения в 2012 г. в Нагорно-Бадахшанской области Таджикистана между представителями центральных и местных органов власти из-за контроля над маршрутами контрабандных грузов — тому очередное доказательство.

Это опасно и потому, что в Центральной Азии, в том числе и в Казахстане, существуют законсервированные террористические и экстремистские организации. Так, по данным прокуратуры Республики Казахстан, в нашей стране за последние 5 лет за террористические преступления осуждено 148 человек, а за преступления с признаками экстремизма — 160. Только в 2012 г. в Казахстане предотвращено 24 террористических акта. За 10 месяцев 2012 г. выявлено 112 преступлений, связанных с терроризмом и экстремизмом [6].

На наш взгляд, для Центральной Азии реальную угрозу представляют боевики не «Талибана», а «Аль-Каиды», Исламского движения Узбекистана, Исламской партии Туркестана, Жамаата моджахедов Центральной Азии, Исламского движения Восточного Туркестана, Организации освобождения Восточного Туркестана*.

По данным НАТО, в Афганистане действует около 1900 различных банд, насчитывающих от 20 до 30 тысяч боеви-

---

* Эти зарубежные организации запрещены по решению суда на территории Республики Казахстан.

ков. Лидеры банд, действующих на севере Афганистана, состоящих в значительной мере из выходцев государств Центральной Азии, Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, республик Северного Кавказа России, не расстаются с идеей о создании некоего халифата на территории Ферганской долины. Ситуация осложняется тем, что в настоящее время Ферганская долина территориально разделена между Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном, правительства которых до сих пор не разрешили проблему делимитации государственной границы. Поэтому трудно говорить о координации действий правоохранительных органов этих республик по нейтрализации банд боевиков. Ни для кого не секрет, что в некоторых районах этой долины, особенно в кыргызском секторе, боевики чувствуют себя довольно вольготно: функционируют нелегальные тренировочные лагеря, существуют тайные схроны с оружием и снаряжением.

Не исключено, что Ферганская долина может быть использована как плацдарм для распространения так называемого «правильного ислама» по всей Центральной Азии, а также в СУАР КНР и в Северном Кавказе РФ.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что по соседству — в Синьцзян-Уйгурском автономном регионе КНР, Северном Кавказе России — существуют «горячие точки». Не исключено, что часть оружия и снаряжения из Афганистана затем будет тайно переправлена для поддержки сепаратистских, экстремистских и террористических организаций в СУАР КНР и на Северном Кавказе России. Могут также появиться и внешние игроки, заинтересованные в доставке оружия в эти «горячие точки».

Необходимо также учитывать и коррупционную составляющую. Позволю себе напомнить, что оружие из разграбленных арсеналов в Кыргызстане проникло в Казахстан, этот факт постоянно дает о себе знать. Поэтому оружие из

Афганистана — не забава для генералов, а опасный товар, который в условиях нашего региона может оказаться в руках религиозных экстремистов и террористов с непредсказуемыми последствиями. Тем более, если будут соответствующие указания и инструкторы из-за рубежа.

В этой связи возникает вопрос, как будут реагировать Китай и Россия, когда это оружие «заговорит» в их странах. А в том, что это рано или поздно произойдет, можно не сомневаться. Примером может послужить американское оружие, захваченное в свое время партизанами во Вьетнаме, которое затем было весьма активно задействовано в Никарагуа и других странах Латинской Америки.

Такие действия, конечно, не прошли незамеченными в государствах Центральной Азии, а также в России и Китае. Не случайно Председатель КНР Ху Цзиньтао в докладе на XVIII съезде Компартии Китая в ноябре 2012 г., обратив внимание на то, что в мире «поднимает голову гегемонизм, силовая политика и неоинтервенционизм», учащаются «локальные потрясения», подчеркнул необходимость решения Китаем военных задач для «завоевания победы в локальных войнах» [7].

Кстати, военная реформа в России предусматривает использование сухопутных войск именно в локальных войнах.

Нас не должна успокаивать при этом транзитная роль Центральной Азии. Пример наркотрафика через Центральную Азию наглядно демонстрирует, что часть оружия оседает в нашем регионе. Не приведет ли это к росту контрабандной торговли оружием за пределы региона в дополнение к уже существующим наркотрафику, нелегальной миграции людей?

Противодействие нелегальному распространению оружия в Центральной Азии и парирование в целом угроз, исходящих из Афганистана, осуществимо только в том случае, если будет налажено эффективное сотрудничество в сфере

безопасности между всеми странами региона. Желательным является также тесное сотрудничество с сопредельными странами, в первую очередь с Россией и Китаем, а также авторитетными международными и региональными организациями – Организацией Объединенных Наций (ООН), ОБСЕ, ОДКБ, Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС).

К слову, согласно опросу, проведенному среди казахстанских экспертов агентством «Рейтинг.KZ», национальным интересам Казахстана в наибольшей степени отвечают следующие международные организации:

- ООН и ОДКБ (по 19,46 баллов);
- ШОС (18,91 балл);
- СНГ (17,12 баллов);
- ОБСЕ и Таможенный союз/ЕЭП (по 17,06 баллов).

Самые низкие баллы в общем рейтинге заняли:

- Организация экономического сотрудничества (13,36 баллов);
- Совет Евро-Атлантического партнерства и программа «Партнерство во имя мира» НАТО (14,34 баллов) [8].

Таким образом, ситуация с обеспечением безопасности в Центральной Евразии остается сложной, с большим количеством вопросов.

Несмотря на неоднократные заявления лидеров стран региона о заинтересованности в совместном решении проблем, практической реализации объединенных усилий по нейтрализации новых вызовов и угроз, надвигающихся в основном извне, пока не наблюдается.

В странах Центральной Евразии нарастает недовольство населения, в первую очередь, вследствие ухудшения уровня жизни людей. Подтверждением этому является значительное увеличение числа граждан из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, выезжающих в поисках работы в Россию и другие страны.

Вызывает беспокойство возможное обострение ситуации в странах региона зимой 2012 г. из-за прогнозируемого роста цен на основные продукты питания, в первую очередь на хлеб, вследствие засухи в основных зерносеющих районах мира, в том числе в Казахстане и России.

Определенное недовольство населения в регионе вызывает стремление правящих режимов сохранить авторитарные методы управления. Вместе с тем существуют очевидные риски, что после возможного ухода действующих лидеров может начаться борьба между представителями национальных политических элит за передел собственности и сфер влияния с непредсказуемыми последствиями.

Не исключается заинтересованность некоторых транснациональных корпораций, действующих преимущественно в сырьевом секторе, в том, чтобы Северная и Центральная Евразия оказались в состоянии «управляемого хаоса» по аналогии со странами арабского Востока. Это, якобы, может ослабить контроль со стороны государственных органов за деятельностью ТНК.

Мы не исключаем, что в зависимости от складывающейся в настоящее время ситуации в Сирии, а затем, возможно, и в Иране, Россия и Китай, несмотря на имеющиеся между ними противоречия, могут объединить свои усилия для противодействия стремлению западных держав установить контроль над Каспийским и Центральноазиатским регионами.

Литература

1. Назарбаев Н.А. Выступление на открытии неформальной встречи министров иностранных дел государств — участников ОБСЕ (г. Алматы, 17 июля 2010 г.) / Внешнеполитическая деятельность Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева в 2010 г. — Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2011. — С. 379.

2. «На пути к сообществу безопасности»: Астанинская юбилейная декларация Саммита ОБСЕ (Астана, 3 декабря 2010 г.) // Vesti.kz/polit/71115/
3. Винокуров Е.Ю., Либман А.М. Евразийская континентальная интеграция. — СПб., 2012. — С. 23—26.
4. Кучера Джошуа. Афганистан — США: схема путей вывода войск коалиции // Мегполис. — 2012. — 26 ноября.
5. Цена транзита: спорный договор бундесвера с Ташкентом // <http://www.dw.de/>
6. Портрет террориста // Аргументы и факты — Казахстан. — 2012. — № 48.
7. Ху Цзиньтао. Доклад на 18-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая (Пекин, 8 ноября 2012 г.) // <http://russian.news.cn.dossiers/2012-11/08/>
8. <http://www.centrasia.ru/> Regnum (Москва, 2 октября 2012 г.).

**Комплексность центральноазиатского пространства,
глобальная политика и перспективы
постгуманистических международных отношений**
(Пять реплик и одна просьба)

Петер Линке

Западная теория международных отношений дрейфует после окончания первой «холодной войны» в мутных водах: неполярность, мультиполярность, новая биполярность, децентраванный глобализм... Список новых хитроумных понятий постоянно расширяется. В сумме, однако, это создает впечатление растерянности, почти полного отсутствия аналитического вдохновения. Практически все известные подходы запутываются в отживших себя представлениях о геополитике, колеблются между реализмом и критицизмом и тем самым саботируют новое определение таких принципиальных понятий теории внешней политики и политики безопасности, как «власть», «суверенитет», «стабильность», «безопасность», не говоря уже о поиске альтернативной понятийности... Все они остаются грубыми инструментами, непригодными для более или менее адекватного отображения и тем более анализа комплексных мировых процессов.

Это, в частности, проявляется в том, как западные аналитики подходят к (назовем его так для простоты) мегарегиону Центральная Азия. На нашей планете трудно найти более динамичный кусок земли: возникающие и распадающиеся государства образуют почти неразделимый клубок из сосуществования, сотрудничества и конфронтации, а драматические наслоения преמודерна, модерна и постмодерна затрудняют интеллектуальное постижение общественной основы. Различным транснациональным вызовам противо-

стоит бесцеремонный, охотно раздуваемый извне билатерализм; этноцентричные представления «заклеивают» политический процесс, границы давно перестали быть статичными линиями на картах, превратившись в пульсирующие артерии государственного тела, которое лихорадит. Неоклассические представления о «Nationbuilding» (нациестроительство), «Good Governance» (качество государственного управления), «демократии» и других спустя 20 лет усиленного внедрения никак не даются.

Наш мир — это «текучий» мир: все растекается, прежде всего классические представления о «внутреннем» и «внешнем». Совершенно ясно, что нет «мировой внутренней политики» (как это имеют в виду немецкие «зеленые»), однако есть упадок классического суверенитета, растущая путаница между внутренней и внешней политикой, усугубляемая негосударственными акторами (от НКО до различных террористических ячеек). Другими словами, все больше распространяется новая неочевидность... Необходимым представляется дополнить теорию международных отношений множественными интерактивными системами. Но, похоже, что до сих пор доминирует желание упрощать реальные события и их комплексность, втискивать их в объемные («неореалистические») теории линейной логики развития. А те, в свою очередь, исходят из изменений, которые еще вообще не состоялись. Ввиду своей прямолинейности многие подходы не учитывают фундаментальные феномены самоорганизации систем (фитнесс, коэволюция, эмерджентность и т. п.), неспособны идентифицировать системогенерирующие процессы, поскольку они исходят, как правило, из того, что определенная система уже существует... Нам, «международникам», придется ломать десятилетиями тщательно строившиеся заборы и открываться тем сферам, которые все больше определяют пульс умножения человеческого знания:

климатологии, геномным исследованиям, нейробиологии, робототронике, астрофизике... И, конечно, еще одному, все еще очень молодому проекту, который пытается сделать общие выводы из всех этих частных осознаний: исследованиям хаоса и комплексности. Первые подходы уже имеются в наличии, хотя они пока еще не выходят за рамки чисто академической сферы [1]. Задержать проникновение комплексных постановок вопросов в международные отношения уже, конечно, не удастся, ибо они уже давно добрались до стержня этих отношений — человека.

Наши представления о человеке постепенно, но принципиально меняются: и мы, люди, становимся «проницаемыми», наша так называемая *автономия* фундаментально ставится под вопрос в результате геномных манипуляций, аугментации, киборгизации и т. д. Образ «киборга-гражданина» Криса Хабблс Грейса (Chris Habbles Grays, 2001) может в совсем недалеком будущем стать общественно-политической нормой. *Быть человеком* будет означать, если вообще будет, лишь несколько инвариантов: «Достоинство человека неприкосновенно»... да, но: что такое «человеческое достоинство»? «Человеческий суверенитет» будет (обязательно) по-новому измерен, место людей/человека в мире будет позитивно релятивировано: нам, людям, придется в будущем понимать себя как один (хотя и важный, но лишь один) из нескольких «факторов» в мироздании, признать за другими «негуманными», «искусственными» формами жизни их «права» и переписать в этом смысле мир во все более «постгуманистическом» духе. Или, как бы это выразили Эрика Кадворт и Стефен Хобден (Erika Cudworth & Stephen Hobden): современная теория международных отношений остается дитем просвещения и, следовательно, «гуманно-центрированной» и критически-пренебрежительно относящейся к той социальной конструкции, которая обыч-

но определяется как «природа». Соответственно, она будет постоянно терпеть неудачу в попытках предсказать глобальные политические события и тренды. Назрело время для создания нюансированных, более комплексных средств анализа для глобальных политических систем, которые гораздо в большей степени, чем до сих пор, учитывали бы экологические рамочные условия, а также социальные отношения, экономические практики и формации политической власти. В основе будущих международных исследований должно лежать понимание того, что мы никогда не были эксклюзивно «человеческими» [2].

Важным «мостиком» между нами, «международниками», и различными «постгуманистками и постгуманистами» может быть подход так называемой «большой истории» (Big History). Это трактовка истории как мультидисциплинарное предприятие, как попытка сконструировать интегрированную историю Вселенной, Земли, жизни и «человечества», другими словами, от «большого взрыва» до постмодерна, и соответственно понять человеческую геоисторию как часть более полной, космически-масштабированной истории, эволюционной истории Вселенной [3]. Без сомнения, столь трансгрессивный подход сфокусировал бы взгляд на «внутренний и внешний космос» человека как «текучее», транспарентное существо и тем самым на потенциальных носителях действительно планетарно-универсальной (неэтической) этики, которая оставляет позади себя разделение людей на категории, такие, как пол, этносы, религиозная принадлежность, возраст и т. д. На этом пути можно было бы потом действительно обосновать новый гео/глобально-политический подход, который заслуживал бы приставки «критический», потому что занимается теми феноменами, которые не только влияют на пространственные и временные рамочные условия человеческих деяний, но и на те про-

цессы дигитализации и киборгизации человеческой жизни, которые все более превращают людей в небиологические мегаорганизмы... со всеми вытекающими отсюда этическими последствиями. Ибо, в конце концов, речь идет не только о сносе произвольно построенной стены между внутренней и внешней политикой, но и о устойчивом новом конструировании пространственно-временных параметров человеческого бытия, которое бы сделало возможным неизношенный взгляд на базовые каждодневные понятия, такие, как «демократия», «индивидуальные права», «искусственное», «естественное» и т. д. И тем самым было достаточно гибким для вступления в систематический обмен с «хаоплексными» подходами.

Все многочисленные умные подходы необходимо последовательно эвакуировать из академической «башни из слоновой кости». На Фонде Розы Люксембург в его качестве левой, альтернативной «фабрики мысли» лежит при этом особая ответственность. С большей долей вероятности соотвечать ей Фонд сможет лишь при условии объединения усилий с партнерами из Центральной Евразии. Центральная Евразия вполне может и в позитивном смысле считаться «проблемной лабораторией будущего». Здесь будут расставлены важные вехи в начавшемся XXI столетии, здесь будет похоронена старая дихотомия Европа-Азия, и это позитивно и устойчиво встряхнет международные отношения. В то же время заинтересованные круги смогут, глядя на этот Мегарегион, понять, что в XXI в. включают в себя понятия «безопасность» и «стабильность»... Разумеется, это потребует совершенно по-новому посмотреть на Центральную Евразию: это не «проблемный регион», а «зона шансов!» Будем над этим работать!

Литература

1. Neil E. Harrison ed., Complexity in World Politics: Concepts and Methods of a New Paradigm, SUNYP 2006 (Нейл Харрисон: Концепции и методы новой парадигмы).
2. Posthuman International Relations: Complexity, Ecologism and Global Politics, Zed Books London 2011.
3. David Christian, Maps of Time: An Introduction to Big History, UCP 2005.

***

Евразийская экономическая интеграция: трансконтинентальные коридоры сотрудничества

Закиева Ж.К.

Идея евразийской интеграции является ключевым направлением внешнеполитического курса государства и важнейшей стратегической ориентацией дальнейшего его развития в силу того, что Республика Казахстан изначально является инициатором и последовательным сторонником и участником интеграционных проектов на постсоветском пространстве.

Свое современное видение будущего Евразийского союза Нурсултан Назарбаев также приводит в статье «Евразийский союз: от идеи к истории будущего», расставляя основные акценты на следующих принципах функционирования интеграционного объединения:

1. Развитие евразийской интеграции исключительно на эволюционной и добровольной основе без какого-либо искусственного ускорения.

2. Многовекторность интеграционного процесса, предполагающая участие постсоветских стран в различных региональных организациях, а также возможность создания наряду с Евразийским союзом других межгосударственных объединений и прежде всего Центрально-Азиатского союза.

3. Широкая общественная поддержка как неотъемлемое условие создания Евразийского союза.

Одной из эффективных форм интеграции являются форумы межрегионального сотрудничества Казахстана и России, основанные на исторической взаимозависимости и взаимодополняемости приграничных регионов Казахстана и России, которые, по признанию лидеров Казахстана и России,

превратились в органичную опору для качественно нового формата экономических и социальных процессов в регионе — евразийской интеграции.

В региональное сотрудничество с Казахстаном вовлечено 80 из 83 регионов России, в которых функционируют около 400 совместных предприятий. До 70 % внешнеторгового оборота приграничных областей Казахстана составляет взаимодействие с российскими регионами.

Как отмечают эксперты, площадка Форума служит не только целям демонстрации реализуемых казахстанско-российских производственных проектов, но и содействует налаживанию взаимодействия между представителями бизнеса и продвижению гражданских инициатив, что так необходимо сегодня Таможенному союзу и ЕЭП.

Приграничная торговля вносит свой вклад в увеличение совокупного товарооборота стран — участников Таможенного союза, который за 9 месяцев 2012 г. вырос на 40 млрд долл. США, или на 111 %, превысив сумму в 140 млрд долл. США.

Взаимодействие в рамках Единого экономического пространства позволило устранить многие барьеры для активного взаимодействия предприятий, восстановило ранее нарушенные технологические и производственные цепочки, положило начало выстраиванию эффективных межрегиональных индустриальных кластеров.

В качестве ключевого направления взаимодействия выступает сотрудничество в инновационной сфере: развитие космической сферы; создание Центра высоких технологий при ЕврАзЭС, Российско-казахстанского фонда нанотехнологий; проекты создания Байконурского инновационного форума, лаборатории космических технологий в Астане, наукограда в Курчатове; взаимодействие с Парком инновационных технологий в Алматы и формирующимися центра-

ми аграрных инноваций; установление партнерских связей между инновационным центром Сколково и новым Международным Университетом Астаны.

В рамках региональной интеграции утверждена Дорожная карта казахстанско-белорусского сотрудничества на 2 года, согласно которой будут реализовываться совместные проекты в области нефтехимии, машиностроения, автомобилестроения, тракторостроения, строительной индустрии, сельского хозяйства. Пять совместных казахстанско-белорусских предприятий вошли в Карту индустриализации Казахстана. Знаковым будет совместный проект в области большой химии — организованное на базе АО «Могилевхимволокно», проект стоимостью в миллиард долларов и ориентированный не только на рынки ЕЭП, но и на третьи страны. Другое совместное белорусско-казахстанское предприятие должно пересмотреть технологию производства сельскохозяйственной техники: будут создаваться заводы по производству карьерных самосвалов, автомобилей, зерноуборочных комбайнов, тракторов.

Посредством подобного диалога стало возможно создание системы свободного движения товаров, услуг, рабочей силы и капитала на евразийском пространстве.

О выгоде интеграции говорят предприниматели, использующие возможности беспошлинного перемещения товаров, услуг, капитала, общего рынка в 170 млн человек, отсутствия бюрократических препон. Ожидается, что скоро 50 % всех грузовых перевозок на границах ТС будет автоматизировано. При этом сокращение простоев грузов на границах на один день ведет к росту ВВП на 1 %.

Как отметил Президент РК Н.А. Назарбаев, партнерство в сфере индустриального сотрудничества между странами переходит на новый уровень и сегодня рассматривается необходимость углубленной промышленной кооперации.

На сегодня страны Единого экономического пространства — Беларусь, Россия и Казахстан — нуждаются в разработке единой транспортной политики, основанной на едином понимании государствами — участниками ЕЭП целей и задач, стоящих перед транспортными комплексами трех стран, а также механизмов их реализации.

Трансьевразийская экономическая интеграция, во многом перенимая опыт и модель Европейского Союза, в условиях глобального экономического и финансового кризиса становится органичным дополнением интеграции трансатлантической по линии «Восток — Запад» — между Европейским Союзом и Евразийским союзом.

В Декларации о формировании Единого экономического пространства (декабрь 2010 г.) заявлено стремление «к созданию Евразийского экономического союза в целях обеспечения гармоничного, взаимодополняющего и взаимовыгодного сотрудничества с другими странами, международными экономическими объединениями и Европейским Союзом...

...Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов. Вхождение в Евразийский союз, помимо прямых экономических выгод, позволит каждому из его участников быстрее и на более сильных позициях интегрироваться в Европу».

Более того, трансьевразийская экономическая интеграция имеет все основания стать частью интеграции в рамках Организации Азиатско-Тихоокеанского сотрудничества. В процессе создания Евразийского союза Казахстан, Россия и Беларусь неоднократно выступали с предложениями о разработке механизмов сотрудничества не только с Евросоюзом, но и с АТЭС.

Для Казахстана и России — единственных в мире стран, у которых совместная граница составляет почти 7 тыс. км, интеграция нашла отражение в формировании транзитного коридора Европа — Западный Китай, проходящего от Санкт-Петербурга через Казань, Оренбург, Актюбинск и Алматы до границ с КНР, и серьезно укрепляет не только транспортную инфраструктуру России и Казахстана, но и обеспечивает более короткие и более выгодные маршруты между Азиатско-Тихоокеанским регионом и Европой.

Перспективы взаимодействия Евразийского союза со странами Запада и Востока были сформулированы Президентом РК Н.А. Назарбаевым: «Евразийский союз — конкурентоспособное глобальное экономическое объединение, в котором протекают процессы, направленные на постепенный отказ от участия вечного большого периферийного экспортера природных ресурсов для остального мира. Евразийский союз должен формироваться как прочное звено, сцепляющее евроатлантический и азиатский ареалы развития, динамичные экономики Евросоюза, Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии».

Президент РФ В. Путин также отмечал, что «два крупнейших объединения нашего континента — Евросоюз и формирующийся Евразийский союз — основывая свое взаимодействие на правилах свободной торговли и совместимости систем регулирования, объективно, в том числе и через отношения с третьими странами и региональными структурами, способны распространить эти принципы на все пространство от Атлантики до Тихого океана... Затем будет логично начать конструктивный диалог о принципах взаимодействия с государствами АТР, Северной Америки, других регионов... Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффектив-

ной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом».

Для Президента Беларуси А. Лукашенко важность сотрудничества с Евросоюзом и АТР заключается в следующем: «В создании Евразийского союза не следует усматривать попытку некоего раздела Европы. Скажу больше: нам нельзя замыкаться в этой интеграции. Евразийский союз я вижу как неотъемлемую часть общеевропейской интеграции. Наш союз призван стать ключевым региональным игроком, который поможет выстраивать отношения с ведущими мировыми экономическими структурами».

Продвижению евразийской интеграции способствует вступление в силу осенью 2012 г. Договора о зоне свободной торговли (ЗСТ) в рамках Содружества Независимых Государств на территории России, Беларуси, Украины и Армении. Ожидается, что другие государства СНГ — Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Таджикистан — ратифицируют его до конца нынешнего года. Азербайджан, Туркменистан и Узбекистан выразили желание дополнительно проработать вопрос о присоединении к Договору. В рамках Зоны свободной торговли общий объем торгового обмена между странами-«подписантами» увеличится, по экспертным прогнозам, более чем вдвое. Прорабатывается вопрос о возможности заключения Договора о ЗСТ между странами Таможенного союза и Вьетнамом. По предварительным оценкам ЕЭК, Вьетнам может получить торгово-экономический эффект в виде прироста экспорта по основным позициям до 6 млрд долл. в год уже в первые два года с даты вступления в силу соглашения о ЗСТ.

В настоящее время идут консультации по вопросу создания зоны свободной торговли с Европейской ассоциацией свободной торговли, а в перспективе планируется начало переговоров о формировании ЗСТ с объединенной Европой и ЕС.

В свою очередь, государства — члены АТЭС проявляют большой интерес к Таможенному союзу и Единому экономическому пространству и изъявляют желание наладить прямые контакты с этими интеграционными объединениями. На сегодняшний день более 35 стран мира, среди которых и государства АТР, выразили желание создать с Таможенным союзом зону свободной торговли. Евразийская экономическая комиссия уже ведет активную работу с некоторыми из стран.

Обращает на себя внимание тот факт, что о создании зоны свободной торговли со странами СНГ, в том числе с Таможенным союзом СНГ, переговоры продолжают вести Швейцария и Норвегия, Исландия и Черногория, Сирия, Новая Зеландия и Лихтенштейн; намечены переговоры с Алжиром, Египтом, Аргентиной, Марокко, Монголией. Таким образом, зона свободной торговли СНГ становится частью нового мирового экономического порядка.

Через призму недавно завершившегося председательства России в Саммите АТЭС, ведущим лозунгом которого стали инициативы по либерализации торговли и инвестиций, региональной экономической интеграции, укреплению продовольственной безопасности, формированию надежных транспортно-логистических цепочек, интенсивному взаимодействию для обеспечения инновационного роста, предполагается, что в процесс развития евразийской интеграции могут быть включены отдельные элементы азиатско-тихоокеанской интеграции.

Важность взаимодействия с АТЭС для Казахстана заключается в возможности обмена опытом в рамках бизнес-форума по таким аспектам, как снижение издержек при оформлении сделок, снятие административных барьеров и ограничений, упрощение визовых режимов для предпринимателей, упрощение таможенных процедур и унификация стандартов,

сотрудничество в сфере электронной коммерции, телекоммуникаций, расширения деловых контактов.

Духу евразийской интеграции, а именно созданию трансконтинентальных коридоров сотрудничества от Европы до Дальнего Востока, отвечают инициативы Главы Казахстана, среди которых:

- создание единого транспортно-энергетического пространства;
- формирование евразийской системы трубопроводов и линий электропередачи;
- активизация строительства скоростных железных дорог от портов Тихого океана до Западной Европы;
- создание Комитета по инфраструктурной интеграции стран, новых механизмов тесного экономического сотрудничества;
- минимизация барьеров, препятствующих инвестициям и торговле, ускорение создания Фонда развития для финансирования совместных проектов и инвестиций;
- создание Водно-продовольственного комитета, формирование Совета и Центра по чрезвычайным ситуациям.

Перспективным направлением межгосударственного сотрудничества является переход на принципы «зеленой» экономики, а именно создание технологической инфраструктуры «зеленой» экономики государств.

Между тем идея евразийской интеграции находит как своих сторонников, так и противников, несмотря на объективную необходимость уже начавшихся региональных интеграционных процессов и с учетом того фактора, что глобализация и региональная интеграция — взаимодополняющие процессы.

Противники интеграции приводят пример Европы, в которой «искусно подогреваемый долговой кризис в соединении с политикой Брюсселя по регионализации стран Европы

стремительно превращается в инструмент упразднения европейских национальных государств, государственных суверенитетов и вообще государственной формы организации общества...».

Необходимо признать наличие ряда «чувствительных точек», когда многие вопросы межгосударственного взаимодействия не находят должного понимания со стороны рядовых граждан, а в СМИ преподносятся с оттенком недоверия. Прежде всего это касается концептуально-теоретических подходов к пониманию сущности евразийской интеграции. В этом контексте отрадно наличие общего понимания между Казахстаном и Россией мировых трендов развития и путей укрепления международных связей в рамках евразийской интеграции.

Ответом противникам евразийской интеграции может послужить выступление Президента Н.А. Назарбаева на открытии Берлинского евразийского клуба (осень 2012 г.), в котором четко определено отношение к создаваемому Евразийскому союзу: «Только умалишенный может говорить сейчас о восстановлении Советского Союза, для этого надо восстановить сейчас коммунистическую партию, единую идеологию, Госплан и все остальные атрибуты. Это невозможно. Это все фантомные страхи. Экономическая интеграция, когда убираем таможенные границы, выгодна всем нам».

Этот же принцип в полной мере раскрыт и в статье В.В. Путина: «Речь не идет о том, чтобы в том или ином виде воссоздать СССР. Наивно пытаться реставрировать или копировать то, что уже осталось в прошлом, но тесная интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе — это веление времени. В том числе это означает, что на базе Таможенного союза и ЕЭП необходимо перейти к более тесной координации экономической и валютной политики, создать полноценный экономический союз... Евразийский союз

— это открытый проект. Мы приветствуем присоединение к нему других партнеров, и прежде всего стран Содружества».

Есть все основания полагать, что следующим участником Таможенного союза станет Кыргызстан, который рассматривает свое участие в качестве реэкспортера товаров. Что касается перспектив вступления в ТС Таджикистана, то надо иметь в виду, что для него Россия и Казахстан являются основными экономическими партнерами. В январе-августе 2012 г. на них пришлось 20 и 13,6 % общего объема внешней торговли республики соответственно. Кроме того, вступление в ТС позволит Таджикистану получить значительную скидку на импортируемые из России и Казахстана энергоносители и экономить до 350 млн долл. в год только на импорте горюче-смазочных материалов (ГСМ). Присоединение Таджикистана к ТС также позволит упростить условия регистрации таджикских мигрантов на территории РФ. Таким образом, экономические выгоды этих стран от вступления в Таможенный союз очевидны.

Одним из претендентов на вступление в Таможенный союз является Украина. Подсчитано, что для Украины ежегодная выгода от евразийской интеграции составит 9 млрд долл.

Вступление этих стран в Таможенный союз могло бы способствовать восстановлению старых и наработке новых кооперационных связей и технологических цепочек между предприятиями стран-участников. Тесное международное кооперирование производства остается важнейшим фактором роста производительности труда и снижения себестоимости продукции, что демонстрирует весь мировой опыт. В пользу этого выбора говорят и исторические традиции, и общая культура производства, и общность тех задач, которые стоят перед промышленностью всех постсоветских республик. Восстановление старых связей и налаживание новых

предоставят дополнительные «конкурентные преимущества» и будут более эффективно функционировать в условиях единого экономического пространства.

***

**Интеграционные проекты Казахстана
через призму общественного мнения**
*(по результатам социологического исследования,
сентябрь 2012 г.)*

Черных И.А.

Во второй половине 2000-х гг. руководство Казахстана выдвинуло ряд стратегических инициатив, направленных на интенсификацию процессов модернизации страны. Одним из ключевых направлений при этом стала идея политической модернизации через реализацию ряда интеграционных* проектов, таких, как формирование Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, вхождение Казахстана во Всемирную Торговую Организацию (ВТО), активное участие Казахстана в таких проектах, как ШОС и ОДКБ. Бесспорно, предложенный механизм модернизации и его эффективное продвижение предполагают учет ценностных ориентаций и идеологических предпочтений населения республики относительно предлагаемых интеграционных проектов.

В основу исследования положены результаты массового социологического и экспертного опросов, реализованных под эгидой Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. Опрос проведен во всех областях Казахстана, а также в городах республиканского значения — Астана и Алматы. Объем выборочной совокупности составляет 2000 респондентов и 50 экспертов.

Цель исследования — зафиксировать ценностные ориентации и идеологические предпочтения казахстанцев относи-

---

* В рамках данного выступления под интеграцией понимается любой процесс, направленный на сплочение, объединение политических, экономических, государственных и общественных структур в рамках современной международной системы в целом или ее отдельных подсистем.

тельно ключевых интеграционных проектов, предлагаемых для евразийского пространства.

В качестве наиболее важных ценностных установок населения, которые имеют отношение к интеграционным процессам, можно выделить:

- сохранение и обеспечение независимости и суверенитета страны, непосредственно связанные с вопросом глубины интеграции;
- относительная ценность различных секторов жизнедеятельности, определяющая предпочтительные направления и формы интеграции.

1. Степень поддержки интеграционных процессов

Ключевыми видами интеграции на международном уровне выступают политическая (в том числе военная), экономическая и социально-культурная интеграция.

Как правило, институциональной формой интеграции выступают различные межгосударственные союзы и объединения. Подавляющее большинство респондентов (92,6 %) полагают, что Казахстан должен участвовать в деятельности таких структур. Экспертные оценки по данному вопросу несколько более критичны — хотя большинство из них (86 %) также считают необходимым участие Казахстана в интеграционных союзах, 60 % опрошенных связывают это с теми или иными условиями (рис. 1).

Вместе с тем число респондентов, желающих жить в международных образованиях, построенных на основе интеграции, затрагивающей суверенитет и независимость Казахстана, несколько меньше — 82,3 %. Сторонниками полной независимости страны выступают только 10,7 % опрошенных (рис. 2).

Рис. 1. Должен ли Казахстан участвовать в интеграционных союзах? (в %)

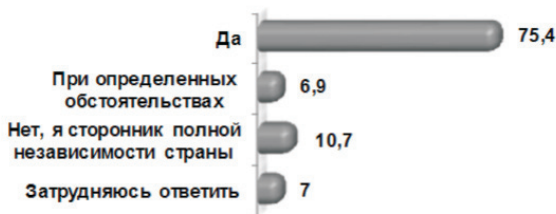

Рис. 2. Хотели бы Вы жить в интеграционном объединении (подобном ЕС), в состав которого входил бы и Казахстан? (в %)

Необходимо обратить внимание на то, что наибольшая доля, безусловно желающих жить в рамках эффективного интеграционного объединения, зафиксирована среди представителей этнических групп, отличных от казахов и русских (91,7 %), а также среди населения, оценивающего свой уровень доходов как средний. В целом же данную идею (как безусловно, так и с определенными условиями) в наибольшей степени поддерживают лица с высоким материальным достатком. Сторонники полной независимости Казахстана в

наибольшей степени представлены среди казахов (15,6 %, в 1,46 раза больше, чем в среднем по массиву) и малообеспеченного населения (15,2 %, в 1,42 раза больше, чем в среднем по массиву) (рис. 3).

Рис. 3. Хотели бы Вы жить в интеграционном объединении (подобном ЕС), в состав которого входил бы и Казахстан? (в %)

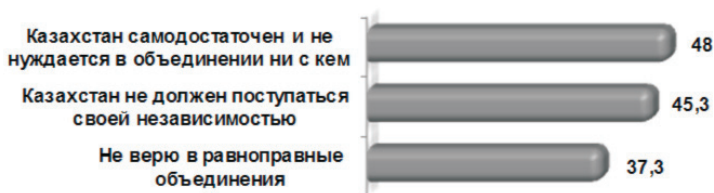
В качестве основной причины, почему Казахстану целесообразно участвовать в работе интеграционных структур, респондентами указывается возможность взаимовыгодного сотрудничества (57,8 %). В четверку наиболее популярных ответов также входит указание на то, что такое сотрудничество даст дополнительный импульс развитию страны (39,9 %), что Казахстан благодаря этому сможет приобрести передовой мировой опыт (39,6 %), что в современном мире невозможно выжить в одиночку (39,3 %) (рис. 4).

Среди респондентов, считающих, что Казахстан не должен участвовать в деятельности интеграционных международных структур, преобладает мнение, что он самодостато-

чен и не нуждается в каком-либо объединении (48 %). Незначительно уступает этой установке позиция, что Казахстан не должен поступаться своей независимостью (45,3 %) (рис. 5).

Рис. 4. Причины необходимости участия Казахстана в интеграционных союзах (в %)

Рис. 5. Причины ненужности участия Казахстана в интеграционных союзах (в %)

Таким образом, подавляющее большинство казахстанцев готовы поддерживать интеграционные инициативы и активное участие Казахстана в соответствующих проектах, особенно если при этом не ставится под вопрос независимость страны и будет обеспечиваться взаимовыгодное сотрудничество.

2. Предпочтительные направления интеграции

Наиболее предпочтительными направлениями международного сотрудничества, переходящими в форму интегра-

ционных образований, опрошенные казахстанцы считают экономическую (96,4 %) и культурно-гуманитарную (94,8 %) сферы. Наиболее спорным направлением является военное. Оценки, близкие к данным показателям, высказали и эксперты (рис. 6).

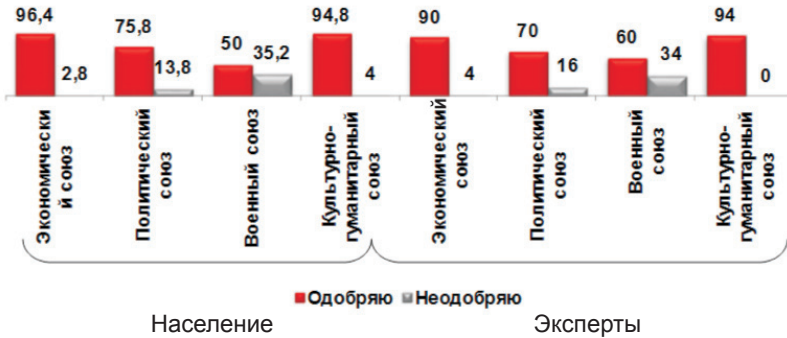

Рис. 6. Степень поддержки различных видов интеграционных образований (в %)

При этом в качестве наиболее желаемого партнера респонденты выделяют Россию (66,7 %). На второй позиции, со значительным отставанием, идет Беларусь (48,3 %). Из стран «дальнего зарубежья» выделяются Турция (31,5 %) и Китай (27,9 %). По мнению экспертов, первые три позиции также занимают Россия, Беларусь и Украина. Вместе с тем в первую десятку наиболее предпочтительных партнеров эксперты отнесли только постсоветские страны (рис. 7).

Наиболее предпочтительным направлением интеграции респонденты считают формат Казахстан-Россия-Беларусь-Украина (61,2 %), вторую позицию занимает интеграция со странами бывшего СССР.

«Тюркский союз» поддерживает только каждый четвертый респондент (24,4 %).

Рис. 7. Какие государства Вы бы хотели видеть в союзных отношениях с Казахстаном? (в %)

Рис. 8. Какие интеграционные объединения Вы бы одобрили? (в %)

Сходную позицию занимают и эксперты. Наиболее серьезным различием является то, что население помещает интеграцию в формате Центральной Азии на шестую позицию (18 %), а эксперты — на третью (38 %) (рис. 8).

Указанные данные коррелируют с результатами, полученными по вопросу: «Участие Казахстана в каких объединениях из числа тех, о которых Вы знаете или что-то слышали, Вы поддерживаете?». Наибольшей степенью поддержки пользуется Таможенный союз России, Казахстана и Беларуси, максимально близкий к формату Казахстан — Россия — Беларусь — Украина (75,9 % — у населения, 74 % — у экспертов). Второе место у населения занимает СНГ (72,4 %), у экспертов — ЕврАзЭС (66 %). Все остальные структуры, в которых представлен Казахстан, значительно уступают указанным двум (рис. 9). В данном плане показательно, что существующий внешнеполитический курс Казахстана на создание Единого экономического пространства и дальнейшую интеграцию в этом формате оценивают положительно 90,8 % респондентов, ту или иную форму отрицательной оценки высказали только 6,2 %. Среди экспертов оценки составили 78 % и 10 % соответственно.

Таким образом, наиболее предпочтительными для казахстанцев векторами интеграционных процессов выступают:

- экономические, при этом охватывающие экономики, приблизительно сходные по своей структуре и тесно связанные с Россией;
- социально-культурные, построенные на комплексе факторов, а не на выделении только некоторого ограниченного перечня вопросов, как, например, общность языка, истории и т. п.

Формирование политических интеграционных образований с участием Казахстана населением как приоритетное

направление не рассматривается. Соответственно, жесткая связь между процессами политической модернизации* в Казахстане и интеграционными процессами респондентами не фиксируется.

Рис. 9. Участие Казахстана в каких объединениях из числа тех, о которых Вы знаете или что-то слышали, Вы поддерживаете? (в %)

3. Приемлемая глубина интеграции

Как уже было отмечено в первом разделе, основными вопросами при оценке интеграционных процессов для казахстанцев являются:

- вопрос сохранения независимости страны: независимость и суверенитет в данном случае выступают ключевыми идеологическими и ценностными конструктами;

---

* Под политической модернизацией в данном случае понимается традиционное значение термина — формирование политических институтов, способствующих участию населения во властных структурах и влиянию народных масс на принятие конкретных решений.

- требование взаимовыгодности сотрудничества, которое может рассматриваться как отсылка к связи между интеграцией и развитием (модернизацией) страны.

Оценка значимости суверенитета и независимости относительно к интеграционным процессам показала, что каждый третий респондент (34,9 %) считает их высшей ценностью, которой нельзя жертвовать ни при каких условиях (рис. 10).

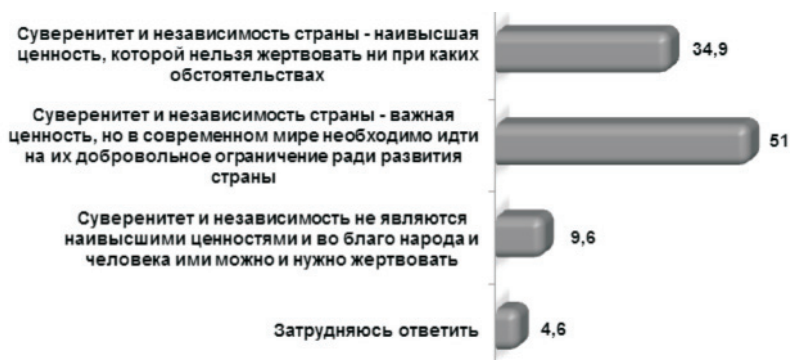

Рис. 10. Оценка важности суверенитета и независимости (в %)

Вместе с тем большинство респондентов (51 %) соотносят независимость с развитием страны и считают возможным или даже необходимым ради последнего пойти на добровольное ограничение суверенитета. С учетом того, что еще практически каждый десятый (9,6 %) указал, что высшей ценностью является благо народа и отдельного человека, можно утверждать, что большинство казахстанцев рассматривают суверенитет и независимость не как абсолютные ценности, а как ценности относительные и соотносимые с ценностями модернизации государства.

В этническом разрезе признание безусловной ценности суверенитета и независимости Казахстана в наибольшей

степени характерно для казахов (46 %). Относительную ценность этих категорий и их подчиненность вопросам развития чаще всего указывают представители этнических групп, отличных от казахов и русских. В этом плане показательно, что практически каждый пятый представитель этой группы (18,2 %, в 1,9 раза чаще, чем в среднем по массиву) считает, что суверенитетом и независимостью можно пожертвовать во благо народа и человека (рис. 11).

Этнический разрез

В разрезе по уровню доходов

Рис. 11. Оценка важности суверенитета и независимости (в %)

Также необходимо обратить внимание на то, что безусловная значимость суверенитета и независимости снижается с ростом достатка. Так, люди, которые оценили свой достаток как высокий, в наименьшей степени склонны рассматривать ценность суверенитета как высшую и абсолютную. Более того, представители этой группы в 2,8 раза чаще, чем в среднем по массиву, склонны считать, что суверенитетом и независимостью можно пожертвовать во благо народа и человека.

Наконец, безусловное признание высшей ценности суверенитета характерно для жителей сельской местности (41,6 % против 27,8 % у горожан).

С приведенными данными коррелирует и оценка респондентов того, в каких интеграционных структурах целесообразно участвовать Казахстану. Практически каждый второй респондент (48,9 %) полагает, что Казахстан должен участвовать только в тех межгосударственных объединениях, которые не предусматривают ограничение национального суверенитета. Идею включения Казахстана в конфедерацию или федерацию поддерживают только 12,3 % респондентов. Опрошенные эксперты в меньшей степени склонны поддерживать объединения, не предусматривающие передачу национальных полномочий (34 %), и более терпимо, чем население, относятся к конфедерации (14 %) (рис. 12).

Этому подходу соответствует и то, как себе представляют респонденты будущее Евразийского союза. Подавляющее большинство опрошенных (79,8 % среди населения и 84 % среди экспертов) хотели бы, чтобы это был союз независимых государств. Как единое государство его хотели бы видеть только 9,8 % респондентов и 2 % экспертов. Однозначно против этой формы интеграции высказались 3,3 % опрошенных среди населения и 8 % — среди экспертов.

В этническом разрезе участие в интеграционных образованиях, не затрагивающих национальных полномочий, наибольшую степень поддержки получило среди казахов (57,6 %, в 1,2 раза больше, чем в среднем по массиву). Участие в интеграционных процессах, предполагающих передачу части национальных полномочий, но не затрагивающих политическую независимость, наиболее популярно среди русских (48,9 %, в 1,3 раза больше, чем в среднем по массиву) (рис. 13).

Помимо степени сохранения суверенитета и формирования базы для развития/модернизации в качестве основ интеграционных процессов, в которые целесообразно вклю-

чаться Казахстану, большинство респондентов и экспертов склонны рассматривать прагматические вопросы. Так, по их мнению, те международные структуры, в которые уже вовлечен Казахстан, позволяют ему значительно улучшить отношения с соседними странами (58,8 % населения и 46 % экспертов), расширить рынок для казахстанских товаров и услуг (42,5 % и 60 %), а также повысить конкурентоспособность национальной экономики (32,1 % и 60 %) (рис. 14).

Рис. 12. В какого рода межгосударственных объединениях допустимо участвовать Казахстану? (в %)

В разрезе по уровню доходов

Рис. 13. В какого рода межгосударственных объединениях допустимо участвовать Казахстану? (в %)

Рис. 14. Что положительного приносит Казахстану участие в интеграционных объединениях? (в %)

Необходимо отметить, что более половины респондентов (53,3 %) и около половины экспертов (48 %) считают, что участие Казахстана в интеграционных объединениях способствует улучшению имиджа страны. Однако, будучи крайне важным, этот вопрос не может рассматриваться как конечная цель или серьезное основание вовлеченности в интеграционные процессы.

В качестве отрицательных последствий участия Казахстана в интеграционных процессах респонденты чаще всего отмечают ослабление позиций отечественных производителей (22,3 %) и траты на административные расходы (20,5 %). По мнению экспертов, самой большой проблемой выступает взятие на себя ненужных обязательств (44 %) и добровольное ограничение части своих суверенных прав (38 %) (рис. 15).

Рис. 15. Что отрицательного приносит Казахстану участие в интеграционных объединениях? (в %)

Наиболее острым является вопрос ухудшения положения отечественных производителей. С учетом таких вариантов ответов, как «ослабление позиций отечественных производителей», «ограничение поддержки отечественных производителей» и «допуск иностранцев на отечественный рынок», эта проблема становится ключевой (суммарный показатель — 56,5 % у населения и 60 % у экспертов).

Вместе с тем показательно, что наиболее популярным ответом на вопрос о негативных сторонах участия Казахстана в интеграционных процессах стал пункт «Затрудняюсь ответить», который указал каждый третий респондент (33 %). Это может расцениваться как отсутствие у противников интеграционных процессов развитой системы аргументации и их опора на эмоциональные составляющие оценки интеграционных процессов.

Для анализа важности сохранения независимости и суверенитета в полном объеме в ходе формирования интеграционных образований целесообразно обратить внимание на место ценности независимости и суверенитета в ряду других ценностей, выделяемых казахстанцами. Подавляющее большинство опрошенных на первые позиции выносит социальные (96,1 %) и экономические (84,9 %) права человека. Независимость и суверенитет занимают соответственно восьмое (19,3 %) и девятое (15,2 %) места (рис. 16).

В этническом разрезе обращает на себя внимание то, что относительно доминирующих в генеральной совокупности ценностей (социальные и экономические права) серьезного расхождения в оценках различных групп не фиксируется (рис. 17).

Вместе с тем для казахов такие ценности, как свобода передвижения и равенство прав и обязанностей граждан, оказались существенно менее значимыми, чем для других этнических групп. В то же время для представителей этнических групп, отличных от казахов, ценность независимости и суверенитета существенно ниже, чем в среднем по массиву:

- для русских — в 5,5 и 12,7 раза соответственно;
- для других этнических групп — в 2,3 и 2,6 раза соответственно.

В разрезе уровня доходов фиксируется меньшая чувствительность, чем в среднем по массиву, к соблюдению экономических прав, сохранению суверенитета и независимости у респондентов с высоким уровнем доходов (рис. 18).

Рис. 16. Ценностные предпочтения граждан Казахстана (в %)

Таким образом, можно говорить о том, что сохранение независимости и суверенитета в рамках интеграционных образований, в которых участвует Казахстан, является ценностью, привязанной к конкретной ситуации. В общем же плане население республики в большей степени обеспокоено сохранением ценностей, имеющих прикладной характер.

Рис. 17. Ценностные предпочтения граждан Казахстана в этническом разрезе (в %)

Рис. 18. Ценностные предпочтения граждан Казахстана в разрезе уровня доходов (в %)

Выводы

1. Подавляющее большинство респондентов полагают, что Казахстан должен участвовать в деятельности различных межгосударственных союзов и объединений, выступающих как институциональная форма современных интеграционных процессов. Наиболее предпочитаемыми направлениями международного сотрудничества являются экономическое и культурно-гуманитарное.

2. В качестве наиболее желаемого партнера на международной арене респонденты выделяют Россию, а в качестве наиболее предпочтительного направления интеграции — форматы Казахстан-Россия-Беларусь-Украина и Таможенного союза. «Тюркский союз» поддерживает каждый четвер-

тый опрошенный, «центральноазиатский» вектор — менее, чем каждый пятый.

3. Формирование политических интеграционных образований с участием Казахстана населением как приоритетное направление не рассматривается.

4. Основными линиями стратификации относительно ценности интеграции и участия в интеграционных процессах выступают:

- этническая принадлежность;
- уровень дохода.

Как правило, в наименьшей степени участие Казахстана в тех или иных интеграционных проектах получает поддержку среди малообеспеченных этнических казахов, проживающих в сельской местности.

5. Основными идеологемами, противопоставляемыми «интеграции», выступают «независимость» и «суверенитет». В данном случае речь идет именно об идеологемах, а не о хорошо разработанных теоретических концептах. Так, у большинства респондентов нет четкого понимания, чем интеграция отличается от сотрудничества. Практически каждый второй респондент полагает, что Казахстан должен участвовать только в тех межгосударственных объединениях, которые не предусматривают ограничение национального суверенитета.

6. В этническом разрезе признание безусловной ценности суверенитета и независимости Казахстана в наибольшей степени характерно для казахов, проживающих в сельской местности. Также необходимо обратить внимание на то, что безусловная значимость суверенитета и независимости снижается с ростом достатка.

7. Большинство респондентов соотносят независимость с развитием страны и считают возможным или даже необходимым ради последнего пойти на добровольное ограничение суверенитета. Таким образом, суверенитет и независимость

рассматриваются не как абсолютные ценности, а как ценности относительные и соотносимые с ценностями модернизации государства.

8. Фиксация ценности независимости и суверенитета относительно иных идеологических ориентиров, в том числе характеризующих отношение населения к вопросам модернизации, показала, что подавляющее большинство опрошенных на первые позиции ставят социальные и экономические права человека. Независимость и суверенитет занимают только восьмое и девятое места.

***

СЕКЦИЯ II АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Пространство евразийской интеграции

Винокуров Е.В.

В России, Казахстане и других государствах региона СНГ термины «Евразия» и «евразийство» используются очень часто. Как правило, они применяются как синоним постсоветского пространства. В России также нередко встречается их употребление в качестве антизападной идеологии, подчеркивающей исключительность российского пути. Этим подходам есть определенные альтернативы. Евразия может рассматриваться как пространство для взаимодействия широкого спектра стран на континенте, включающее Европу и Азию. Россия, Казахстан и регион СНГ в целом — в числе игроков, в наибольшей степени выигрывающих от континентального формата интеграции.

Мы разграничиваем две «евразийские интеграции». Во-первых, *постсоветскую евразийскую интеграцию* — резко активизировавшийся в последние годы процесс интеграции на постсоветском пространстве. Во-вторых, реальностью в последнее десятилетие стали и процессы сближения на всем континенте. Основной темой конференции является *континентальная евразийская интеграция*. Под ней мы понимаем качественный рост экономических, политических и социальных взаимосвязей между регионами евразийского суперконтинента* — Европой, Северной и Центральной Евразией (постсоветским миром), Восточной, Южной и Западной Азией.

---

* Суперконтинент в геологии обозначает «землю, основанную на более чем одной континентальной коре» (Пангея, Гондвана, современная Евразия). Применение этого термина к Евразии в политико-экономическом смысле принадлежит Йоханнесу Линну. (См.: Linn J., Tiomkin D. The New Impetus towards Economic Integration Between Europe and Asia // Asia Europe Journal, 2006, 4(1):31—41).

Данная статья основана на исследованиях, проведенных автором совместно с Александром Либманом и опубликованных в двух монографиях [1].

Что такое Евразия?

Ответ на вопрос «что такое Евразия?» дать не так просто. С точки зрения географии границы Евразийского континента очерчены достаточно четко. Однако в мире общественных наук «Евразия» и «евразийство» — одни из наиболее расплывчатых понятий: за термином «Евразия» порой скрываются прямо противоречащие друг другу представления. В общих чертах в общественных науках сегодня сосуществуют три «Евразии» — «Евразия как постсоветское пространство», «Евразия как основа евразийской идеологии» и «Евразия как Европа и Азия». Каждая из этих «Евразий» имеет своих приверженцев, как сделавших осознанный выбор, так и просто привыкших к тому или иному термину.

«Евразия» как постсоветское пространство. В данном случае речь идет о синониме термина «постсоветское пространство», или «регион СНГ», т. е. об одиннадцати республиках бывшего СССР, являющихся сегодня участниками Содружества Независимых Государств (по традиции в регион часто включают и Грузию). Это обозначение «Евразии» появилось на свет в силу двух обстоятельств. Во-первых, после распада СССР возникла необходимость использовать какой-то общий термин для описания новых независимых государств. Термин «постсоветский» со временем утрачивает свою привлекательность по мере того, как советское наследие неуклонно уходит в прошлое. До создания СССР большинство республик были частью Российской империи, но называть этот регион «построссийским» пространством еще более проблематично, чем «постсоветским». Проблематичен и термин «регион СНГ».

Само по себе название СНГ не содержит никакой географической привязки (откуда, кстати сказать, и возникает проблема с Грузией, да и с Абхазией и Южной Осетией — относить их к региону СНГ, строго говоря, невозможно).

Столкнувшись с аналогичной ситуацией для стран бывшей Югославии и Албании, исследователи достаточно быстро договорились называть их «Западными Балканами». Но как быть в этой связи с постсоветским пространством?

Поиски термина для описания постсоветского региона естественным образом привели к слову «Евразия». Подобное понимание этого термина распространено как на постсоветском пространстве, так и за его пределами. А.Д. Сахаров, предлагая проект конституции для обновленного СССР, предлагал называть новое государство «Союзом Советских Республик Европы и Азии». Н.А. Назарбаев еще в первой половине 1990-х гг. выступил с инициативой Евразийского союза. В 2000 г. возникло Евразийское экономическое сообщество, в 2006 г. был создан Евразийский банк развития, а в 2015 г. Россия, Беларусь и Казахстан планируют создать Евразийский экономический союз.

Не меньше энтузиазма в использовании термина «евразийский» как синонима слову «постсоветский» проявляют и ученые. Издаваемый Институтом мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) журнал не случайно получил название «Россия и новые государства Евразии». Аналогично посвященный преимущественно постсоветской интеграции журнал ЕАБР называется «Евразийская экономическая интеграция». Межпарламентской ассамблеей ЕврАзЭС издается журнал «Евразийская интеграция: экономика, право, политика». Схожим образом реагирует и научное сообщество за пределами России. В Европе и в США за прошедшие десятилетия большая часть специализировавшихся ранее на России исследовательских центров сменили

название, включив в него слово «Евразия» (такие структуры функционируют теперь, например, в Гарварде, Стэнфорде, Колумбийском университете, Калифорнийском университете в Беркли, Торонто, Кембридже, Оксфорде или Упсале). Точно так же термин «евразийский» появился в названии многих ведущих журналов (Europe-Asia Studies, Eurasian Geography and Economics, Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History) и новых изданий, посвященных региону (Eurasian Review, Journal of Eurasian Studies). Американская ассоциация развития славянских исследований (AAASS), ведущее сообщество специалистов по России в США, с недавних времен переименована в Ассоциацию славянских, восточно-европейских и евразийских исследований (ASEEES). Термин «Евразия» в этом значении нередок как в статьях российских, так и западных ученых — при этом лишь немногие из них включают в свои работы явную оговорку, согласно которой предметом рассмотрения является постсоветское пространство*.

Среди неакадемических структур госдепартамент США стал одним из первых, кто создал «европейское и евразийское» бюро для бывших советских республик. Примечательно, что этот отдел не занимается пятью центральноазиатскими республиками, так как для этого есть Бюро по Делах Южной и Центральной Азии. Еще один пример — «Фонд Евразия», который был основан в 1993 г. на средства, предоставленные Агентством США по международному развитию (USAID). Примечательно, что эта организация в качестве зоны своей деятельности называет главным образом постсоветское пространство (Россия, Южный Кавказ, Украина и Молдова). Различные банки следуют этой же логике при определении географических рамок деятельности для своих

---

* Примером такой оговорки является Л.З. Зевин. (См.: Зевин Л.З. Евразийское экономическое пространство: перспективы консолидации // Общество и экономика. — 2011. — № 2).

отделов. В качестве примера можно привести департамент кредитования Европы и Евразии Инвестиционного банка стран Северной Европы (СИБ). В СИБ Евразия определяется как 12 стран бывшего Советского Союза; похоже, никаких колебаний по поводу «отделения» Европы от Евразии руководство банка не испытывало.

Среди трех «Евразий», о которых идет речь, «постсоветская Евразия» — самая молодая, данной концепции меньше 20 лет. Можно выделить две причины ее возникновения. Во-первых, постсоветские страны до сих пор очень часто воспринимаются исследователями и практиками в качестве единого целого — такого же цельного по своим характеристикам региона, как Европа. Насколько устойчивым окажется единство этой Евразии, покажет будущее. Немало наблюдателей указывают на неизбежность дезинтеграции стран бывшего СССР, фрагментации постсоветского пространства — и как следствие «конца Евразии» [2]. Иначе говоря, само существование «Евразии» с этой точки зрения является спорным. Во-вторых, возникновение «Евразии» является результатом внутренней динамики научного сообщества: наличие достаточно большого числа исследователей (и в России, и на Западе), занимающихся анализом именно стран региона СНГ и нуждающихся в приемлемом термине для своего объекта исследований.

«Евразия» как *антизападная идеология*. Очертить географические границы второй «Евразии» заметно сложнее — речь идет уже не о регионе, а о наборе идеологических конструкций и принципов, обычно называемых «евразийством». В отличие от первой ценностно-нейтральной Евразии, просто «описывающей» определенное пространство, вторая Евразия, наоборот, имеет очень жесткую идеологическую окраску — Евразия воспринимается в качестве *альтернативы* как минимум европейской ориентации России и постсоветских стран, а как максимум — синонима «осо-

бого пути», по которому должна пойти Россия. Идеи евразийства, как известно, зародились около 100 лет назад среди русских эмигрантов, хотя их корни можно увидеть еще в поиске самоопределения российских интеллектуалов XIX в. (по словам Достоевского в «Дневнике писателя», «в Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы»). Квинтэссенцией евразийских идей во многом можно считать фразу Н.С. Трубецкого: «Территория России... (является) особым материком, особой частью света, которую в отличие от Европы и Азии можно назвать Евразией... Евразия... представляет собой географически и антропологически некое единое целое... Евразия по самой своей природе оказывается исторически предназначенной для составления государственного единства. Государственное объединение Евразии было с самого начала исторической необходимостью. Но в то же время сама природа Евразии указывала и на способ этого объединения» [3].

Современное евразийство в России (как, впрочем, и на всем протяжении своей интеллектуальной истории) имеет множество аспектов и разновидностей, сильно отличающихся друг от друга*. Некоторые указывают на особый «славянский» и «православный» мир, который призвана возглавить Россия. Другие (как Л. Гумилев) воспринимают Россию как «синтез», включающий в себя кочевые народы Великой степи. Третьи (как А. Дугин) рассматривают Россию как особую «континентальную» державу, которая противопоставляется «островным» государствам типа США. Четвертые указывают на общность исторических судеб России и стран Азии (в самых разных сочетаниях — Индии, Китая, Японии и других), а пятые — на единство славянских и исламских

---

* См. обсуждение этой темы в: Чудодеев Ю.В. Еще раз о евразийской идентичности России // Азия и Африка сегодня. — 2009. — № 2; Кузнецов П. Многоликий Янус. (Нео) евразийство в России // Звезда. — 2010. — № 6; Орлик И.И. Евразийство: от зарождения до наших дней // Новая и новейшая история. — 2010. — № 1.

народов. Определенной вариацией евразийства можно считать представление о Евразии как об особом типе «географического мира», т. е. природном и ландшафтном единстве, сопряженном с общностью исторических судеб. Эта концепция играла немаловажную роль для первоначального евразийства — скорее, культурного и географического, чем экономического по своему происхождению учения*.

Исходя из этого, можно выделить две группы евразийцев в современной России. Первые используют термин «Евразия» просто как «маркер» миссии России, не сводимой к границам обычного государства и претендующей на особую роль в мире. Евразийцев этой группы собственно Евразия интересует очень мало — их основное внимание сосредоточено на взаимодействии России с другими великими державами**. Постсоветское же пространство воспринимается прежде всего как «зона привилегированных интересов России» во взаимодействии, например с США или ЕС. Представители второй группы в соответствии с традициями еще дореволюционных евразийцев подчеркивают значимость азиатского вектора для России (речь реже идет о Великой Степи и наследии монгольской империи или чаще — о Китае). С этой точки зрения, забавным представляется то обстоятельство, что, скажем, в глазах китайцев Россия, без сомнения, воспринимается как *европейская* держава, а вовсе не как особая «евразийская» страна, более близкая к азиатским культурам, чем, например, Германия или Франция.

В любом случае идеологическое евразийство крайне популярно как в России, так и на постсоветском пространстве. Многие приверженцы этой концепции пользуются признани-

---

* Критика евразийства с точки зрения географии приводится, например, в: Каганский В.П. «Евразийская» концепция пространства России // *Цивилизации*. — 2004. — № 6.

** В работе (Евзеров Р. Глобализация и евразийский выбор // *Свободная мысль*. — 2001. — № 10) приводится критика многих евразийских концепций с этой точки зрения и указывается на приоритетность именно постсоветской интеграции (при признании, впрочем, возможностей для взаимодействия с внерегиональными игроками).

ем в научном сообществе. Например, идеи Л. Гумилева преподаются в сотнях университетов и даже в школах. В исследованиях международных отношений многие авторы предпочитают описывать современное состояние дисциплины в России как противостояние «евразийцев» и «атлантистов», правда, само существование последних является сомнительным*. В какой-то степени идеи евразийцев совпадают и с самоощущением многих россиян: согласно опросу, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в 2001 г., 71 % респондентов заявили, что они считают Россию единственной в своем роде «евразийской или православной» цивилизацией, как это было сформулировано в анкете. И только 13 % согласились с мнением, что Россия принадлежит западной цивилизации [4]. Другое дело, что подобное «евразийство» в массовом сознании не обязательно предполагает стремление к партнерству и к открытости странам Азии или постсоветского пространства — напротив, оно вполне может сочетаться с призывом ограничить приток мигрантов из Центральной Азии или даже ввести барьеры для жителей «внутреннего зарубежья» [5] — Северного Кавказа.

Восприятие Евразии как «антизападной силы» признается не только сторонниками евразийства, но и их противниками. Например, Януш Бугайски воспринимает евразийское пространство как регион российского доминирования: расширение Евразии связано с усилением империалистических амбиций и влияния России [6]. Некоторые украинские интеллектуалы, как, например, Мькола Рябчук [7], категорически против описания Украины как «евразийской» страны, поскольку это несовместимо с «европейским» вектором в ее развитии.

---

* В. Морозов (Морозов В. Вездесущая идентичность: российская политическая наука перед лицом западной гегемонии. Общественные науки и современность. — 2011. — № 3) приводит замечательный обзор этой полемики, а также убедительно показывает, что само восприятие противоречий между евразийцами и «атлантистами» как двух главных направлений в российских исследованиях международных отношений указывает на серьезные проблемы этой дисциплины.

В любом случае и сторонники «идеологического евразийства», и противники российской экспансии, по всей видимости, считают три первые буквы в слове «Евразия» совершенно случайными. Ирония состоит в том, что подобный последовательный антиевропейский подход использует по своей природе евроцентричный термин. Если исходить из численности населения и размеров «Европы» и «Азии», корректнее было бы говорить об «Азиопе» (как бы ни неблагозвучно не звучал этот термин). А с точки зрения политической, демографической и экономической истории, а также антропологии правильным был бы термин «Афразия». Впрочем, даже сама концепция «Азии» была придумана европейцами. Наиболее четко это описывает Чэз Фриман: «В течение тысячелетий после того, как греческие стратеги выступили с этой евроцентрической концепцией (Азии), многочисленные неевропейские народы, населявшие евразийский материк, не знали, что им предписывается считать себя азиатами» [8]. Тем не менее во влиянии «идеологического евразийства» на умы и сердца в России и других постсоветских странах сомневаться не приходится.

«Евразия» как Европа и Азия. Третье понятие Евразии ясно определяет ее как пространство, включающее и Европу, и Азию. Данная трактовка Евразии имеет целый ряд важных особенностей. Во-первых, описываемая таким образом Евразия по определению не может быть антизападной. Наоборот, именно присутствие в Евразии активных западных игроков и делает ее, строго говоря, Евразией. Во-вторых, Евразия в этом случае значительно ближе к своему «географическому» понятию — хотя и представляет собой пространство, куда более разнородное в культурном и экономическом отношении. В-третьих, в отличие от «идеологической» версии «евразийства» рассматривать Евразию как органичное единство *Европы и Азии* можно лишь с прагматичной точки зрения

экономики. То есть экономические взаимосвязи должны пре-валировать над геополитическими целями, а идеология отступает на второй план по сравнению с конкретными интересами просто в силу разнородности игроков.

Найти конкретные воплощения такого «прагматичного евразийства» в дискуссии российских исследователей и практиков не так просто, как примеры «идеологического евразийства», которое, как уже было показано выше, во многих случаях опирается на стереотипы, укорененные в головах и жителей, и представителей элит постсоветских стран. Тем не менее работы, в которых «евразийский» формат связывается именно с активным участием Европы, постсоветских и азиатских стран в интеграционном взаимодействии, появляются все чаще. На русском языке исследования такого рода принадлежат перу, например, А. Быкова, С. Чернышева и А. Спартак^{*}, а на английском — Й. Линна, «либеральное евразийство» которого связано именно с формированием спонтанных экономических связей между странами континента [9], и М. Кайзера, исследующего формирование неформальных сетей, связывающих Евразию [10]. Во внеакадемической сфере такое восприятие Евразии чаще можно найти на постсоветском пространстве за пределами России, в первую очередь в Казахстане.

Ссылки на Евразию нередки в риторике руководства Казахстана и особенно Президента Н.А. Назарбаева^{**}. При этом речь идет о евразийстве, отличающемся от российских ана-

---

* Надо подчеркнуть, что выводы приведенных исследований частично достаточно сильно отличаются как друг от друга: Быков А.Н. Россия и евразийская интеграция в условиях глобализации // Проблемы прогнозирования. — 2004. — № 4; Быков А.Н. Постсоветское пространство: стратегии интеграции и новые вызовы глобализации. — М.: Алетия, 2009; Чернышев С. На пути к единой Евразии // Россия в глобальной политике. — 2010. — № 3; Спартак А. Евразийская перспектива постсоветской интеграции // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2011. — № 11, ноябрь. — С. 164—167.

** Как отмечает А. Малашенко, «Казахстан, пожалуй, единственная страна, где евразийская идея имеет глубокий и, так сказать, рациональный смысл». (Малашенко А. Казахстан ждут непростые времена // Брифинг Московского Центра Карнеги. — 2012. — Т. 14. — Вып. 1).

логов*. Во-первых, если российское евразийство (и в самой России, и в эмиграционных кругах) трактуется как философия, идеология или даже научная школа, евразийство по Назарбаеву — это, скорее, система внешнеполитических и внешнеэкономических идей и приоритетов международного сотрудничества. Во-вторых, для Казахстана евразийство подразумевает недвусмысленную открытость Европе. Евразийство в Казахстане ни при каких условиях не является враждебным модернизации, напротив, полностью совместимо с экономической либерализацией, осуществляемой в этой стране в последние 20 лет. В-третьих, это евразийство нельзя назвать «российско-центричным». Цитируя знаменитого казахского этнографа XIX в. Чокана Валиханова, казахстанские историки отмечают, что «Евразия не является синонимом России» [11].

Краткая характеристика трех концепций представлена в таблице 1.

Табл. 1. Три понятия Евразии

	Евразия как постсоветское пространство	Евразийство как идеология	Прагматичное (или экономическое) евразийство
Причины формирования Евразии	Общее прошлое	Культурная, историческая и геополитическая общность	Возникающие экономические и социально-культурные связи
Восприятие Европы	Не включается (возможно, за исключением посткоммунистических стран)	Не включается (и трактуется как регион, отличный от Евразии или враждебный Евразии)	Включается

---

* Отметим, что официальная версия евразийства не является единственной существующей или существовавшей в Казахстане. Достаточно упомянуть Олжаса Сулейменова, который, в свою очередь, не попадает ни в одну из упомянутых групп.

Продолжение

Восприятие Азии	Не включается (возможно, за исключением Монголии)	Частично включается (в зависимости от подхода: Китай, Япония, «Великая степь»)	Включается
Восприятие вестернизации и модернизации Евразии	Ограниченная вероятность того, что СНГ станет неотъемлемой частью западного мира (поэтому необходимо специальное название на длительную перспективу)	Неприятие модернизации через вестернизацию; поиск «другого пути»	Вестернизация (с учетом национальной специфики) как <i>единственная</i> стратегия модернизации; ограниченное внимание к идеологии, фокус на экономические аспекты
Природа понятия	Географическое понятие, определение предмета исследования, определение политического курса, бизнес-целей	Наука или идеология	Комплекс внешнеполитических и экономических идей без идеологических претензий

Источник: Винокуров Е., Либман А. Евразийская континентальная интеграция. ЕАБР: СПб., 2012. — С. 20.

Следует подчеркнуть, что три понятия «Евразии» редко полностью обособлены друг от друга. Поэтому иногда непросто понять, какую именно концепцию авторы имеют в виду.

Кроме того, зачастую слово «Евразия» употребляется, по сути, произвольно, вне всякого отношения к трем концепциям, приведенным выше. Это слово охотно используется представителями деловых кругов. Например, крупная казахстанская горнодобывающая компания получила на-

звание Eurasian Natural Resources Corporation; в Казахстане функционирует банк под названием «Евразийский банк», являющийся частью «Евразийской группы»; казахстанская девелоперская компания с основными интересами в России называлась Eurasia Logistics. В Казахстане имеется бесчисленное количество торговых организаций, в названиях которых используется слово «Евразия»; а в России даже есть сеть ресторанов японской (!) кухни под этим названием. Постоянно появляются многочисленные торговые и деловые центры и бизнес-ассоциации, использующие в названии слово «евразийский», такие, как «Евразийский клуб банкиров». В США существует «Группа Евразия» со штаб-квартирой в Нью-Йорке, оказывающая консультации по вопросам политического риска (вне зависимости от конкретных географических границ континентов).

Границы Евразии

В предыдущем разделе мы попытались очертить не только географические, но и временные границы «трех Евразий». Постсоветская Евразия возникла в 1991 г. (до этого момента она была попросту частью единого государства). Идеологическая Евразия была сконструирована в 1920-е гг., хотя корни ее восходят еще к XIX в. Что же касается третьей Евразии, о которой мы и будем говорить, обсуждая евразийскую континентальную интеграцию, то ее временные рамки оценить сложнее, поскольку возникла она не как идеологический конструкт или следствие политических решений, а за счет спонтанного взаимопереплетения экономик (впрочем, политика и здесь сыграла немаловажную роль). Современный этап развития континентальной интеграции в Евразии восходит к 1970—1980 гг.

Процессы экономической глобализации в современном мире, как известно, являются неравномерными. В то время как отдельные страны быстрее других движутся по пути интеграции в глобальную экономику, другие, напротив, остаются на периферии глобальных процессов. В результате в паутине связей, и составляющей суть глобализации, возникают своего рода «разрывы». Одним таким разрывом до недавнего времени оставалась Африка, связь которой с глобальной экономикой оставалась ограниченной и односторонней. Другой «разрыв» был до недавнего времени связан с Китаем и со странами социалистического лагеря, придерживавшихся или курса на максимально возможную автаркию, или сотрудничества прежде всего между собой (например, в рамках Совета экономической взаимопомощи).

Развитие глобальной экономики включает в себя, во-первых, углубление взаимозависимости внутри основных узлов (прежде всего, Северной Америки, Европы и Восточной Азии); во-вторых, расширение связей между узлами; и, в-третьих, расширение «охвата» узлов за счет включения в них первоначально находившихся на периферии стран и регионов. Две последние тенденции четко проявились на евразийском континенте. С одной стороны, открытость Китая и превращение его в «мастерскую мира» устранили существовавший ранее разрыв, более того, сделали КНР одним из центров новых глобальных взаимосвязей, превратив торговлю между Китаем, Европой и США в один из ключевых товарных потоков в современном мире. С другой стороны, распад социалистического лагеря привел к активизации поиска бывшими соцстранами своего места в системе международного разделения труда. Для большинства из них главным следствием изменений стала интенсификация торговых и экономических связей с европейскими странами, для некоторых (в Центральной и Восточной Европе) — активное

участие в европейском интеграционном процессе. При этом экономические связи постсоветских стран, хотя и сократились в количественном выражении, но все же остаются довольно устойчивыми. Многие исследования показывают, что торговля между странами СНГ существенно превышает ее «теоретический потенциал», основанный на масштабе их экономик [12]. Однако далеко не все связи между странами Евразии, сформировавшиеся за последние десятилетия, связаны с распадом социалистической системы. Например, система трубопроводов, превратившая постсоветские страны в важный источник нефти и газа для Европы, начала формироваться еще в 1970-ые гг.

Иначе говоря, за прошедшие 20 лет «разрыв» в паутине экономических взаимосвязей, существовавший между европейским и азиатско-тихоокеанским полюсами экономического развития, во многом был заполнен новой «тканью глобализации», формирование которой и составило суть евразийской континентальной интеграции. Сеть экономических связей дополняется растущим количеством политических и институциональных структур, охватывающих страны Евразии. Если первоначально европейский и азиатско-тихоокеанский полюсы экономического развития на евразийском континенте были географически четко разделены между собой, то появление Центральной и Северной Евразии делает границу между ними менее различимой. Россия — по крайней мере, потенциально — могла бы принадлежать каждому из этих регионов. Проблемы стран СНГ, Европы и Восточной Азии все больше переплетаются между собой, что зачастую требует проведения скоординированной политики, хотя речь идет не о формировании некоего всеобъемлющего и однородного пространства, а о множестве пересекающихся региональных пространств, накладывающихся и взаимодействующих друг с другом.

Евразийскую континентальную интеграцию можно рассматривать как процесс взаимодействия пяти макрорегионов: Европы, Северной и Центральной Евразии, Восточной Азии, Южной Азии и Западной Азии (рис. 1). Со временем евразийская континентальная интеграция неизбежно «размывает» границы макрорегионов, все в большей степени переплетающихся между собой.

Рис. 1. Макрорегионы Евразии

Проще всего дела обстоят с Европой: границы ЕС и стран Европейского экономического пространства могут использоваться как «приблизительная» характеристика этого региона. Конечно, при этом остаются без внимания страны «новой Восточной Европы» — Украина, Беларусь и Молдова, а также Россия, где границы Европы и Северной и Центральной Евразии накладываются друг на друга, а также страны За-

падных Балкан. Для характеристики Северной и Центральной Евразии мы используем традиционные границы региона СНГ — все бывшие советские республики, за исключением балтийских государств. Если до выхода из СНГ Грузии и признания Россией Абхазии и Южной Осетии этот регион мог быть определен, как и ЕС, по членству в Содружестве Независимых Государств, то сейчас основным фактором, определяющим его границы, становится исторический — границы бывшего СССР (кроме балтийских государств, вошедших в ЕС). Подчеркнем, что необходимость введения в анализ особого макрорегиона «Северная и Центральная Евразия» связана не только со сложной позицией России, не вписывающейся в другие регионы Евразии по чисто географическим характеристикам, но и важной ролью Казахстана, которую он играет в динамике экономического взаимодействия в этом макрорегионе. Сложнее всего дела обстоят с Восточной Азией, где нет ни одной международной структуры, которая объединяла бы все страны. Мы используем широкое определение региона, включающее Китай, Японию, Корею, Монголию, а также страны АСЕАН (таблица 2).

Табл. 2. Основные макроэкономические показатели по регионам и макрорегионам Евразии (2011 г.)

	Население, млн чел.	ВВП, \$ млрд
Европа	534,9	18863,6
Европейский Союз	500,5	17582,8
Страны, не входящие в ЕС	34,4	1280,7
Северная и Центральная Евразия (СНГ)	277,8	2412,1
Центральная Азия	64,4	261,9

Продолжение

Восточная Азия	1558,1	15002,5
Юго-Восточная Азия	512,2	2235,8
Южная Азия	1629,7	2097,1
Западная Азия	268,8	3107,0
Евразия в целом	4786,0	43732,5

Источник: МВФ, расчеты: Винокуров Е., Либман А. Евразийская континентальная интеграция. ЕАБР: СПб., 2012.

Таким образом, резюмируем возможный методологический подход. Наряду с евразийской постсоветской интеграцией дополнительным объектом исследовательской работы становится евразийская континентальная интеграция, связанная с ростом экономических и социальных взаимосвязей между макрорегионами (и их составляющими) в Евразии. «Евразия» для нас не ограничивается постсоветским пространством, в том числе и потому, что границы постсоветского пространства нельзя считать раз и навсегда заданными советским прошлым. Если в некоторых аспектах постсоветское пространство действительно может оказаться оптимальным регионом для интеграции, то в других, возможно, оптимальными будут другие сочетания стран.

Мы признаем, сколь спорным и неоднозначным является термин «Евразия». Однако, если мы действительно пытаемся понять, как могут выглядеть новые экономические взаимосвязи между Европой, постсоветским регионом (Северной и Центральной Евразией), Восточной Азией и другими регионами континента, альтернативы использованию термина «Евразия» нет.

Литература

1. Винокуров Е., Либман А. (2012) Евразийская континентальная интеграция. ЕАБР: СПб., 2012 // <http://www.eabr.org/r/research/centre/monographs/>. Vinokurov E., Libman A. Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism. Basingtoke: Palgrave Macmillan, 2012.
2. Trenin D. The End of Eurasia: Russia on the Border between Geopolitics and Globalization. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2002; Trenin D. Post-Imperium: A Eurasian Story. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2011; Малашенко А. Заметки о пространстве, именуемом постсоветским, и о том, что там делает Россия // Дружба народов. — 2011. — № 9; Tsygankov A.P. The Heartland No More: Russia's Weakness and Eurasia's Meltdown // Journal of Eurasian Studies, 2012, 3 (1): 1—9.
3. Трубецкой Н.С. Мы и другие // Евразийский временник (4). — Берлин, 1925. — С. 66—81.
4. ВЦИОМ Россия: западный путь для евразийской цивилизации, 13 ноября 2001 г. // www.levada.ru/press/
5. Малашенко А. Северный Кавказ: Зарубежный субъект Российской Федерации // Брифинг Московского Центра Карнеги. — 2011. — Т. 13. — Вып. 3.
6. Bugajski J. Expanding Eurasia: Russia's European Ambitions. CSIS, 2008.
7. Ryabchuk M. In Bed with an Elephant: Cultural Wars and Rival Identities in Contemporary Ukraine. Reuters Foundation Paper No. 159, 2001.
8. Freeman C.W. The Challenges of Asia. The Washington Note, 2011, February 21.
9. Linn J., Tiomkin D. Economic Integration of Eurasia: Opportunities and Challenges of Global Significance, in Aslund, A. and Dabrowski, M. (eds.) Europe After Enlargement (New York: Cambridge University Press, 2007); Linn J., Tiomkin D. The New Impetus towards Economic Integration Between Europe and Asia. Asia Europe Journal, 2006, 4(1):31—41.
10. Kaiser M. Eurasia in the Making — Revival of the Silk Road. Bielefeld: Transcript Verlag, 2012; Kaiser M. Eurasien: Neo-imperialischer Diskurs oder gesellschaftliche Realitaet? Bielefeld Sociology of Development Research Center, 2001.
11. Нысанбаев А., Курманбаев Е. Евразийская идея Чокана Валиханова. Евразийское сообщество. — 1999. — № 26. — С. 26—31.

12. Fidrmuc J., Fidrmuc J. Disintegration and Trade. Review of International Economics, 2003, 11, 5:811—826; De Sousa J., Lamotte O. Does Political Disintegration Lead to Trade Disintegration: Evidence from Transition Countries. Economics of Transition, 2007, Vol. 15, No. 4.

***

Партнерство в области сырья и технологий как инструмент углубления евразийской интеграции

Бодо Лохманн

Диспропорции в распределении полезных ископаемых и технологических потенциалов

Наш мир отличается большими диспропорциями как по распределению природных ресурсов, так и инновационно-технологических потенциалов. Такое положение объективно вызывает необходимость тесного обмена и сотрудничества.

В сфере полезных ископаемых в настоящее время речь идет прежде всего о так называемых редких и редкоземельных металлах. Это условное название группы металлов (свыше 50), которые рассеяны в земной коре и содержатся в очень незначительных количествах, порядка тысячных процента (исключение составляют титан, ванадий, литий, бериллий и некоторые другие). Руды редких металлов обычно имеют сложный состав, они часто содержат по несколько весьма ценных для промышленности металлов, поэтому их надо извлекать комплексно, а затем разделять. Это сложный процесс, требующий использования соответствующих технологических ноу-хау. Чаще всего редкие металлы извлекаются попутно при разработке месторождений тех металлов, которые сконцентрированы в большом количестве. Так, селен и теллур могут содержаться в халькопирите, а индий, галлий, таллий и германий — в сфалерите. Первые металлы добывают попутно с получением меди, вторые — также попутно при извлечении из руды цинка.

Редкие металлы все больше используются в качестве основных материалов для ответственных деталей и компонентов сложной техники. Без них нельзя создать современные

двигатели и турбины, электронику, сверхпроводящие материалы, мощные и одновременно компактные постоянные магниты, сверхмощные компьютеры, аэрокосмическую технику. Они находят свое применение в оптике, стекольной промышленности, производстве различных люминофоров, катализаторов и перезаряжаемых аккумуляторных батарей, в том числе для электромобилей [1].

Совокупный мировой спрос на редкие металлы всех видов актуально составляет около 200 000 т в год. Этот спрос стабильно растет, что влечет за собой и рост мировых цен. Так, только за короткий период 2005—2011 гг. мировая цена на неодим выросла в 30 раз, а на диспориум — в 50 раз.

В последнее время в сфере стратегического обеспечения полезными ископаемыми разгорелась международная борьба. Так, ограничения на экспорт редкоземельных металлов, которые были утверждены китайским правительством в 2011 г., вызвали озабоченность многих стран, развитие промышленности которых во многом зависит от доступа к ним. Китайский экспорт в 2011 г. был снижен на 35 % по сравнению с предыдущим годом. Сейчас под контролем Китая находятся более 95 % мировой добычи и обработка 17 ключевых редкоземельных элементов (самария, тербия, лантана, лютеция, тулия и др.) [2].

Потенциальные конфликты, которые могут развиваться в сфере снабжения полезными ископаемыми по многим причинам, конечно, лучше решать путем разумно структурированного сотрудничества между заинтересованными странами и фирмами, чем в форме взаимных блокад и торговых войн.

Значимые запасы редких металлов имеют Монголия, Казахстан, Южно-Африканская Республика (ЮАР), Россия, Конго, Таджикистан. Казахстан обладает значительным количеством минерального сырья редких и редкоземельных

металлов, и при их рациональном использовании многие годы может развивать в стране современные отрасли науки и техники, а также реализовывать редкометалльную и редкоземельную продукцию на мировом рынке.

Сырьевыми источниками рассеянных редких металлов (индий, таллий, селен, теллур, германий, галлий, рений) являются также продукты переработки свинцово-цинковых, медных и содержащих алюминий руд, золы и надсмольные воды от сжигания углей, пыли переработки железорудного сырья, растворы и шламы сернокислотного производства. Эти продукты в достаточной мере могут обеспечить получение редких металлов в Казахстане, чтобы удовлетворить внутренние потребности и снабдить металлами мировые рынки [3].

Экономические структуры и потенциал Казахстана и Германии как база технологического кооперирования

Как известно, в экономическом плане Казахстан зависит в основном от экспорта своих природных ресурсов, прежде всего нефти, урана и различных металлов. Конечно, добыча и экспорт полезных ископаемых приносят высокие финансовые доходы, которые определенное время могут дать стране возможность спокойно существовать и без собственной перерабатывающей промышленности.

Но такая модель развития имеет как минимум следующие недостатки:

1. Высокая степень зависимости от конъюнктуры цен и спроса на мировых рынках. В случае падения цен на экспортные природные товары отсутствует возможность выравнивания недополученных доходов.

2. Запасы полезных ископаемых рано или поздно будут исчерпаны, но до этого момента объем инвестиций, необхо-

димых для освоения новых районов добычи, резко возрастает.

3. Ориентация на полезные ископаемые не дает возможности решить самую важную социальную проблему — создание и сохранение рабочих мест, так как в добывающих отраслях, особенно в нефтяной промышленности, занято относительно небольшое количество рабочих. Кроме того, местонахождение полезных ископаемых и место жительства подавляющего количества населения не совпадают, а масштабное переселение населения с традиционных мест к районам добычи по разным причинам не является возможным.

Для поэтапного улучшения односторонней структуры хозяйственной деятельности в Казахстане уже несколько лет реализуются различные программы диверсификации экономики страны. Главным инструментом для этого является инновационная деятельность, т. е. создание и освоение новых технологий для производства конкурентоспособных на международных рынках изделий перерабатывающей промышленности. Для того чтобы в необходимые сроки получить соответствующие результаты, нельзя полагаться только на собственные национальные разработки. В условиях глобализации существуют более благоприятные, чем в рамках национального ограничения, возможности разумного и эффективного международного разделения труда, в том числе в сфере научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Использование этих возможностей может значительно сократить сроки достижения целей и существенно повысить эффективность инновационных проектов. В мировой практике инновационной деятельности доминирует практика сотрудничества в рамках фундаментальных инновационных проектов даже таких фирм, которые по конечным продуктам являются конкурентами. Сотрудничество фирм-конкурентов снижает риск неудачной реализации инновационных про-

ектов, дает возможность дополнения и усовершенствования инновационных потенциалов, включая привлечение необходимых, обычно существенных, финансовых ресурсов.

Немецкие предприятия имеют серьезные научно-технические потенциалы, о чем говорит тот факт, что германская экономика в мировом масштабе по международной конкурентоспособности занимает 6-е место из 180 стран.

В отличие от других индустриальных стран (например, США и Великобритании), доля реального сектора во внутреннем валовом продукте (ВВП) Германии высока и составляет примерно 45 %. Это в основном изделия обрабатывающей промышленности, прежде всего машиностроения и электротехники, которые пользуются спросом во всем мире. Почти половину ВВП германские предприятия реализуют на внешних рынках, следовательно немецкие изделия имеют большой международный спрос.

Уровень жизни в Германии существенно зависит от конкурентоспособности немецких изделий на открытых и очень динамично развивающихся мировых рынках, где постоянно появляются новые конкуренты и доминирует высокий темп обновления продукции. Для обеспечения и поддержания спроса на свои изделия германским предприятиям приходится интенсивно работать в инновационном направлении, чтобы отстоять завоеванные позиции. ключом к этому является образование и разумно поставленная инновационная деятельность. По критериям инновативности германская экономика занимает 4-е место в мире. Ежегодно генерируется не менее 40 000 патентов в различных отраслях экономики.

К факторам успешного экономического развития Германии нужно отнести также такие политические факторы, как децентрализация и демократизация общества, активное участие в процессах европейской интеграции и открытость общества.

Последний фактор на практике означает активное участие производителей в процессах международного разделения труда, что положительно влияет на обеспечение конкурентоспособности отечественных товаров. Это объясняется многими условиями, в том числе более широкими возможностями специализации, покупкой более качественных или дешевых компонентов за рубежом, беспрепятственным приобретением современного ноу-хау, широкими возможностями использования специалистов.

Важным моментом является повышение конкурентного давления со стороны производителей из других стран или регионов. Такое давление часто, например в Казахстане, расценивают как опасное для развития национальной экономики, так как некоторые местные производители еще не готовы выдержать серьезную международную конкуренцию. Конечно, имеет смысл временно защитить внутренние рынки и тем самым местных производителей от внешних конкурентов. Но этот переходный период должен быть максимально коротким. В случае длительной изоляции национальной экономики от международных конкурентов теряется положительное влияние конкуренции на улучшение качества, сервиса и других параметров отечественных товаров.

Табл. 1. Доля оборота нескольких немецких фирм, полученная на неевропейских рынках (в % от общего оборота, 2011 г.)

Название фирмы	Отрасль	Доля оборота внеевропейских рынков (в % от общего оборота)
Adidas	спортивная одежда	58,0
Bayer	химия	60,5
BMW	автомобили	50,9
Daimler	автомобили	63,0
Dürr	оборудование для лакирования	60,5

Продолжение

EADS	самолеты	53,2
HeidelbergCement	цемент	55,7
Infineon	электроника	51,9
Krones	разливное оборудование	60,9
Linde	технические газы	56,6
Puma	спортивная одежда	56,7
SAP	компьютерные программы	50,4

Источник: составлено по «Euro am Sonntag» от 24—30 марта 2012 г., стр. 14.

Тщательно подготовленное и последовательно проведенное вступление Казахстана в ВТО является, на наш взгляд, обязательным условием для реализации задач по повышению конкурентоспособности и диверсификации экономики, а также углубления сотрудничества в сфере сырья и технологий.

Важным фактором экономического развития германской экономики является открытость общества в вопросах приема и интеграции иностранных сотрудников. Почти 30 % населения Германии — это мигранты и их потомки. По количеству на первом месте находятся турки, которые приехали в Германию и остались после окончания трудовых договоров с 1960-ых гг. Большое количество иностранных по происхождению (не всегда по паспорту) граждан дает немецким предприятиям возможность использовать знания о культуре и менталитете других народов для обработки экспортных рынков. Открытое общество, несмотря на немалое количество политических и организационных проблем при интеграции иностранцев, является неотъемлемым условием успешной внешнеторговой деятельности диверсифицированной экономики Германии.

Особое значение для обеспечения конкурентоспособности и расширения международного сотрудничества имеет наличие и постоянное развитие, а также постоянное *обновление малого и среднего предпринимательства* (МСП).

В Германии этот сектор является фундаментом всей экономики и отличается высоким уровнем международной конкурентоспособности. В секторе МСП Германии занято 70 % работающих. Здесь возникает 90 % новых рабочих мест и генерируется 70 % всех патентов. Последний факт объясняется тем, что, как правило, в фирмах данной категории по «естественным» причинам существует более благоприятный для инновации климат, именно здесь значительно легче, чем на крупных предприятиях, его создавать. Малые и средние предприятия отличаются также тем, что в них:

- доминируют более тесные и более открытые межчеловеческие отношения;
- существуют более тесные контакты с поставщиками и клиентами (как источник информации);
- сотрудники имеют непосредственный доступ к менеджерам;
- сотрудники хорошо знают сильные и слабые стороны данной фирмы и вытекающие отсюда угрозы для их рабочих мест;
- доминирует кооперативный дух и др.

На деле малые и средние предприятия часто не в силах самостоятельно реализовать свои изобретения, поэтому они часто продают их другим фирмам. Крупные фирмы покупают маленькие только для того, чтобы иметь их ноу-хау.

Об отсутствии противоречия между наличием большого количества МСП и международной конкурентоспособностью национальной экономики свидетельствует тот факт, что не менее 1500 малых и средних германских предприятий являются лидерами на мировых рынках в своем узком сегменте.

К некоторым известным фирмам данной категории относятся, к примеру, фирма Ritter Sport (шоколадные изделия), Haribo (конфеты), Stihl (электропилы), Wirthgen (винты), Grohe (санитарная техника), Kärcher (очистительная техника) и др.

К «секретам» успеха этих фирм относятся:

- семейная собственность предприятия, что дает возможность работать без постоянного давления со стороны акционеров, в основном заинтересованных только максимизацией дивидендов;

- долгосрочные стратегии развития вместо краткосрочной ориентации на максимальную прибыль;

- органический рост фирмы, т. е. финансирование инвестиций и рост потенциалов проводятся в основном за счет собственных средств;

- плоские управленческие структуры и доминирование кооперативного стиля управления, что положительно влияет на мотивацию сотрудников, вызывает высокую степень идентификации сотрудников с фирмой и ее продуктами, облегчает коммуникационные (формальные и неформальные) процессы между сотрудниками фирмы, что, в свою очередь, является важным условием успешной инновационной деятельности; отлаженный инновационный менеджмент; знания о конкурентах и тенденциях развития;

- последовательная ориентация на клиентов, которые обычно менее анонимны, чем в крупных фирмах; постоянные тесные контакты с клиентами и поставщиками, которые, с одной стороны, являются центральным источником новых инновативных идей (особенно недовольные клиенты), с другой — важными партнерами при реализации инновационных проектов;

- добровольная и сознательная работа в кластерах, т. е. временное кооперирование нескольких (обычно 15—20)

предприятий по региональному, технологическому или отраслевому принципу для решения совместных проблем;

- комбинация производства и услуг, т. е. совместно с продажей техники предлагается целый ряд инженерных услуг вокруг этой техники; обеспечение высокого качества поставок; гибкость реагирования;

- ориентация на мировые рынки, так как только в условиях конкуренции генерируются конкурентоспособные изделия и услуги.

К слабым местам германской экономики необходимо прежде всего отнести большую степень зависимости от импорта энергоносителей и полезных ископаемых (таблица 2).

Табл. 2. Доля собственного снабжения энергоносителями и сырьем Германии (в 2010 г., в % от совокупного потребления)

Нефть	2,7	Руды металлов	0
Природный газ	15,9	Медь	43
Каменный уголь	28,3	Свинец	69
Бурый уголь	100	Барит	16,5
Фосфат	0	Графит	0

Источник: составлено по „Energieverbrauch in Deutschland“, Arbeitsgemeinschaft Energiebilanzen e.V., Berlin 2010, www.ag-energiebilanzen.de и по www.DeutscheRohstoffagentur.de/DE/Gemeinsames/Produkte/Downloads/DERA_Rohstoffinformation.pdf

Стоимость совокупного объема импорта всех видов полезных ископаемых Германии в 2011 г. составила 109,3 млрд евро. 62 % этой суммы были затрачены на импорт энергоносителей, 15 % — на цветные металлы, 8,5 % — на благородные металлы и 6 % — на железистые металлы. Самые важные страны-поставщики — это Россия — (18,9 млрд евро), Великобритания (8,4 млрд евро), Норвегия (5 млрд евро), Казахстан (3,5 млрд евро) и Бразилия (3,2 млрд евро) [4].

Зависимость от импорта сырья и энергоносителей, цены на которые неустойчивы и имеют тенденцию к возрастанию, вызывает необходимость рационального использования ресурсов, что привело к формированию в Германии целого ряда производств и специализированной техники, которая в основном экспортируется. Отрасли по созданию и производству ресурсосберегающей техники по объективным причинам относятся к производствам, имеющим прекрасные долгосрочные перспективы. Поэтому, особенно предприятия машиностроения и приборостроения, уже несколько десятилетий тому назад начали концентрировать свои потенциалы именно в этом направлении. На данный момент в этой сфере накоплен большой опыт и имеется свое ноу-хау в форме международных патентов. В области ресурсосберегающих технологий германские предприятия входят в число мировых лидеров, они разрабатывают, используют и продают множество современных технологий по рациональному использованию природных материалов. При этом технологии всегда обеспечивают соблюдение высоких экологических стандартов или сами формируют эти стандарты. Это открывает широкий спектр возможностей для применения таких технологий, где еще не в полной мере учитывают экологические требования, особенно после окончания эксплуатации тех или иных месторождений полезных ископаемых.

После объединения Германии в 1990 г. на территории бывшей ГДР целый ряд шахт и карьеров был оставлен без проведения специальных мероприятий по предотвращению возможных негативных экологических последствий. В этой сфере за последние 20 лет была проведена огромная технологическая работа, например по рекультивации бывших карьеров по добыче угля и урановых шахт. В области демонтажа крупных устаревших промышленных объектов (в том числе в атомной энергетике), ренатурализации водных бассейнов и

рек, повторного использования промышленных и домашних отходов был накоплен огромный организационный и технологический опыт, который может быть очень полезным для Казахстана.

К другим проблемам германской экономики можно отнести прекращение работ по поиску и добыче собственных полезных ископаемых. В принципе на территории Германии тоже есть целый ряд металлов, но обычно их концентрация очень низка. В 1960—1970-х гг., когда мировые цены на большинство полезных ископаемых были низкими, добыча соответствующих руд экономически не оправдалась. Дешевле было импортировать необходимые для промышленности металлы и сырье. Но ситуация изменилась и будет меняться еще неоднократно. Рост многих цен на импортные материалы и технологический прогресс указали на экономическую оправданность добычи собственных руд.

Конечно, только за счет собственных месторождений даже в отдаленной перспективе вряд ли возможно покрыть потребности германской экономики в металлах. Но в комбинации с мероприятиями по повышению степени повторного использования промышленных и домашних отходов и дальнейшему снижению удельной материалоемкости производства частичное покрытие потребностей станет реально заметным. В данное время, к примеру, 50 % германских потребностей в цинке уже покрываются путем повторного использования отходов, примерно 60 % домашних отходов, прежде всего макулатура, стекло, металлы и батарейки, возвращаются в экономический кругооборот. Для дальнейшей интенсификации в этом направлении на территории Технического Университета Фрайберг (Саксония), который уже с начала своего существования специализируется на разработке инновативных технологий по рациональному и повторному использованию полезных ископаемых, в 2011 г. был

создан Специализированный институт им. Хелмхолтца. Этот институт входит в одну из четырех крупных систем НИИ, которые формируют исследовательскую базу в сфере фундаментальных исследований (таблица 4).

Табл. 4. Основные организации, занимающиеся базовыми и прикладными исследованиями в Германии

Наименование	Год основания	Количество институтов	Численность занятых	Годовой бюджет (в 2010 г., в млн евро)
Fraunhofer-Gesellschaft	1949	62	18 000	1 650
Helmholtz-Gesellschaft	1958	18	33 000	3 400
Leibniz-Gesellschaft	1977	86	16 800	1 400
Max-Planck-Gesellschaft	1911/ 1948	76	13 000	1 400

Источник: составлено по "Euro am Sonntag", "Energieverbrauch in Deutschland", Arbeitsgemeinschaft Energiebilanzen e.V., Berlin 2010, www.ag-energiebilanzen.de и www.DeutscheRohstoffagentur.de/DE/Gemeinsames/Produkte/Downloads/DERA_Rohstoffinformation.pdf

Все названные институты:

- получают только базовое финансирование из государственных источников, примерно половина финансовых средств — из проектов ЕС, немецких федеральных министерств, министерств федеральных земель, общин, а в основном из исследовательских заказов промышленных предприятий;

- имеют свои трансфертные центры, которые являются звеньями между наукой и промышленностью и занимаются превращением научных изобретений в рыночные инновации;

- тесно кооперируют с другими институтами и промышленностью, занимаются привлечением и формированием

собственного научного персонала, выполняют заказы за рубежом, где имеют свои филиалы.

К основным направлениям работы обозначенных в таблице 4 институтов относятся:

- рациональное использование энергии и материалов;
- новые материалы и новые источники энергоснабжения;
- лазерная техника, биотехнология, нанотехнология;
- автоматизация производства;
- производственная и транспортная логистика, мобильность;
- технологии по защите окружающей среды;
- химические технологии, вопросы здоровья людей.

Таким образом, научные исследования последовательно ориентированы на практические актуальные и перспективные потребности промышленности.

Немецкое народное хозяйство всегда было ориентировано на максимально рациональное использование всех ресурсов и никогда не полагалось только на импорт дешевых материалов. В сфере энергетики, несмотря на все сложности, такое направление уже приносит свои плоды: в результате пока только частичного перехода на использование возобновляемых энергоисточников (солнце, ветер, биогаз) в 2011 г. было сэкономлено около 7 млрд евро на импорте классических энергоносителей. Работа по рациональному использованию всех ресурсов (включая человеческие) и далее будет интенсифицироваться, а новые технологии принесут пользу не только немецким предприятиям.

При этом в категорию «технологии» входят не только технические ее варианты. Не менее важными являются *новые подходы и системы в сфере организации и менеджмента*. Ежедневной практикой в большинстве германских предприятий является использование таких инструментов рационализации и обеспечения инновативности, как инновационный,

проектный, процессный, ресурсный, экологический и энергетический менеджмент.

Все эти системы менеджмента принципиально отлажены, есть многолетний и многогранный опыт их использования, документированы значительные реальные экономические эффекты от их применения. Поэтому системы менеджмента тоже могут и должны быть объектом сотрудничества.

То же самое касается определенных элементов *профессионального и высшего образования*.

Самым важным ресурсом Германии является трудоспособное население, его профессиональная квалификация и трудовые навыки. Поэтому для сохранения достигнутого уровня конкурентоспособности германской экономики есть только один путь — использовать и развивать способности населения для интенсивной инновационной деятельности.

Принято считать, что от качества образования зависит не менее 40 % экономического роста. А экономический рост, в свою очередь, зависит от наличия товаров, которые пользуются спросом на каких-либо рынках.

В данное время Германия тратит примерно 2,7 % своего ВВП на инновационные процессы (Казахстан — 0,2 %, до 2020 г. планируется поднять этот показатель до 1 %) и 5 % от ВВП — на образование (Казахстан — 2,8 %).

К базовым основам немецкой образовательной системы относятся:

1. Большая степень дифференциации систем школьного и вузовского образования, что дает возможность приспособления образовательных процессов к реальным потенциалам учащихся.

2. Ранняя ориентация на самостоятельность, критичность и открытость к новым вопросам развития общества.

3. Наличие отлаженной системы двойного среднего профессионального образования. Примерно 60 % школьников

заканчивают 10-й класс и заключают договор о профессиональном образовании с каким-либо предприятием. Срок обучения длится от 2 до 3 лет и включает в себя как солидное теоретическое образование в государственных профессионально-технических училищах, так и практическое обучение на предприятии по утвержденной государством или ассоциациями предпринимателей программе обучения. Экзамены после окончания срока обучения принимают нейтральные инстанции, прежде всего промышленные и торговые палаты.

4. Для того чтобы поступить в учреждение высшего образования, необходимо закончить в основном 12-летнюю школу, что делают примерно 40 % учеников одного учебного года. Существует два вида высших учебных заведений: а) университеты, которые дают в основном широкие теоретические знания (фактический срок обучения в среднем составляет 5,5 лет) и б) высшие школы, которые дают студентам в основном специализированные практические знания (средний срок обучения — 4 года). Система высшего образования (особенно в университетах) направлена на формирование максимальной самостоятельности в работе. Большую долю учебных процессов занимает тренинг по использованию методов самостоятельного поиска и использования специализированной информации, ее обработки, презентации и публичной защиты.

5. Вузы в Германии работают автономно от государства, т. е. за содержание учебных программ отвечает сам вуз, а государство «только» финансирует деятельность вузов и координирует общее развитие вузовского ландшафта на территории данной федеральной земли. Поэтому отсутствует такое понятие, как «диплом государственного образца». Вузы выдают свой диплом, а о качестве полученных знаний судят работодатели. Отсутствие проверок на предмет соблюдения

каких-либо государственных стандартов дает вузам возможность сосредоточиться на главном, т. е. на повышении качества обучения.

6. Важным компонентом учебы в высших учебных заведениях является проведение части учебы за рубежом. В идеале каждый студент должен проучиться хотя бы один семестр в вузе какой-либо другой страны. В настоящее время эта цель осуществляется примерно на 35 %, т. е. только каждый 3-й студент действительно частично учится за границей.

Как известно, в данное время казахстанская система образования по некоторым параметрам не может быть в нужном объеме генератором инновационной деятельности. Некоторые структуры образовательной системы недостаточно ориентированы на нужды практики, недостаточно развита техническая инфраструктура, широко распространена коррупция. Серьезной проблемой в этой сфере является недостаточный уровень (особенно по количеству) технического образования. Имеет место большой, постоянно возрастающий дефицит инженеров с современными навыками, а также кадров среднего технического звена. А ведь как раз инженеры являются основными носителями инновационных процессов, которые в основном обеспечивают конкурентоспособность.

В последнее время Казахстан проявил интерес к многолетнему опыту Германии в сфере использования систем двойной профессиональной подготовки кадров (одновременное теоретическое образование по профессии в профтехучилищах и практический тренинг на действующем предприятии).

Конечно, несмотря на все вышеперечисленные усилия по рациональному и повторному использованию материалов, германская экономика не может существовать без их импорта. Исходя из обострившейся международной стратегиче-

ской конкуренции за источники снабжения сырьем, в 2010 г. в Германии было создано специальное «Агентство по снабжению природными ресурсами» („Rohstoffagentur“) как полугосударственное учреждение. В список его задач в первую очередь входит координация инициатив частного сектора по обеспечению стратегически стабильного импорта необходимых сырьевых компонентов.

Немецкие ассоциации предпринимателей в диалоге с органами ЕС идентифицировали 14 видов редких металлов, которые для европейской экономики имеют особое стратегическое значение. Исходя из этого списка, немецкое правительство планирует заключение 7—8 межправительственных соглашений «О стратегическом партнерстве в сфере сырья, индустрии и технологий». Такое соглашение в 2011 г. было подписано между Монголией и Германией, а в 2012 г. — между Казахстаном и Германией. В фазе подготовки находится соглашение между ЮАР и Германией.

Содержанием этих соглашений является двустороннее движение, т. е. поставки полезных ископаемых компенсируются не только (как в случае с классическим экспортом) в финансовой форме, но и обменом знаниями и технологиями.

За практическую реализацию партнерства отвечают частные предприятия, государственные структуры только создают для этого оптимальные рамочные условия.

К принципам сотрудничества относятся следующие:

- участие германских фирм в освоении месторождения уже на ранней стадии как посредством инвестиций, так и предоставления технологического ноу-хау, инжиниринга;
- разделение риска инвестиционных проектов;
- обучение кадров в немецких учебных заведениях новым технологиям.

Литература

1. www.geologiazemli.ru/articles/135 и www.kazatomprom.kz/ru/news/2
2. Lenta.ru/news/2011/06/20/metals
3. Rosinvest.com/novosti/168808
4. www.heilbronn.ihk.de/ihkenergie/dachmarken.aspx.tabID=1046

***

Центральная Азия и стратегия энергетической безопасности Китая

Ли Син

За последние годы проблема энергетической безопасности постепенно становится краеугольной в социальноэкономическом развитии Китая. Центральная Азия — регион, богатый топливными ресурсами и географически близко расположенный к Китаю. При этом Центральная Азия уже стала центральным звеном в системе энергетической безопасности Китая.

1. Китайская дилемма энергетической безопасности

Согласно официальной статистике, объем расходов нефти в 2011 г. в Китае составил 450 млрд тонн, это второе место в мире после США. В 2003 г. на государственном заседании по экономической работе председатель КНР Ху Цзиньтао обозначил «финансы» и «нефть» как два ключевых момента в экономической безопасности Китая. Администрация США по энергетической информации прогнозировала, что в 2020 г. уровень зависимости Китая от импортных нефтяных ресурсов составит 62,8 %, в 2025 г. — 68,8 % [1].

При этом обстановка энергетической безопасности в Китае, безусловно, оказалась критической и характеризуется следующими особенностями.

Во-первых, это нехватка стратегических запасов нефти. По официальным данным, общий объем стратегических запасов нефти в Китае составляет лишь 14 млн тонн. Такой объем сможет обеспечивать расходы Китая в нефти на не более чем 20 дней.

Во-вторых, недостаток энергоносителей. В 2012 г. уровень зависимости Китая от импортной нефти уже достиг 57 % (в США — 53 %) [2], тем более что 58,8 % импортированной нефти Китая главным образом — с Ближнего Востока.

В-третьих, энергетическая транспортировка находится под угрозой. 80 % импортированной нефти доставляется в Китай морскими маршрутами. Следует отметить, что многие наши маршруты энергетической транспортировки находятся под постоянной угрозой пиратства в Арабском море и пограничных споров с соседними странами в Южно-Китайском море.

В-четвертых, цена на нефть далеко не рациональна. Из-за высокого уровня зависимости нефти от внешних источников нерационально высокая цена на нефть, безусловно, будет вызывать повышение цен на другие энергетические и промышленные продукты, стимулировать инфляцию на рынке.

В-пятых, отсутствие многостороннего энергетического диалога. Китай не вошел в группу таких стран-энергопотребителей, как МЭА, но Китай относится к организации стран-энергопроизводителей, как ОПЕК. В связи с этим, и в ходе многостороннего энергетического диалога, и в процессе определения цен на энергоносители интересы Китая обычно учитывают с большим трудом.

2. Энергетическая стратегия Китая в отношении стран Центральной Азии

Одним из немаловажных факторов внешней политики Китая является энергетическое сотрудничество со странами Центральной Азии. С этой точки зрения энергетическая стратегия Китая характеризуется следующими моментами.

Во-первых, необходимо диверсифицировать источники импортированных нефти и газа. Стало заметно, что и Китай, и страны Центральной Азии однозначно проводят диверсифицированную энергетическую политику. Однако разница заключается в том, что Китай проводит импорто-диверсифицированную энергетическую стратегию, а страны Центральной Азии ведут экспорто-диверсифицированное взаимодействие в сфере энергетики. По этой логике Китай и страны Центральной Азии обладают относительно высокой степенью взаимодополняемости. В целях снижения уровня энергетической зависимости от Ближнего Востока и Северной Африки и обеспечения энергобезопасности Китаю необходимо продвигать диверсификацию энергоисточников. В силу этого построение со странами Центральной Азии прямых нефтегазопроводов без транзитных точек, соединение рынков потребления и производителя позволяют Китаю повышать эффективность и снижать риски в энергетической транспортировке.

Во-вторых, необходимо активизировать стратегию «Выход». Стратегия «Выход» прежде всего подразумевает активное участие Китая в международном сотрудничестве через международные многосторонние и многоуровневые энергетические диалоги, общая цель которых — способствовать непрерывному совершенствованию глобальной системы энергетической безопасности. Ху Цзиньтао подчеркнул: «Чтобы осуществить глобальную энергетическую безопасность, необходимо интенсифицировать диалоги и сотрудничество между странами — экспортерами и странами — потребителями энергоресурсов, а также между крупными странами — потребителями энергоносителей».

В-третьих, надо усовершенствовать дву- и многосторонний энергетический диалог. Хочу подчеркнуть, что Китай и страны Центральной Азии являются странами — членами

ШОС, которая предоставляет странам-участникам ценную площадку для проведения энергетического диалога на двухстороннем и многостороннем уровнях.

Согласно теоретическим принципам неофункционализма можно сказать, что сотрудничество в энергетической сфере в состоянии стимулировать развитие сотрудничества в других сферах. Такое явление известно под названием «эффект spill over». На государственном уровне в целях развития энергетического сотрудничества государства рассчитывают на расширение обмена новыми технологиями, специалистами, и даже на создание режима политико-энергетических диалогов на высшем уровне, содействующих socioэкономическому процветанию и в Китае, и в Центральной Азии. На региональном уровне энергетическое сотрудничество Китая и стран Центральной Азии служит одной из движущих сил в целях образования системы энергетической безопасности в евразийском пространстве, и оно является крайне важным стимулом для интегрирования евразийского энергетического рынка. Одним словом, исходящей точкой в энергетическом диалоге Китая со странами Центральной Азии является принцип взаимовыгодности, на который опирается внешнеполитическая стратегия Китая.

3. Взаимодействие между Китаем и Центральной Азией в сфере энергетики: достижения и проблемы

В течение 20 лет активизация энергетического сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии привела к значительным успехам, таким, как проект нефтепровода Казахстан — Китай (НКК), проект «Трансазиатский газопровод» (ТАГ), проект «Аральское море» (Китай, Узбекистан, Россия и т. д.) и др. Не буду буду углубляться в достижения,

но хотел бы упомянуть некоторые возможные факторы, препятствующие углублению энергетического взаимодействия между Китаем и странами Центральной Азии.

Во-первых, энергоресурсы в Центральной Азии всегда являются неотъемлемым содержанием в борьбе между державами за сферу влияния. В 2011 г. администрация Б. Обамы представила проект «Нового Шелкового пути», цель которого состоит в том, чтобы соединить два региона — Центральную Азию и Южную Азию под своей эгидой и укрепить позиции США в «хартленде» евразийского пространства. Одновременно президент России В. Путин также выдвинул свой проект под названием «Евразийский союз», чтобы сохранить традиционное преимущество в регионе России. В обоих проектах энергетическая тематика занимает центральное место. Кроме США и России, Япония, Индия и другие крупные страны также с активностью принимают участие в борьбе за энергоресурсы в регионе. Стало очевидно, что в освоении энергоресурсов в Центральной Азии Китай лицом к лицу стоит перед жестким соперничеством с другими игроками.

Во-вторых, после распада СССР страны Центральной Азии длительное время находятся под влиянием серьезных угроз и вызовов безопасности региона (экстремизм, сепаратизм, терроризм), которые могут нанести ущерб энергетическим инфраструктурам и препятствовать производству и транспортировке нефти и газа.

В-третьих, в странах Центральной Азии сложился не соответствующий действительности имидж Китая. Без сомнения, равнодушное общественно-психологическое настроение будет оказывать относительно пассивное влияние на углубление стратегического взаимодоверия и повышение качества энергетического сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии в будущем.

4. Как продвигать энергетическое сотрудничество Китая и стран Центральной Азии в обозримой перспективе

Во-первых, продвигать энергетическое сотрудничество необходимо на региональном уровне. ШОС — единственная региональная организация, которая включает в себя и Китай, и страны Центральной Азии. На сегодняшний день страны — члены ШОС находятся на чрезвычайно важной стадии экономической трансформации и структурного реформирования. При этом их общей стратегической целью является всестороннее процветание, для которого в рамках ШОС страны-участники должны максимально реализовать свои интересы путем многостороннего экономического взаимодействия и следования принципу взаимовыгодности [3]. В этом плане Китаю необходимо настаивать на концепции «всестороннего процветания под содействием экономического сотрудничества», активизировать энергетический диалог и совместно с центральноазиатскими странами обеспечивать региональную энергетическую безопасность.

Во-вторых, сотрудничество в энергетической сфере необходимо поддерживать и на государственном уровне. В отличие от традиционных отношений между державами и малыми странами, которые опираются на дополнительные условия и требования, сотрудничество Китая и стран Центральной Азии относится к новой модели, основанной на добровольности, равноправности и взаимовыгодности. Из опыта исторических и современных реалий Китай уважает и поддерживает неизменное влияние России в политических, экономических и культурных контекстах и ее особые интересы в регионе Центральной Азии. В этой связи Китай намерен учитывать жизненно важные интересы России в регионе.

В-третьих, на общественном уровне. Налаживая энергетическое сотрудничество с центральноазиатскими странами

ми, Китай должен принимать во внимание строительство инфраструктуры, реально улучшать условия жизни населения и продвигать идею о «гармоничной Центральной Азии». К примеру, в рамках проекта СNPC в Туркменистане китайская сторона создала 15 тыс. рабочих мест и подготовила свыше 60 тыс. кадров для местного муниципального района [4].

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что зависимость Китая от импортных энергоресурсов составляет 57 %. Однако единственная сегодня в мире супердержава — США контролирует почти 70 % нефтересурсов от общих глобальных запасов. Стратегия о возвращении к Азии, выдвинутая США в последнее время, ухудшает атмосферу энергетической безопасности Китая в восточном направлении и увеличивает риски по энерготранспортировке из Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки и Австралии. При этом диверсификация энергоисточников является разумным стратегическим выбором Китая, поэтому для него сейчас столь важен евразийский континент. В китайской энергетической повестке дня Центральная Азия играет не вспомогательную роль, а служит объектом стратегического значения. В этой связи Китай готов совместно с центральноазиатскими партнерами и Россией развивать и стимулировать деятельность ШОС и создание гармоничной процветающей Центральной Азии.

Литература

1. 陈柳钦, 《新世纪中国能源安全面临的挑战及其战略应付》, 《决策咨询通讯》, 2011. — №3
2. 中国能源政策白皮书 (2012)
3. 孙壮志, 上合组织将有更强动力, 人民日报海外版, 2012年6月7日
4. http://www.cnpc.com.cn/News/zzxw/xwzx/gcdt/201209/20120924_C221.shtml

Интеграционные процессы в валютно-финансовой сфере: возможности и угрозы

Додонов В.Ю.

Активизация интеграционных процессов России, Казахстана и Беларуси, начавшихся с Таможенного союза, продолжающихся в качестве Единого экономического пространства и планирующихся как Евразийский экономический союз, включает поэтапное развитие экономической интеграции в различных сферах, в том числе и в сфере валютных и финансовых отношений трех стран. Валютно-финансовая область интеграции является одной из ключевых в процессе выстраивания архитектуры межгосударственного интеграционного объединения и в то же время наиболее важной в плане влияния на экономический и даже политический суверенитет стран-участников. В связи с этим процессы интеграции в финансовой сфере должны прорабатываться с особенной тщательностью, а принимаемые решения — отличаться особой взвешенностью. Рассмотрим более подробно возможные направления интеграции в данной сфере, основными из которых, по нашему мнению, могут быть следующие:

- интеграция в валютной сфере;
- формирование общих инвестиционных инструментов;
- интеграция финансовых рынков.

Интеграция в валютной сфере, как правило, отождествляется с единственно возможной формой — переходом стран ЕЭП на единую валюту и является одной из наиболее острых и дискуссионных тем, поэтому данное направление потенциальной интеграции необходимо рассмотреть детально. К настоящему времени о целесообразности такой формы интеграции делались заявления на разном уровне, начиная с предложения Н.А. Назарбаева о наднациональной валюте

«алтын», выдвинутого в 2003 г. В последнее время дискуссии на эту тему оживились по мере активизации интеграционных усилий в рамках ТС и ЕЭП. Так, в июне 2012 г. о том, что странам Таможенного союза нужна единая валюта, заявил российский премьер-министр Д. Медведев на бизнес-форуме в Санкт-Петербурге: «Вопросы о расчетных единицах, выход на единую валюту — это не предмет озабоченности сегодняшнего дня, но думать об этом надо», — сказал он [1]. Белорусские официальные лица также высказывались в пользу введения единой валюты. Так, премьер-министр Беларуси М. Мясникович, отвечая на вопросы участников международного инвестиционного форума «Ялтинские деловые встречи», заявил, что Беларусь поддерживает идею движения к единой валюте.

В то же время представители финансового сектора стран ТС, в том числе центральных банков, относятся к этому интеграционному направлению гораздо сдержаннее. Так, заместитель Председателя Банка России С. Швецов заявил, что вопрос о введении в странах Таможенного союза единой валюты в ближайшие несколько лет рассматриваться не будет, и отметил, что «единая валюта является некоторым пиком интеграционных процессов, а не их фундаментом» [2]. Представители Национального банка Казахстана, не отвергая данную идею в принципе, также неоднократно высказывались относительно длительности ее подготовки и необходимости весомых предпосылок. Не спешат с поддержкой введения единой валюты даже в Евразийской экономической комиссии. Так, в июне 2012 г. министр по основным направлениям интеграции и макроэкономике ЕЭК Т. Валова заявила, что решение вопроса о введении в будущем Евразийском экономическом союзе единой валюты может быть принято только после завершения процесса экономической интеграции и согласования денежно-кредитной политики стран-участников,

т. е. в весьма отдаленной перспективе. «Единая валюта — это верхушка процесса валютной интеграции. Процесс валютной интеграции начинается с согласования денежно-кредитной и иной финансовой политики. И вот это является задачей уже сегодняшнего дня», — сказала Т. Валовая на пресс-конференции в «РИА Новости» [3].

На наш взгляд, сдержанность профильных специалистов в вопросе о введении единой валюты вполне оправдана, так как данная инициатива может обернуться обратным эффектом для евразийской интеграции. Дело в том, что единая валюта предполагает наличие единого эмиссионного центра, т. е. общего центрального банка, осуществляющего единую денежно-кредитную политику — такая система существует в ЕС, где есть общий Европейский центральный банк. Однако еще более важно наличие единого Министерства финансов, проводящего единую бюджетную и налоговую политику, а также выпускающего единые для общего валютного пространства долговые ценные бумаги. Такой системы нет даже в ЕС, и попытки централизовать бюджетные и банковские процессы, которые сейчас там предпринимаются, идут с очень большим трудом. Без такой системы интеграционное объединение обречено на разную в проведении макроэкономической и бюджетной политики, потому что в разных странах практикуются разные подходы к бюджетным расходам, в результате чего в некоторых из этих стран бюджетные расходы превышают возможности их экономик. Это ведет к резкому росту долгов и бюджетных дефицитов, которые в условиях валютного союза быстро выходят за границы проблемных стран и становятся общими проблемами. Чтобы такого не происходило, есть только один способ — общее Министерство финансов и общий бюджет. Но общий бюджет означает фактическую централизацию всех денежных потоков, т. е. отказ стран — членов валютного союза

от проведения самостоятельной налоговой политики (какие ставки по каким налогам устанавливать) и, что еще важнее, бюджетной политики (сколько собранных денег куда расходовать), т. е. фактическую утрату финансового суверенитета, контроля над сбором и расходованием своих средств, на что ни одна страна ЕЭП в обозримом будущем не пойдет. А попытки создать единую валюту без централизованной налогово-бюджетной политики и единого Министерства финансов бессмысленны и не дадут эффекта.

Введение единой валюты без единого бюджета неизбежно приведет к дисбалансам между отдельными странами гипотетического валютного союза. Сейчас мы наблюдаем такие дисбалансы в еврозоне, но можно вспомнить и наш собственный опыт — разрушение рублевой зоны в начале 90-х: при еще существовавшем едином эмиссионном центре уже были самостоятельные бюджеты в бывших республиках СССР, и каждая из них пыталась наращивать свои расходы без оглядки на соседей и на центр, печатавший деньги. В результате возникли гиперинфляция, распад хозяйственных связей, кризис неплатежей и прочие негативные последствия. Эти два примера — единая рублевая зона для фактически независимых государств начала 90-х и сегодняшняя еврозона также с единой валютой, но без единой для всех бюджетной политики — показывают, к чему может привести поспешное введение единой валюты в рамках ЕЭП. Поэтому, по нашему мнению, введение единой валюты категорически нецелесообразно ни в какой форме интеграционного объединения и ни в какие сроки — ни через 5, ни через 10, ни через 20—30 лет. Одна валюта может быть только в одном государстве.

Однако нецелесообразность введения единой валюты как общего платежного средства не означает бесперспективности других форм валютной интеграции, которые также могут быть достаточно многообразными. Среди таких форм можно

упомянуть и переход на межгосударственные расчеты в какой-либо из валют стран ЕЭП, и использование валют стран-участников другими членами ЕЭП в качестве резервных активов. Но, на наш взгляд, существуют также и перспективы для создания общей наднациональной валюты, выполняющей отдельные функции, но не замещающей национальные валюты стран-участников — некоего аналога ЭКЮ или СДР МВФ. Основной функцией такой валюты может быть деноминация в ней общих для нескольких стран в рамках ЕЭП инвестиционных инструментов, выпускаемых под общие же крупномасштабные совместные проекты. В перспективе такие финансовые инструменты, деноминированные в наднациональной валюте, могут стать резервным активом, который будет постепенно замещать в портфелях центральных банков и суверенных фондов стран ЕЭП государственные облигации развитых стран, которые с каждым годом становятся все менее надежными в качестве резервов.

Формирование общих в рамках ЕЭП/ЕЭС инвестиционных инструментов является, на наш взгляд, весьма актуальным и перспективным направлением финансовой интеграции, что обусловливается рядом предпосылок, в том числе таких, как:

- необходимость диверсификации рисков вложения средств из национальных резервов, которые в настоящее время практически полностью состоят из долговых обязательств развитых стран с крайне низким уровнем обеспеченности реальными активами;

- возможность решения крупномасштабных задач развития экономики и инфраструктуры транснационального характера, для чего требуются значительные ресурсы долгосрочного характера и относительно низкой стоимости;

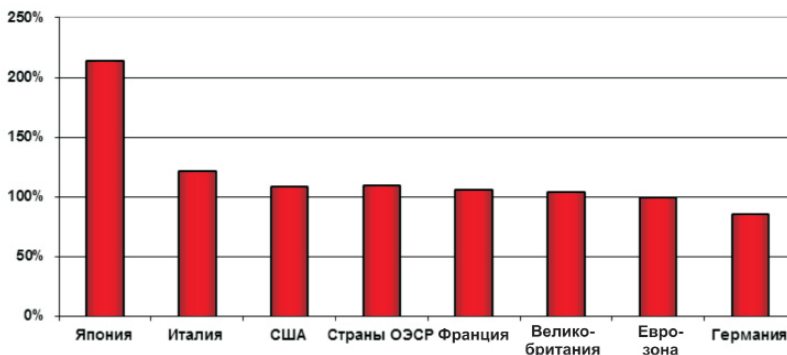
- повышение влияния экономики ЕЭП/ЕЭС на мировой арене посредством вступления в клуб эмитентов резервных

валют и инвестиционных активов, востребованных широким кругом международных инвесторов, и укрепление на этой основе стран-участников в качестве растущего центра мировой экономической силы.

Низкая обеспеченность долговых обязательств развитых стран ставит под вопрос сохранность резервов стран ЕЭП, хранящихся в данных обязательствах. На наш взгляд, тенденции эволюции долговой проблемы, которые наблюдаются в последние годы в таких странах, как Исландия, Ирландия, Греция, Италия, свидетельствуют о высокой опасности продолжения так называемых «выборочных дефолтов» по государственным ценным бумагам и крупнейшим развитым стран, долги которых в последние годы растут очень быстро и вышли далеко за пределы безопасных значений (рис. 1). Иными словами, весьма велика вероятность списания большей части долгов не только проблемных и небольших, но и крупнейших стран ЕС, а также США, поскольку перед лицом выбора между сохранением внутренней стабильности и выполнением обязательств перед внешними кредиторами политики данных стран неизбежно предпочтут интересы своих избирателей, что будет означать реструктуризацию большей части внешнего долга, тем более что основными держателями этого долга являются крупные развивающиеся страны, становящиеся все более серьезными конкурентами для традиционных полюсов силы. Это значит, что в перспективе 5—10 лет страны ЕЭП могут столкнуться с резким уменьшением накопленных за последние годы валютных резервов.

Вторым фактором, обуславливающим необходимость создания собственных резервных активов и отказа от существующих, является необходимость развития на имеющиеся резервные ресурсы своих экономик вместо финансирования проектов США и ЕС, зачастую направленных против стран СНГ. Также можно обратить внимание на то, что, вкладывая

средства государственных резервов в зарубежные активы, страны СНГ подвергаются риску «заморозки» этих активов странами-эмитентами в случае политических осложнений (примерами чего является предвоенное замораживание счетов Ливии, Ирака, Ирана и других стран), что нецелесообразно из соображений обеспечения экономической безопасности.

Рис. 1. Соотношение государственного долга и ВВП в ведущих экономиках мира в 2012 г., по прогнозам ОЭСР [4]

При этом в самих странах СНГ/ЕЭП остаются нерешенными многие проблемы, на которые можно было направить резервы в случае создания адекватного инструментария их финансирования. Крупномасштабные инфраструктурные проекты, повышение обороноспособности, развитие научных учреждений, проекты по развитию человеческого капитала в здравоохранении, образовании и других отраслях, которые в настоящее время не реализуются из-за дефицита финансовых ресурсов, могли бы финансироваться посредством эмиссии новых инвестиционных инструментов, в которые бы направлялись резервы центральных банков стран ЕЭП. Кстати, такого рода вложения не противоречат имеющейся

практике, так как и в настоящее время в портфелях резервов Банка России и Национального банка Казахстана имеются облигации, выпущенные национальными эмитентами, поэтому речь в данном случае идет не о революционно новом подходе, а о расширении существующей практики. Что же касается развитых стран, то для них размещение активов центральных банков и государственных средств в собственных государственных облигациях является нормой и имеет гораздо более широкий характер (таблица 1).

Табл. 1. Объемы государственных долговых обязательств у национальных государственных структур США, Японии и Великобритании, в % от общего объема государственного долга*

	Федеральное правительство и агентства	Федеральные резервные банки	Всего государственные организации
США	31,4	11,3	42,7
	Государственные институты и фонды	Банк Японии	Всего государственные организации
Япония	15	8	23
		Банк Англии	Всего государственные организации
Великобритания		21	21

Наконец, важным фактором для формирования собственных резервных активов является потенциал усиления интеграции стран ЕЭП на этой основе. Укреплению интеграцион-

* Рассчитано по данным из следующих источников: The White House. Office of management and budget. Historical tables. Table 7.1—FEDERAL DEBT AT THE END OF YEAR: 1940—2016.; Stuart Staines. The Current Japanese Debt Situation and What We Can Learn From It. March 9, 2011. <http://seekingalpha.com/article/257182-the-current-japanese-debt-situation-and-what-we-can-learn-from-it>; Tejvan Pettinger. Who Does the UK Owe Money to? <http://www.economicshelp.org/blog/4098/economics/who-does-the-uk-owe-money-to/>

ного взаимодействия будет способствовать многосторонний характер проектов, финансируемых за счет эмиссии предлагаемых облигаций, что позволит повысить интерес стран к сотрудничеству в рамках данного проекта. С другой стороны, необходимость обеспечения высокой надежности международных облигаций с тем, чтобы они соответствовали статусу резервного актива, означает, что потребуются также и высокая надежность эмитентов. Поскольку основой, гарантом или «кредитором последней инстанции» для таких инструментов в конечном итоге будут страны — участники проекта, то они должны будут на согласованной основе придерживаться высоких стандартов финансовой дисциплины. Это значит, что все страны, участвующие в проекте, будут придерживаться рамок здорового состояния государственных финансов и исключат тем самым возникновение проблем, аналогичных тем, которые в настоящее время испытывают страны ЕС, не выполняющие положения Пакта о стабильности. В свою очередь, согласованное выполнение странами ЕЭП норм финансовой дисциплины, обусловленное проектом нового мирового резервного актива, будет означать и стандартизацию всех экономических систем и процессов, что позволит более эффективно проводить экономическую интеграцию и в других сферах.

Ключевым вопросом в процессе создания нового класса резервных активов, эмитируемых в рамках ЕЭП, является проблема формирования адекватного механизма эмиссии. В данном случае возникает ряд серьезных проблем, без решения которых такие инструменты невозможны. К основным проблемам организации выпуска новых облигаций для стран ЕЭП облигаций, способных стать новым классом международных резервных активов, можно отнести следующие: проблема эмиссионного центра — органа, выпускающего данные облигации; проблема распределения средств от выпуска об-

лигаций между странами-участниками; проблема валюты деноминирования данных финансовых инструментов.

На наш взгляд, решение данных проблем возможно в рамках механизма, предполагающего организацию специализированной межгосударственной организации в ЕЭП, которая эмитировала бы облигации. По нашему мнению, можно предложить создание в рамках ЕЭП Евразийского фонда развития (ЕФР — условное название), который занимался бы реализацией длительных многосторонних проектов стратегического характера, требующих больших объемов финансирования (масштабные инфраструктурные проекты, реализация фундаментальных научных исследований, создание крупных медицинских, образовательных центров и т. п.). Этот фонд может быть создан странами — участниками ЕЭП по аналогии с Евразийским банком развития или Евразийским антикризисным фондом* и может стать эмитентом долгосрочных облигаций, средства от реализации которых будут направляться на совместные проекты, работающие на все страны — члены ЕЭП. Тот факт, что данный фонд будет межгосударственной структурой, за которой стоят страны с крепкими и здоровыми финансовыми системами, позволит обеспечить надлежащую репутацию и надежность эмитируемых облигаций в глазах инвесторов, и через некоторое время данные инструменты станут достаточно привлекательными для того, чтобы войти в резервы многих стран мира, а также корпоративных институциональных инвесторов.

Проблема справедливого распределения бенефиций от участия в Евразийском фонде развития и эмиссии его облигаций может решаться на основе двух типов участия — долей участия в проектах, реализуемых на средства фонда, и участия в распределении выручки от продажи ценных бу-

---

* Также в качестве примера можно привести Европейский фонд финансовой стабильности — EFSF.

маг. В том случае, если проект финансируется только странами-членами посредством вложения в него своих резервов, каждый из участников получает в проекте долю, пропорциональную вкладу. Если же к финансированию привлекаются третьи страны (облигации продаются широкому кругу участников), то страны — учредители фонда получают возможность участвовать в распределении будущих доходов в соответствии с долями в его уставном капитале. Возможны, впрочем, и другие варианты, особенно в тех случаях, когда облигации выпускаются под некоммерческие проекты — распределение подрядных работ, поставки товаров и услуг для проекта и из стран в соответствии с их долями участия в уставном капитале фонда.

Таким образом, введение в рамках ЕЭП нового вида финансовых инструментов — облигаций, эмитируемых межгосударственной организацией, — позволит решить ряд весьма актуальных проблем экономического развития — от обеспечения сохранности государственных резервов и аккумуляции крупномасштабных финансовых ресурсов в целях долгосрочного развития до формирования на основе данных инструментов нового полюса экономической силы, подкрепленного эмиссионным центром мировых резервных активов. Последний аспект позволит, по нашему мнению, существенно повысить конкурентоспособность объединенной экономики ЕЭП/СНГ в мировом балансе полюсов экономической силы, так как обеспечит ей недостающий в настоящее время фундамент в лице мировой резервной валюты, которая, в свою очередь, станет мощным фактором привлечения иностранных инвестиционных и иных потоков в страны ЕЭП.

Третьим важным направлением интеграции в финансовой сфере может стать углубление взаимосвязей между национальными финансовыми рынками трех стран. Можно отметить, что некоторые предпосылки для укрепления интеграции

в этой области существуют. Так, фондовые биржи России, Казахстана и Беларуси являются членами Международной ассоциации бирж стран СНГ (от Беларуси — БВФБ, БУТБ, от Казахстана — KASE и Центральный депозитарий, от России — РТС-ММВБ, СВМБ, СПВБ, СМВБ). Также достаточно обширна договорно-правовая база как ЕЭП, так и ЕврАзЭС — наиболее значимыми документами, призванными содействовать интеграции финансовых рынков, можно назвать Соглашение о сотрудничестве государств — членов Евразийского экономического сообщества на рынке ценных бумаг от 18 июня 2004 г., Соглашение о создании условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала. Еще до начала формирования нормативной базы ЕЭП в рамках ЕврАзЭС уже насчитывалось около двух десятков документов в области сотрудничества на финансовых рынках (таблица 2).

Табл. 2. Общий перечень документов, принятых в рамках Соглашения о сотрудничестве государств — членов ЕврАзЭС на рынках ценных бумаг (от 25 мая 2011 г.) [5]

	Наименование документа	Решение
1	Положение о Совете руководителей уполномоченных органов по регулированию рынков ценных бумаг при Интеграционном Комитете ЕврАзЭС	Утверждено Решением ИК ЕврАзЭС от 26 февраля 2009 г. № 997
2	Регламент работы Совета руководителей уполномоченных органов по регулированию рынков ценных бумаг при Интеграционном Комитете ЕврАзЭС	Утвержден Решением Совета от 28 марта 2003 г. № 2
3	Соглашение о сотрудничестве государств — членов Евразийского экономического сообщества на рынке ценных бумаг	Принято Решением Межгоссовета ЕврАзЭС (на уровне глав государств) от 18 июня 2004 г. № 174. Соглашение вступило в силу в марте 2005 г.

Продолжение

4	Соглашение об обмене информацией между уполномоченными органами по регулированию рынков ценных бумаг государств — членов ЕврАзЭС	Принято Решением Совета от 5 сентября 2003 г. № 9 и подписано 23 декабря 2003 г. уполномоченными органами по регулированию рынков ценных бумаг
5	Рекомендации по гармонизации законодательства, регулирующего корпоративное поведение в государствах — членах ЕврАзЭС	Одобрены Решением ИК ЕврАзЭС от 4 февраля 2005 г. № 434
6	Рекомендации по обеспечению взаимодействия организаций, осуществляющих учет прав на ценные бумаги в государствах — членах ЕврАзЭС	Приняты Решением Совета от 28 октября 2004 г. № 26, актуализированы Решением Совета от 25 мая 2011 г. № 175
7	Рекомендации по гармонизации законодательства государств — членов ЕврАзЭС, регулирующего раскрытие информации о деятельности эмитентов ценных бумаг (акций)	Приняты Решением Совета от 25 мая 2005 г. № 59
8	Рекомендации по гармонизации законодательств государств — членов ЕврАзЭС, регулирующего брокерско-дилерскую деятельность и деятельность по учету прав на ценные бумаги	Приняты Решением Совета от 23—24 мая 2008 г. № 89
9	Рекомендации по гармонизации законодательств государств — членов ЕврАзЭС, регулирующих вопросы осуществления контроля и надзора на рынках ценных бумаг	Одобрены Решением Совета от 23—24 мая 2008 г. № 91 и приняты Решением ИК ЕврАзЭС от 26 ноября 2008 г. № 968

Продолжение

10	Рекомендации по гармонизации законодательств государств — членов ЕврАзЭС в части обеспечения равных условий доступа ценных бумаг эмитентов государств — членов ЕврАзЭС на национальные рынки ценных бумаг государств — членов ЕврАзЭС	Приняты Решением Совета от 7 ноября 2008 г. № 104
11	Модельный кодекс корпоративного управления для эмитентов ценных бумаг государств — членов ЕврАзЭС, включающий раздел об унификации порядка эмиссии ценных бумаг	Принят Решением Совета от 7 ноября 2008 г. № 105
12	Аннотации к Модельному кодексу корпоративного управления для эмитентов ценных бумаг государств — членов ЕврАзЭС	Одобрены Решением Совета от 7 ноября 2008 г. № 106
13	Рекомендации по гармонизации законодательств, регулирующих лицензионные требования к профессиональным участникам рынков ценных бумаг государств — членов ЕврАзЭС	Приняты Решением Совета от 21 мая 2009 г. № 122
14	Рекомендации по гармонизации законодательства государств — членов ЕврАзЭС в части предоставления равных условий доступа профессиональных участников рынка ценных бумаг государств — членов ЕврАзЭС на национальные рынки ценных бумаг государств — членов ЕврАзЭС	Приняты Решением Совета от 12 ноября 2009 г. № 138
15	Рекомендации по гармонизации законодательства государств — членов ЕврАзЭС, устанавливающего ответственность за правонарушения на рынке ценных бумаг	Приняты Решением Совета от 12 ноября 2009 г. № 140
16	Рекомендации по гармонизации законодательства государств — членов ЕврАзЭС по номинальному держанию ценных бумаг	Приняты Решением Совета от 22 октября 2010 г. № 155
17	Рекомендаций по гармонизации законодательства государств — членов ЕврАзЭС, регулирующего функционирование расчетной (включая клиринговую и неттинговую) системы на рынке ценных бумаг	Приняты Решением Совета от 25 мая 2011 г. № 177

Продолжение

18	Рекомендации по гармонизации законодательства государств — членов ЕврАзЭС, устанавливающих ответственность руководителей и должностных лиц за совершение действий или бездействие, в результате которых был нанесен ущерб акционерному обществу	Приняты Решением Совета от 25 мая 2011 г. № 174
----	---	---

Несмотря на столь обширную нормативную базу, призванную сблизить регулятивное поле и обеспечить интеграцию финансовых рынков стран ЕЭП, до настоящего времени эта задача остается нерешенной. Национальные законодательства по-прежнему препятствуют взаимному проникновению участников рынков, эмитентов и инвесторов на сопредельные фондовые рынки. Так, по данным исследования, проведенного ЕАБР, результаты которого были опубликованы в середине 2010 г., существуют «законодательные ограничения в обеих странах, касающиеся взаимного допуска профессиональных участников и организации эмиссии и вывода ценных бумаг на фондовые рынки Казахстана и России» [6]. Эти ограничения тем более неуместны в рамках ЕЭП (особенно с учетом обширной нормативной базы по интеграции рынков), когда имеется достаточно заметный взаимный интерес по работе на рынках стран-партнеров. Так, согласно исследованию ЕАБР, 29 % респондентов РК владеют ценными бумагами российских эмитентов, но при этом эти бумаги приобретаются не на российском рынке, а на международных биржах в виде GDR и ADR, что также свидетельствует о наличии существенных препятствий по выходу на рынок стран-партнеров по ЕЭП по сравнению с участием на рынках третьих стран, с которыми нет никаких интеграционных объединений. Также достаточно велик и интерес российских участников рынка к казахстанским финансовым инструментам (рис. 2).

Очевидно, что при дальнейшей эволюции ЕЭП необходимо обеспечивать в данном объединении наряду с общим рынком товаров и рынком услуг также и функционирование общего рынка ценных бумаг, что предполагает (так же, как и в предыдущих случаях) равный доступ к участию в рыночных процессах на всей территории ЕЭП/ЕЭС участников, эмитентов и инвесторов из всех стран. На данный момент существующие препятствия делают такой свободный доступ практически невозможным. Для формирования общего рынка ценных бумаг необходимо принятие следующих мер:

- обеспечение свободного выпуска и обращения на рынках стран — членов ЕЭП ценных бумаг эмитентов из этих стран;

- обеспечение свободного допуска профессиональных участников к торгам на фондовых биржах всех стран ЕЭП;

- стандартизация листинговых требований фондовых бирж России, Казахстана и Беларуси;

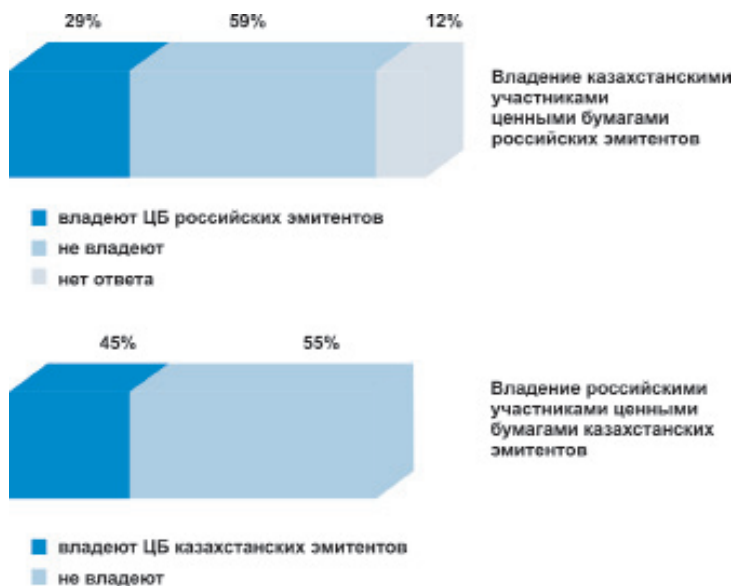
- интеграция кастодиальных систем и регистраторов для снятия ограничений по торговле инвесторов из стран ЕЭП/ЕЭС на рынках данных стран;

- гармонизация налогообложения инвесторов-нерезидентов из стран ЕЭП/ЕЭС с последующим приданием им статуса резидентов;

- упрощение процедур налогообложения и создание единого режима исчисления и уплаты налогов по операциям с ценными бумагами;

- техническая интеграция торговых систем стран ЕЭП/ЕЭС с целью обеспечения свободного доступа инвесторов на все биржевые площадки с единого брокерского счета.

Указанные меры позволят, на наш взгляд, обеспечить формирование в рамках будущего ЕЭС общего рынка ценных бумаг, что станет завершающим этапом в создании реально

Рис. 2. Владение казахстанскими и российскими участниками фондового рынка ценными бумагами России и Казахстана [7]

функционирующего общего экономического пространства и обеспечит возможность свободного перемещения капиталов, а также послужит дальнейшему углублению интеграции во всех сферах экономики на этой основе.

Литература

1. Странам Таможенного союза нужна единая валюта // <http://www.gazeta.ru/financial/2012/06/15/4628233.shtml>
2. Тенгри-news // <http://tengrinews.kz/markets/tamojennyiy-soyuz-ne-pereydet-na-edinuyu-valyutu-v-blijayshie-godyi--201768/>
3. Введение единой валюты в Евразийском союзе будет зависеть от успеха финансовой интеграции. Новости-Казахстан // <http://www.newskaz.ru/economy/20120618/3350308.html>

4. Government debt. government gross financial liabilities as a percentage of GDP. Economics: Key Tables from OECD // http://www.oecd-ilibrary.org/economics/government-debt_gov-debt-table-en

5. Общий перечень документов, принятых в рамках Соглашения о сотрудничестве государств — членов ЕврАзЭС на рынках ценных бумаг (на 25 мая 2011 г.). Документы ЕврАзЭС // <http://www.evrazes.com/docs/view/510>

6. Перспективы интеграции фондовых рынков России и Казахстана. Отраслевой обзор №10. Евразийский банк развития. — Алматы, 2010. — С. 56.

7. Там же. С. 9.

***

СЕКЦИЯ III

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРАЗИЯ И МЕНЯЮЩЕЕСЯ ПОЛЕ ВНЕШНИХ АКТОРОВ

Евразийское пространство и китайский фактор

Сыроежкин К.Л.

Появление в газете «Известия» в октябре 2011 г. статьи В. Путина о перспективах создания Евразийского союза оживило китайское экспертное сообщество. Специалисты по России и Центральной Азии начали задаваться закономерными вопросами: что будет представлять из себя Евразийский союз прежде всего как геополитическое пространство; насколько реальна реализация этой идеи в современных политических условиях СНГ; как интеграционные процессы между Россией, Беларусью и Казахстаном скажутся на их взаимоотношениях с Китаем; не повлияет ли создание Таможенного союза, Единого экономического пространства, а в перспективе и Евразийского экономического союза на процесс экономического освоения этого пространства Китаем; наконец, не ослабнет ли привлекательность ШОС в связи с появлением ЕЭС и Евразийского союза?

Первые отклики были достаточно пессимистичны. Создание Евразийского союза рассматривалось как «серьезный вызов Китаю, сопоставимый с вызовом времен бывшего СССР». Как подчеркивал один из авторов, «в настоящее время Китай через ШОС повысил уровень своего влияния, и если идея Путина будет реализована, то ШОС неизбежно ослабнет и даже может исчезнуть. Это не отвечает стратегическим интересам Китая по контролю и стабилизации Азии» [1].

Хотя китайские эксперты в большинстве своем понимали, что создание интеграционных объединений на постсоветском пространстве — дело непростое, и «России нужно быть готовой заплатить цену за повышение своего влияния, поскольку сейчас ни одна из стран СНГ не захочет безвозмездно интегрироваться или объединяться с Россией» [2], тем не менее Евразийский союз рассматривался как исключительно геополитический проект, направленный на реанимацию бывшего СССР в целях экономического и политического сдерживания и противодействия Китаю и внерегиональным державам [3].

Как подчеркивал один из ведущих китайских экспертов по России и Центральной Азии Ли Син, основной целью Евразийского союза «является укрепление российского влияния и экономического присутствия на постсоветском пространстве и объединение всей территории бывшего Советского Союза, чтобы противостоять проникновению внешних сил, а также попытка превратить ШОС в модель “постсоветский блок + Китай”, таким образом, чтобы плодотворное экономическое сотрудничество отдельных стран ЦА с КНР повысить до сотрудничества с постсоветским блоком. С одной стороны, это может остановить приток дешевых китайских товаров в Центральную Азию, чтобы ограничить влияние и экономическую мощь Китая в регионе ЦА, с другой стороны, также с помощью экономических рычагов присоединить в сферу своего влияния другие бывшие советские центральноазиатские страны» [4].

Пожалуй, единственным, кто увидел в создании Евразийского союза несомненные плюсы для Китая, был профессор АОН КНР Фэн Шаолэй, по мнению которого «новое объединение может привести к усилению геополитического соперничества между международными организациями в регионе. А это, в свою очередь, положительно скажется на

общей обстановке в Евразии, сохраняя тем самым баланс сил между многосторонними структурами Запада и Востока» [5].

Опасения китайских экспертов можно было понять. К концу первого десятилетия XXI в. позиции Китая на евразийском пространстве стали настолько прочными, что большинство экспертов рассматривали его присутствие как постоянно действующий фактор и, не без оснований, говорили о том, что он начинает выступать геополитическим конкурентом не только Западу, но и России.

Китай довольно эффективно использовал складывающиеся обстоятельства и «благоприятный момент», связанный с распадом СССР и возникновением геополитического вакуума на евразийском пространстве, сумев за 20 лет решить значимые для него проблемы.

Во-первых, был закрыт чрезвычайно болезненный для Китая пограничный вопрос. Это, безусловно, положительный факт, но нельзя не сказать и о том, что в результате этого государства Центральной Азии лишились важного козыря в дальнейших переговорах с Китаем по существующим до сегодняшнего дня проблемам.

Во-вторых, в соглашениях, подписанных с государствами Центральной Азии и Россией, Китаю удалось заручиться их поддержкой в борьбе с «этническим сепаратизмом» и тем самым внести некоторый раскол в «мусульманское единство» народов Синьцзяна и титульных этносов государств Центральноазиатского региона. Более того, как член «шанхайской пятёрки», а в дальнейшем и член ШОС Китай обезопасил себя от вмешательства третьих стран в проблему «этнического сепаратизма» на своей территории.

В-третьих, Китай не только создал экономические позиции во всех государствах региона, но и во многом за счет их экономического потенциала обеспечил развитие провинций

«большого северо-запада». Во всяком случае, если сравнить ситуацию в СУАР и Казахстане накануне распада СССР и в настоящее время, баланс будет не в нашу пользу.

В-четвертых, Китай прочно обосновался в нефтегазовом секторе государств Центральной Азии. Причем, в данном случае речь идет не только о Казахстане, но и об Узбекистане и Туркменистане. Учитывая растущий дефицит у Китая в энергоресурсах, нет сомнений в том, что это присутствие будет только нарастать. И самое примечательное заключается в том, что Китай не только приобретает углеводороды региона по выгодным для него ценам, но и использует данное обстоятельство в ценовом торге с Россией.

В-пятых, Китаем на территории государств региона создана транспортно-логистическая сеть, обеспечивающая доставку китайских товаров не только на рынки государств Центральной Азии, но и дальше — в Россию, государства Ближнего и Среднего Востока, а также в Европу. Параллельно создана сеть, обеспечивающая доставку углеводородов Центральной Азии в Китай.

При этом трансграничные транспортные проекты Китая являются естественным продолжением опережающего развития западных провинций Китая. Речь идет прежде всего о превращении СУАР КНР в региональный внешнеэкономический, транспортно-логистический, а в перспективе и финансовый хаб Центральной Азии. Две первые задачи на сегодняшний день, по сути, уже имеют место в реальности, решение третьей — вопрос времени и конвертируемости юаня.

Со стороны Китая мы можем наблюдать формирование качественно новой модели сотрудничества КНР с государствами Центральной Азии. Коротко ее можно назвать «модель трансграничной кооперации «центр» («чжунсинь»), СУАР (Урумчи) — «периферия» («чжоубянь»), государства

Центральной Азии)» [6]. Как показывают данные внешне-торгового оборота государств региона с СУАР КНР, за исключением Туркменистана и пока Узбекистана, все остальные государства во внешней торговле ориентированы главным образом на Синьцзян (таблица 1).

В-шестых, объем торговых операций КНР со странами Центральной Азии только за 2000-е гг. вырос в 20 раз. Особенно впечатляет Киргизия, объемы китайского экспорта в которую в предкризисном 2008 г. выросли в 84 раза по сравнению с 2000 г. и сравнялись с китайским экспортом в Казахстан. Впрочем, на китайскую товарную «иглу» к 2010 г. прочно «подсели» все государства региона (таблица 2).

В-седьмых, Китаю удастся сохранять геополитическое равновесие в регионе. С 1997 г. в концептуальных китайских документах, касающихся внешней политики, Центральная Азия начинает рассматриваться в качестве «стратегического тыла» Китая. В рамках этой концепции задачи китайской политики в регионе формулируются в контексте достижения двух целей. С одной стороны, поддержание Центральной Азии в качестве состоящего «из небольших разобщенных и не угрожающих КНР государств» «буферного пространства» между Китаем и Россией, с другой — недопущение появления в пределах Центральной Азии «доминирующего государства», способного взять под свой единоличный контроль государства региона.

Наконец, через механизмы ШОС Китай активно участвует в процессе формирования новой структуры региональной безопасности и «держит руку на пульсе» в обеспечении безопасности в регионе. Последние социологические замеры показывают, что, по мнению большинства экспертов, Китай не хуже России может выступить модератором процесса обеспечения региональной безопасности.

Табл. 1. Торговые операции СУАР КНР со странами
Центральной Азии (по китайским данным) (в млн долл.)

Годы	СУАР	Казахстан		Киргизия		Узбекистан		Таджикистан		Туркменистан	
		всего	% от тор-говли с КНР	всего	% от тор-говли с КНР	всего	% от тор-говли с КНР	всего	% от тор-говли с КНР	всего	% от тор-говли с КНР
2000	2.264,0	1.179,3	75,65	171,4	96,5	0,3	0,6	10,3	59,9	2,4	15,0
2001	1.771,5	903,6	70,2	99,0	82,5	5,6	9,3	7,1	65,7	0,96	2,9
2002	2.691,9	1365,5	69,9	153,9	76,2	19,1	14,5	4,8	38,7	9,9	11,3
2003	4.772,0	2.546,1	77,5	230,9	73,5	37,7	10,9	8,7	22,4	24,7	29,8
2004	5.635,6	3.286,1	73,1	462,1	76,7	85,8	14,9	30,9	44,8	3,6	3,6
2005	7.941,9	5.015,6	73,7	746,9	76,8	138,3	20,3	99,3	62,9	13,6	12,4
2006	9.103,3	5.014,7	60,0	1.857,3	83,5	266,3	27,4	218,1	67,4	43,3	24,2
2007	13.716,2	6.973,8	50,3	3.250,2	86,0	335,5	29,7	377,2	72,0	39,6	11,2
2008	22.216,8	9.070,7	51,7	7.972,8	85,4	436,4	33,3	1.254,5	83,6	77,4	9,3
2009	13.827,7	6.897,5	н.д.	2.972,6	н.д.	386,1	н.д.	867,7	н.д.	72,4	н.д.
2010	17.128,3	9.259,2	45,37	2.657,3	57,61	621,4	24,3	1.060,6	37,8	128,8	6,1

Источники: Таблица составлена по данным Синьцзян Тунцзи няньцзянь.
(Статистический ежегодник по Синьцзяну за 2002—2011 гг.).

Табл. 2. Внешнеторговые операции стран Центральной Азии с Россией, Китаем и Евросоюзом в 2010 г. (млн евро, в % от общего объема)

	Импорт			Экспорт			Объемы торговли		
	Россия	Китай	ЕС	Россия	Китай	ЕС	Россия	Китай	ЕС
	Казахстан	4,238.4 (18.7%)	7,724.3 (34.1%)	5,389.2 (23.8%)	1,780.8 (4.9%)	7,579.7 (21.1%)	13,601.1 (37.8%)	6,019.2 (10.3%)	15,304.1 (26.1%)
Киргизия	810.4 (15%)	3,391.2 (62.7%)	223.5 (4.1%)	268.7 (32.1%)	48 (5.7%)	14.3 (1.7%)	1,079.1 (17.3%)	3,439.3 (55%)	237.8 (3.8%)
Таджикистан	646.8 (32.2%)	180.6 (9%)	197.4 (9.8%)	76.9 (8.5%)	335.5 (37.3%)	32.9 (3.7%)	723.7 (24.9%)	516.1 (17.8%)	230.3 (7.9%)
Туркмения	600.6 (14.2%)	434.6 (10.2%)	760.4 (17.9%)	101.9 (4%)	722.4 (28.4%)	332.7 (13.1%)	702.5 (10.3%)	1,157.1 (17%)	1,093.1 (16.1%)
Узбекистан	1,382.8 (21.4%)	978.9 (15.2%)	1,321.5 (20.5%)	1,047.8 (24.1%)	889.7 (20.5%)	356.1 (8.2%)	2,430.6 (22.5%)	1,868.6 (17.3%)	1,677.6 (15.6%)

Источник: Sébastien Peyrouse, Jos Boonstra, Marlène Laruelle. Security and development approaches to Central Asia the EU compared to China and Russia. — EUCAM 2012 Working Paper, 11 May, 2012.

Более того, во многом благодаря ШОС Китай получил легитимную и не вызывающую не только возражений со стороны России и государств Центральной Азии, но и одобряемую ими возможность непосредственно действовать на постсоветском пространстве по принятым в СНГ неписаным правилам. Иными словами, получил возможность беспрепятственно играть на противоречиях как между странами евразийского пространства, так и между различными группами внутри каждой из этих стран без риска быть обвиненным в подрывной деятельности и экспансионизме.

Вряд ли Таможенный союз, Единое экономическое пространство, ЕЭС и даже Евразийский союз могут в одночасье изменить сложившееся положение дел. Тем более, как справедливо подчеркивают сегодня китайские эксперты, практическая реализация этих проектов неизбежно столкнется с массой трудностей как внутрирегионального, так и геополитического свойства, в том числе и со стороны Китая, опасяющегося, что «формирование Евразийского союза ослабит роль ШОС» [7].

Именно поэтому пока Китай занял выжидательную позицию, сделав акцент на изучении тех проблем, которые возникают и, скорее всего, в ближайшей перспективе будут возникать на пути евразийской интеграции.

Что касается проблем в формате ШОС или в двустороннем формате между Россией и Китаем, то и они неизбежно будут иметь место. Самое наглядное подтверждение этому — последний саммит ШОС, на котором Россия фактически заблокировала все предложения Китая.

Однако нельзя не признать, что противодействовать экономическому и торговому проникновению Китая в регион ни государства Центральной Азии, ни Россия не в состоянии. Более того, в настоящее время Китай для Центральной Азии является более значимым партнером, нежели Центральная

Азия для Китая. И вряд ли здесь в ближайшем будущем произойдут кардинальные изменения.

Отсюда следует простой вывод — нам необходимо научиться использовать китайское присутствие в пользу социально-экономическому развитию государств Центральной Азии. Страхи и фобии в этом деле — плохие помощники, как плохой помощник и пресловутая секретность. Как первое, так и второе не позволяют не только увидеть реальных угроз и вызовов, проистекающих из китайского присутствия, но и тех направлений, которые бы открывали перспективу его использования в национальных интересах.

Литература

1. Цун Пуцзин «ОуЯ Ляньмэн» кань Чжунго цзиемэн ды чжуняосин (О важности включения КНР в союзы в контексте путинского «Евразийского Союза»), 08 октября 2011 г. // http://blog.sina.com.cn/s/blog_489b0f770100z46k.html
2. Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана — «возрождение СССР», или новая сила? // Жэньминь жибао онлайн, 24 ноября 2011 г. — <http://russian.people.com.cn/>
3. Пуцзин гао «ОуЯ Ляньмэн» сян фучжи Сулянь ма? (Намерен ли Путин копировать СССР путем создания Евразийского Союза?), 09 октября 2011 г. // http://blog.sina.com.cn/s/blog_5f0b194d0102dtqo.html;
4. Ли Синь. Десять лет экономического сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества: достижения, проблемы и перспективы // Европейский Союз — Казахстан — Россия: перспективы сотрудничества с Китаем: Сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (г. Алматы, 21 июня 2011 г.). — Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2011. — С. 105—106.
5. Фэн Шаолэй. Пуцзин чаоцзян «ОуЯ Ляньмэн» дицзюй итихуа цянъцзин кэци (Предложенный Путиным «Евразийский Союз» будет способствовать региональной интеграции). — 25 октября 2011 г. // Чжунго шэхуй кэсюэ бао // <http://news.ecnu.edu.cn/mediaview/2011/2011,mediaview,081342.shtml>

6. Савкович Е.В. Новые направления взаимодействия КНР и стран Центральной Азии в конце первого десятилетия 2000-х гг. // Сравнительная политика. (Москва), 2011. — № 4. — С. 81.

7. Чжан Шуй. ОуЯ Ляньмэн — Дуляньти итихуа ды синь чанши (Евразийский Союз — новая попытка интеграции СНГ) // Чжунго цзиньмао. — 2012. — № 3 // <http://cbu.ec.com.cn/>

***

Кыргызстан и интеграционные процессы в Центральной Азии

Салиев А.Л.

Эксперты ряда стран Содружества сходятся во мнении, что период президентства Д.А. Медведева привел к определенному ослаблению позиций России на постсоветском пространстве и снижению интеграционного взаимодействия в СНГ. Основную причину такого положения дел специалисты усматривают в отсутствии у Кремля продуманной интеграционной стратегии, которую он мог бы предложить бывшим союзным республикам. Эти же авторитетные ученые отмечают, что взаимодействие в рамках различных интеграционных структур в пределах СНГ все-таки развивалось, а в последнее время российское руководство стало четко и внятно говорить о важности и безальтернативности более глубокой интеграции.

Создание Таможенного союза, его трансформация в Единое экономическое пространство и затем в Евразийский союз следует рассматривать как реальную для Кыргызстана возможность при решении многих организационных, экономических, мобилизационных и военно-политических вопросов, направленных на обеспечение собственного национального суверенитета. Мы должны принимать во внимание тот факт, что консолидационные тенденции объективны, а сама архитектура экономического сотрудничества на постсоветском пространстве однозначно будет развиваться по интеграционной траектории.

Сегодня, в условиях XXI в., с учетом опыта существования СССР, формирования Евросоюза и других региональных образований имеется реальная возможность создания такого механизма региональной интеграции, который не будет

ущемлять интересы всех участников регионального блока. Для таких партнеров России, как Кыргызстан или Таджикистан, евразийский проект являет собой реальную возможность приобщиться к клубу успешных государств. Для Кыргызстана это особенно актуально в контексте поиска общенациональной повестки дня, тем более что среди большей части населения Кыргызстана данная идея обретает серьезную поддержку.

Противники проекта Евразийского союза в качестве главного своего аргумента указывают на то, что для России подобная интеграция предназначена для решения ее экономических проблем путем так называемого «бизнес-поглощения». В ответ на это утверждение, к примеру, казахстанские эксперты весьма серьезно указывают на то, что перспектива активизации Китая в Казахстане может оказаться кратно хуже, чем делегирование согласованных полномочий в наднациональные органы будущего Евразийского союза. Для Кыргызстана любое сближение с Китаем без глубокого анализа такой перспективы грозит реальной потерей суверенитета.

Есть достаточное основание считать, что для России этот проект — не только новая стадия ее отношений с ближайшими соседями, это еще и одна из форм утверждения России как знаковой величины на мировой арене. Держава, претендующая на определенный статус (региональный или планетарный), не может замыкаться в узких рамках. Державный статус базируется не только на военной мощи, мессианских идеях или экономическом могуществе. Главное здесь — располагать реальным влиянием на внешнеполитические процессы. Степень же влияния на международную политику у страны тем больше, чем большее число стран вовлекается в ее орбиту, даже в рамках такой региональной структуры, как Евразийский союз. На деле Москва предлагает конкретный

проект отнюдь не имперского содержания, а, скорее, либерального. По сути, Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийский экономический союз — это не что иное, как практическое воплощение либеральной, по своей сути, теории рыночной экономики. То есть такой системы, где свободно, с минимальными государственными ограничениями циркулируют товары, капиталы, услуги и рабочая сила. Россия стремится предложить своим соседям такую систему, которая предполагает совместную работу на общее благо, при этом РФ получает немалые риски в ходе осуществления данного проекта. Так, свободное перемещение рабочей силы в сторону России не всегда сопряжено с благом для нее. С объективной точки зрения Евразийский союз — это не однозначно пророссийский проект, в нем могут найти свои интересы все страны и народы Евразии и на деле ощутить себя равноправными на основе общей культурной совместимости.

При том, что Россия в предстоящие 12 лет будет «форматировать» отношения с США и Западом, приводя их в соответствие с собственными геополитическими интересами, в качестве важного внешнеполитического направления выделяется пространство бывшего СССР. С учетом новых приоритетов у нового руководства РФ представляется целесообразным реанимировать некоторые имеющиеся договоренности с Россией, чтобы вывести двусторонние отношения на новый качественный уровень. В частности, речь идет о Соглашении между КР и РФ в области безопасности.

Отдавая должное важности военно-политического и экономического аспектов двустороннего сотрудничества, я хотел бы, пользуясь случаем, остановиться на некоторых вопросах гуманитарного порядка, являющихся неотъемлемой частью межгосударственных, межчеловеческих отношений. В современных условиях вопросы идеологии, духовности и

нравственности приобретают все большее значение в формировании облика будущего миропорядка. И в этой связи перспектива наших экономических, военно-политических и иных задумок в значительной мере зависит от духовного родства между нашими народами, мировоззренческой гармонии в первую очередь среди подрастающего поколения Кыргызстана, его соседей и, конечно, России.

***

Конкуренция глобальных проектов в пространстве Евразии и позиция Таджикистана

Олимов М.А.

Евразия — регион, где после распада СССР развернулась жесткая борьба сверхдержав и региональных центров силы за сферы влияния. Благоприятной почвой для конкуренции внешних игроков является продолжающаяся дезинтеграция региона.

В ходе этого соревнования внешними акторами были выдвинуты несколько проектов развития Евразии.

1. Расширение Таможенного союза с перспективой образования Евразийского союза с Москвой во главе. Визиты президента В. Путина в Бишкек и Душанбе осенью 2012 г. и заключение соглашений по военным базам в Кыргызстане и Таджикистане продемонстрировали резкую активизацию России в Евразии и изменение ее подходов. Это: а) сплетение экономических решений и военных договоренностей; б) продвижение интеграции, что включает переход от двусторонних связей к многосторонним. Например, по вопросу о реализации проекта Камбаратинской ГЭС на рабочую встречу были приглашены кроме представителей России и Кыргызстана представители Казахстана и Узбекистана, хотя последние на встречу не прибыли.

Россия возвращается в Центральную Азию с большими проектами и целями. Российский проект имеет побочные эффекты, но он обещает странам Евразии безопасность. Тем не менее следует признать, что будущее Евразийского союза весьма неопределенно. Слишком много внутренних и внешних факторов, тормозящих евразийскую интеграцию.

2. С российским проектом все острее конкурирует американский проект «Нового Шелкового пути» — это официаль-

ная стратегия США, согласно которой Северная сеть поставок (ССП) должна стать сетью гражданских торговых путей от Риги до Кабула. Однако многие эксперты утверждают, что ССП практически не способствует оживлению региональной торговли. В недавнем докладе Грэма Ли (Graham Lee) на эту тему продемонстрировано, что функционирование ССП ведет к росту таможенных тарифов и коррупции в Центральной Азии. В целом большинство аналитиков сходятся во мнении, что конечной целью Нового Шелкового пути является экономическое развитие Афганистана, а не стран Центральной Азии.

Следует отметить, что американский проект подключает к евразийской интеграции новых акторов, прежде всего Индию и Турцию. Индия заинтересована в торговле со странами нашего региона и в обеспечении своей безопасности, которая во многом зависит от Афганистана. Индия будет ориентироваться на американский Новый Шелковый путь из-за недоверия к Китаю и Пакистану. Однако при всей привлекательности сотрудничества с США на евразийском направлении Индия не намерена отдавать этому приоритет. Поэтому мы можем видеть интенсификацию индийско-китайских отношений и индо-пакистанских контактов.

Турция заметно активизируется в нашем регионе так же, как и в мусульманском мире в целом. Недавно глава МИД Турции А. Давудоглу озвучил идею сформировать в Евразии аналог Европейского Союза. Идея во многом перекликается с российским проектом создания Евразийского экономического союза, но только внешне. Фактически Турция готовится к осуществлению в Евразии интегрирующего контрпроекта.

Третий мегапроект — это китайская версия Шелкового пути, во многом аналогичная Евразийскому союзу. Вместе с экономическим направлением Китай начал интенсивно развивать свою транспортную инфраструктуру, прилегающую

к соседним постсоветским республикам, а также создавать инфраструктуру на территории ближних и дальних соседей, включая коридор в Иран. Логично предположить, что вместе с ростом экономического влияния Китая в Евразии будет активизироваться и его политика в сфере безопасности.

Определенные черты проекта имеет и Новая европейская политика в Центральной Азии, но кризис в Европе затормозил ее реализацию. Сейчас для Европейского Союза Центральная Азия представляет интерес только в плане безопасности и как источник углеводородов и редких металлов.

В настоящее время конкуренция перечисленных проектов обостряется. Многие аналитики считают, что их столкновение неизбежно. Причем они признают, что в настоящее время Китай несколько опережает своих конкурентов (например, индийский политолог М. Бхадракумар). Наиболее важным и непонятным моментом в этом соревновании является вопрос о взаимоотношениях между российским и китайским проектами, будут ли они и дальше конкурировать или образуют какую-то интегрированную конфигурацию. В случае подключения Турции к китайскому проекту Россия останется в стороне, конкуренция усилится, что предоставит преимущества американскому проекту Нового Шелкового пути. Но можно предположить, что Россия и Китай могут синхронизировать свои усилия в Евразии в рамках ШОС. Эта перспектива может быть жизнеспособной, но она потребует реформирования ШОС и усиления ее силовой составляющей.

Как отвечают страны ЦА на обострение Большой игры за Евразию?

Рассмотрим ответ Евразии на примере Таджикистана. Трудно говорить о регионе в целом, так как несмотря на то, что поведение отдельных стран Евразии подчиняется общим закономерностям, состав внешних игроков и масштаб их

влияния различаются в каждой отдельно взятой стране. Таджикистан, так же как и все страны региона, лавирует между разными внешнеполитическими игроками в Евразии и так или иначе участвует во всех глобальных проектах.

Тем не менее углубляющиеся противоречия между Россией и Китаем, с одной стороны, и ЕС и США — с другой, все сильнее воздействуют на Таджикистан, который пытается создать партнерские отношения с Россией, но одновременно развивает отношения с ЕС. Еще более активно развиваются отношения с Китаем. Успешному лавированию между внешнеполитическими акторами способствует то, что каждый из них занимает в Таджикистане свой сектор, почти не конкурируя между собой: Россия остается главным военно-политическим партнером Таджикистана, обеспечивающим его безопасность, принимающей страной для таджикских мигрантов, крупным экономическим партнером и политическим сюзереном в рамках Таможенного союза.

Одновременно Таджикистан готовится к вступлению в ВТО, что еще более укрепит его отношения с Китаем и странами Запада.

Китай — великий сосед, ведущий экономический партнер и донор Таджикистана.

Европейский Союз оказывает большую помощь в государственных и экономических реформах, смягчении бедности, продвигает модернизацию.

США и НАТО обеспечивают безопасность для развивающихся торгово-экономических отношений с растущим рынком Афганистана и Пакистаном.

Непростые отношения связывают Таджикистан с Индией и Ираном. При том, что Таджикистан развивает отношения с США и собирается войти в Таможенный союз, он не снижает уровня взаимоотношений с Ираном. Одновременно избегает развития связей с Ираном в политической и гуманитарной

сферах, делая упор на экономические аспекты двустороннего сотрудничества. С начала 2012 г. таджикско-иранские отношения в сфере экономики, торговли, промышленности и сельского хозяйства заметно активизировались. Иран оказал необходимую Таджикистану поддержку в моменты ухудшения отношений с Россией и Узбекистаном.

Помимо радужных надежд и политического лавирования между евразийскими мегапроектами существует еще реальная жизнь с ее императивами. Несмотря на перспективы вхождения в Таможенный союз, в настоящее время Таджикистан вынужден принимать во внимание юг и восток и интегрироваться в южные сети, одновременно поддерживая американский проект Нового Шелкового пути и китайское трансграничное сотрудничество. Из-за узбекской транспортной блокады Таджикистан был вынужден переориентировать направления своего экспорта (алюминий и хлопок). Если в 2000 г. основными импортерами таджикского алюминия были Европейский Союз и Россия, то в 2010 г. — Китай и Турция. Также произошло переключение поставок хлопка со Швейцарии, Латвии и Словакии на Турцию, Иран и Пакистан, хотя Россия и сохранила свое положение как одного из крупнейших покупателей таджикского хлопка. Одновременно Таджикистан, как и Кыргызстан, стремительно превращается в «задний двор» Китая. Быстро растут объемы формальной и неформальной торговли с Китаем. Таджикистан почти догнал Кыргызстан в реэкспорте китайских товаров.

Все более активизируется торговля с южными соседями. Так, по итогам 1-го полугодия 2012 г., доля Афганистана и Пакистана во внешней торговле Таджикистана более, чем в три раза превысила долю Узбекистана. Снижение производства продовольствия в России и Казахстане вынудило Таджикистан обратиться к Пакистану, который превратился в один из крупнейших поставщиков продовольствия в Таджи-

кистан. В августе Таджикистан заключил с Пакистаном ряд соглашений об импорте зерновых, масла, сахара.

Вынужденный разворот Таджикистана на юг и восток поддерживается интеграцией в международные транспортные сети, строительством новых дорог, мостов и тоннелей, ростом международной торговли и перевозок, которые резко повысили уровень взаимодействия с Китаем, Афганистаном, Ираном, Индией, Пакистаном.

В настоящее время происходит изменение соотношения влияния внешних акторов на Евразию. На фоне ослабления позиций Евросоюза в регион с масштабными целями и проектами вернулась Россия. США также продвигает свой проект Шелкового пути, хотя китайский вариант Шелкового пути значительно успешнее. В игре все более активно участвуют Иран, Индия, Пакистан и Турция. Крупные внешние участники сформулировали свои политики и оформили их в виде проектов. Они все более активно конкурируют между собой, но пока не вступают в прямое противоречие, что позволяет странам Евразии лавировать между крупными игроками. Но положение неустойчивое. Слова президента И. Каримова о возможности водной войны в регионе — это страшное пророчество. Главную опасность для стран Центральной Азии представляют не конкурирующие проекты, а внутренние противоречия и дезинтеграция региона.

***

**Политика Германии, Великобритании
и Франции в Центральной Азии:
европейская «тройка», или
«лебедь, рак и щука» Европейского Союза?**

Юн С.М.

Название моего доклада отражает базовую характеристику (она же слабость) механизма общей внешней политики и политики безопасности Европейского Союза: стремление к единой политике декларируется в условиях сохранения межправительственного принципа принятия решений в ЕС и национальной компетенции и интересов стран ЕС. Конференция посвящена вопросам интеграции в Евразии. Евросоюз является апологетом регионального сотрудничества и интеграции в мире, а его региональный подход — одним из ключевых в политике в Центральной Азии. Соответственно, актуальными являются следующие вопросы: насколько политика ведущих стран ЕС (Германии, Великобритании, Франции) в Центральной Азии отличается друг от друга и как это влияет на политику единого ЕС; как отличия в подходах ведущих стран ЕС затрагивают региональный трек центральноазиатской политики ЕС?

Политика Германии, Великобритании и Франции, с одной стороны, формировалась и развивалась на основе комплекса общих интересов и целей в Центральной Азии, что обеспечивало определенную согласованность и синхронность действий, выдвижение совместных инициатив в рамках таких многосторонних институтов, как ОБСЕ и Евросоюз, а также определяло этапы эволюции собственно политики Евросоюза в регионе. Состав и иерархия интересов в комплексе общих интересов европейских стран в Центральной Азии менялись в зависимости от различных факторов.

Сразу после распада СССР задачи ядерного нераспространения обеспечили повышенный интерес ядерных Великобритании и Франции, а также Германии к Казахстану. В течение 1994—1995 гг. на первый план в политике ведущих европейских стран в Центральной Азии выходит задача поддержки независимости стран Центральной Азии, а т. е. сокращения влияния России в регионе и консолидации западного, в том числе европейского, вектора международных связей центральноазиатских государств.

Дискурс укрепления независимости центральноазиатских стран также имел экономическое измерение: автономия от Москвы рассматривалась как условие эксплуатации в интересах европейских стран природных, прежде всего нефтегазовых, ресурсов стран Центральной Азии. При этом ведущие страны ЕС являются конкурентами (как между собой, так и по отношению к другим европейским и иным странам) не только с точки зрения добычи и импорта сырья из стран Центральной Азии. Выросшая на нефтедолларах экономика Казахстана занимает особое, центральное, место во внешнеэкономической политике трех стран и как рынок сбыта, и как место приложения инвестиций. Конкуренция в торгово-экономической сфере не исключает объединения усилий ведущих европейских стран в целях обеспечения благоприятного режима для европейских инвесторов в странах региона.

С конца 1990-х гг. приоритетом в региональной политике трех европейских стран в Центральной Азии становится борьба с наркоугрозой. Поддержка силовых служб стран Центральной Азии стала еще более актуальной после 11 сентября 2001 г. в интересах борьбы с угрозой терроризма. Тогда же обозначился новый, не менее важный интерес — обеспечение поддержки действий стран ЕС на афганском направлении.

В то же время не является удивительным тот факт, что имеет место существенная разница как в общих подходах ве-

дущих европейских стран к Центральной Азии, так и в конкретных аспектах политики. По такому параметру, как место региона в системе географических приоритетов, безусловно, Центральная Азия имеет значительно большее значение для политики Германии. На начальном этапе становления немецкой стратегии в регионе определяющими были два фактора. Во-первых, в рамках традиционно важной для Германии «восточной политики» немецкие власти проявляли особый интерес к процессам на постсоветском пространстве. Во-вторых, интерес Германии определялся наличием в составе местного населения большого количества этнических немцев.

Германия — единственная среди стран ЕС, которая в течение 1992—1993 гг. открыла посольства во всех государствах Центральной Азии. Она проводила активную «дипломатию визитов» и запустила самые крупные среди других европейских стран региональные программы помощи, нацеленные главным образом на Казахстан и Кыргызстан, в том числе для сдерживания миграции немецкого населения.

Немцы в массовом порядке покидали страны региона, страны Центральной Азии в своем развитии далеко отошли от европейских стандартов, усложнились международные отношения в регионе, однако активность Германии в Центральной Азии в 1990-е гг. и 2000-е гг. только возрастала, что обеспечило ей наиболее прочные позиции по сравнению с другими европейскими странами. Подобный стратегический выбор Берлина можно объяснить стремлением объединенной Германии укрепить свои внешнеполитические позиции в новом международном порядке, значительно ослабленные в результате мировых войн и ограниченные в период «холодной войны». В этом свете распад СССР открыл целые регионы для внешнего влияния, причем борьбу за влияние внерегиональные державы должны были начинать с чистого листа. Нынешние позиции Германии в Центральной Азии —

это ее внешнеполитический капитал, который используется для обеспечения различных политических, военных и иных интересов Берлина в мире, начиная с вопроса о постоянном членстве Германии в Совете безопасности ООН и заканчивая военным транзитом через страны региона для нужд немецкого контингента в Афганистане.

В основу немецкой политики в Центральной Азии был положен курс на развитие привилегированных отношений и поддержку двух ключевых государств региона: Узбекистана и Казахстана. В то же время, если Казахстан является приоритетом Германии с точки зрения ее экономических интересов, Узбекистан считается опорой обеспечения интересов Берлина в области безопасности. С обеими странами поддерживается интенсивный политический диалог на разных уровнях. Казахстан и Узбекистан являются приоритетами глобальной политики Германии в целях развития, с 1995 г. — приоритетами немецкой военной помощи. В посольства были направлены немецкие военные атташе. Началось взаимодействие между министерствами внутренних дел при поддержке офицеров федеральной полиции Германии, размещенных на постоянной основе при посольствах.

Внимание западной прессы больше всего привлекает особый характер связей немецких политических кругов с официальным Ташкентом. Известно, что, во-первых, Германия — единственная из стран НАТО, кроме США, получившая право на постоянное военное присутствие на территории Узбекистана для поддержки операций в Афганистане. Во-вторых, несмотря на охлаждение отношений между странами Запада и Узбекистаном из-за андижанских событий и введения Евросоюзом санкций, за которые проголосовал и Берлин, Германия, некоторое время единственная из стран НАТО, сохраняла право транзита через узбекскую территорию и, кроме того, сумела договориться о дальнейшем использовании

базы в Термезе. Все это свидетельствует об успехе немецкой дипломатии на узбекском направлении. Официальный Ташкент рассматривает Берлин как ключевой канал обеспечения своих интересов в отношении стран Запада в целом и Евросоюза в частности. Также известно, что Германия не прекращала военного сотрудничества с Узбекистаном в период действия санкций и была самым активным сторонником их отмены, что объяснялось либеральной западной прессой сугубо заинтересованностью Берлина в сохранении базы в Термезе. Такая трактовка представляется слишком упрощенной и не учитывающей общий курс Германии на консолидацию своих внешнеполитических позиций в регионе, что вряд ли возможно без интенсивных отношений с Узбекистаном.

Важный элемент центральноазиатской политики Германии, способствующий выполнению общей стратегической задачи, — это развитие интенсивных связей и со всеми остальными странами региона. При этом каждое направление имеет также свой специфический набор интересов. Для Кыргызстана это, например, поддержка сохранившегося немецкого населения, демократических процессов в стране. В случае с Таджикистаном определяющими являются интересы в сфере безопасности, особенно борьба с наркоугрозой. Туркменистан интересен Берлину как новый альтернативный поставщик газа. В отношении каждой из стран Берлин проводит активную дипломатию. Германия является важнейшим среди трех европейских грандов торговым партнером для всех стран Центральной Азии, хотя сами объемы незначительны для германской внешней торговли. Программы помощи намного превосходят те объемы, которые выделяют Франция, Великобритания и другие страны ЕС.

В целом курс на превращение стран Центральной Азии в близких лояльных внешнеполитических партнеров является предметом консенсуса основных политических сил Гер-

мании. Коалицией христианских и свободных демократов, действовавшей во главе с Г. Колем до 1998 г., были заложены основы региональной стратегии Берлина. Затем курс был продолжен коалицией социал-демократов и «зеленых» во главе с Г. Шредером. Правительство Коля и Шредера также объединяла сдержанная позиция в отношении роли Евросоюза в регионе: ЕС должен был реализовывать программы экономической помощи, тогда как прямое влияние на политические процессы и вопросы региональной безопасности считались, скорее, ответственностью ОБСЕ.

Иной подход был принят после формирования в 2005 г. «большой коалиции» в составе Христианско-демократического союза (ХДС) — Христианско-социального союза (ХСС) и Социал-демократической партии Германии (СДПГ) во главе с А. Меркель и с Ф.-В. Штайнмайером на посту министра иностранных дел. Новая коалиция воспользовалась председательством Германии в Евросоюзе в первой половине 2007 г. и обеспечила принятие Европейским советом политической стратегии ЕС в отношении стран Центральной Азии, двукратное увеличение объемов помощи ЕС странам региона, более активное использование политико-дипломатических методов в региональной политике Евросоюза. Известно, что остальные страны ЕС занимали пассивную позицию в период разработки политической стратегии Евросоюза в регионе [1]. В этой связи напористость Берлина в определенной степени выглядит как попытка «приватизации» центральноазиатской политики ЕС, как стремление максимально использовать «марку» и ресурсы Евросоюза в целях укрепления собственных позиций в регионе, что имеет сходство, например, с позицией Франции в отношении политики ЕС на африканском направлении.

В целом политика Берлина в Центральной Азии носит последовательный и сбалансированный характер. Нынешняя

Германия, управляемая коалицией ХДС/ХСС — Свободная демократическая партия Германии (СвДП), вносит наибольший вклад среди стран ЕС в реализацию европейских инициатив под эгидой политической стратегии Евросоюза в Центральной Азии. В частности, Германия является координатором инициативы ЕС в области обеспечения верховенства права. Из немецких фондов развития финансируются региональные проекты в таких областях, как, например, управление водными ресурсами, развитие региональной торговли. Известно, что стратегия Евросоюза 2007 г. буксует: выделение дополнительных средств и создание новых институтов взаимодействия не дают конкретных результатов. Внутри Евросоюза в настоящее время обсуждаются варианты корректировки стратегии и остается неопределенным вопрос, сможет ли дипломатия Берлина реанимировать свое «детисце». Видимо, в этом ему должна помочь немецкий дипломат П. Флор, назначенная летом 2012 г. на должность специального представителя ЕС по Центральной Азии.

Кроме того, актуальная задача для Берлина — укрепление позиций немецких экспортеров и инвесторов на казахстанском рынке, ослабленных в результате не только кризиса, но и наступательных действий конкурентов, в том числе из стран Евросоюза. В последние годы был резко активизирован экономический диалог между Берлином и Астаной. На это был нацелен первый визит А. Меркель в Казахстан в июле 2010 г., во время которого стороны утвердили формулу сотрудничества «сырье в обмен на инвестиции и технологии», учредили двусторонний Деловой совет по стратегическому сотрудничеству и подписали около 40 коммерческих соглашений стоимостью более 2 млрд евро. В феврале 2012 г. уже в ходе визита Н. Назарбаева в Германию были подписаны «Соглашение о партнерстве в сырьевой, промышленной и технологической сферах» и контракты на сумму более 4 млрд евро [2].

В отношении Туркменистана Германия лоббирует участие немецких компаний в освоении туркменских месторождений. С 2009 г. начала работу двусторонняя Межправительственная рабочая группа по торгово-экономическому сотрудничеству. Тогда же немецкая компания «РВЕ», один из акционеров проекта строительства газопровода «Набукко», получила право на освоение оффшорного месторождения в туркменском секторе Каспия. В феврале 2011 г. впервые состоялись двусторонние политические консультации.

Особенности позиции Германии в отношении демократических процессов и обеспечения прав человека в странах Центральной Азии — еще один козырь в ее политике и фактор, объясняющий в целом сильные позиции в регионе по сравнению с другими странами ЕС. В двусторонних отношениях Берлин не склонен к излишней политизации вопроса, проявляет осторожность в официальной риторике, участвует в «тихих» коллективных демаршах стран ЕС по конкретным случаям, проводит встречи с оппозицией из стран Центральной Азии в эмиграции, но выступает против жестких мер типа санкций и в целом нежестко увязывает прогресс в этой сфере и объемы оказываемой помощи.

Специфика политики Великобритании в Центральной Азии — рассмотрение региона сквозь призму интересов в Каспийском регионе британских нефтегазовых компаний, а также компаний, специализирующихся на оказании услуг нефтегазовому сектору (финансовых, исследовательских, консалтинговых и т. д.), — лидеров британского, европейского и мирового бизнеса в целом. Уровень и степень интенсивности политических контактов, дипломатическое представительство, оказание экономической, военно-технической помощи и другие вопросы двусторонних отношений решались, исходя главным образом из каспийских интересов Великобритании. В этой связи ключевым приоритетом Великобритании

был и остается открытым для иностранных инвесторов Казахстана, переговоры с которым британские компании стали вести при поддержке официального Лондона еще до распада СССР.

Усилия консервативного правительства Дж. Мэйджора способствовали закреплению за британскими компаниями важных позиций в двух из трех крупнейших нефтегазовых проектах Казахстана: Карачаганак (в настоящее время компания «British Gas» владеет 29,25 % акций) и Кашаган («Shell» — 16,81 % акций). В консорциум по освоению Кашагана входили также «British Gas» и «British Petroleum», однако позже компании продали свои доли из-за изменений в корпоративной стратегии. Кроме того, «British Gas» и «Shell» владеют небольшими долями в нефтепроводе «Каспийский трубопроводный консорциум».

Лейбористское правительство Э. Блэйра и Г. Брауна продолжало укреплять «стратегическое партнерство» с Астаной для обеспечения интересов не только нефтегазовых, но и других британских компаний. Ежегодные объемы экспорта услуг британских компаний в Казахстан значительно превосходят объемы экспорта товаров: например, они составляли около 900 млн ф. ст. в течение 2007—2008 гг. [3] «British Aerospace» приобрела 49 % акций национального перевозчика Казахстана «Эйр Астана». Крупные казахстанские компании выбирают Лондонскую биржу для размещения акций на западном рынке. Для укрепления позиций было расширено дипломатическое присутствие в Казахстане, для лоббирования используются не только члены правительства, но и члены королевской семьи.

В отношении Астаны Лондон реализует самую крупную программу военной помощи, а военный атташе Великобритании в Казахстане длительное время был единственным представителем британского военного ведомства в регио-

не. За 2000-е гг. британо-казахстанские отношения обросли многочисленными организациями официального и неофициального характера, обеспечивающими высокую плотность и многочисленные каналы взаимодействия.

С середины 1990-х гг. британская дипломатия разрабатывала туркменское направление каспийской стратегии, обеспечив получение компанией «Monument Oil&Gas» прав на разработку месторождений Туркменистана и поддерживая участие «Shell» в строительстве экспортных газопроводов. Провал проектов транскаспийских трубопроводов, противодействие иранскому маршруту со стороны США, осторожность Ашгабата в отношении доступа иностранных компаний к туркменским месторождениям, а также отказ Туркменистана поддерживать действия стран НАТО в Афганистане привели к серьезному спаду в двусторонних отношениях. После смерти С. Ниязова в свете возможного открытия местного рынка для иностранного капитала и возобновления переговоров о прокладке транскаспийских трубопроводов Лондон попытался обеспечить новый старт в отношениях. За последние годы при поддержке министерства энергетики Великобритании была проведена серия встреч и форумов с участием официальных лиц, представителей «British Petroleum», «Shell» и других компаний, однако, по имеющейся информации, пока британским компаниям не удалось получить лицензии на туркменские месторождения. С октября 2010 г. заработал Британо-туркменский совет по торговле и промышленности.

Узкий экономический подход определил сдержанную позицию Великобритании в отношении развития связей с другими странами Центральной Азии. Среди них Лондон, конечно, выделял узбекское направление как имеющее наибольший потенциал. Британский бизнес привлекали отдельные добывающие (например, золотодобыча) и производственные

сектора узбекской экономики. Например, в 1994 г. «BAT Industries» приобрела контрольный пакет акций «Узтабак». При этом для обеспечения интересов в Узбекистане Великобритания не была склонна выделять количество внешнеполитических ресурсов, эквивалентное казахстанскому направлению, что задевало самолюбие узбекских властей.

Только после 11 сентября 2001 г. с учетом значения Узбекистана для действий стран НАТО в Афганистане политика на узбекском направлении была пересмотрена. Великобритания разработала программу военной и военно-технической помощи Узбекистану, направила в Ташкент военного атташе, а также предприняла шаги для развития связей в других областях. Однако объемы экономической помощи выросли незначительно, экономический базис отношений, скорее, сужался, британская либеральная пресса и неправительственные организации, а за ними и Форин-офис (Министерство иностранных дел по делам содружества) продолжали резко критиковать Ташкент из-за ситуации с правами человека, а после событий в Андижане в мае 2005 г. Великобритания заняла крайне жесткую позицию и была одним из главных сторонников введения санкций Евросоюза, одобренных в период ее председательства в ЕС в октябре 2005 г. В результате двусторонние отношения были почти полностью заморожены до 2008 г., когда в рамках общего улучшения отношений между Узбекистаном и странами Запада началось восстановление британо-узбекских связей.

В отношении Кыргызстана и Таджикистана Лондон оставался пассивным до смены правительства в 1997 г. Тогда лейбористы провозгласили проведение «этичной внешней политики», под которой понимался акцент на правах человека и глобальных вызовах. Соответственно, больше внимания стало уделяться Кыргызстану как наиболее либеральному государству в регионе. С 1999 г. Бишкек стал и остается

до настоящего времени основным получателем британской экономической помощи. В 2007—2010 гг. ему было выделено в среднем 9 млн долл. в год. Таджикистан стал вторым приоритетом британской политики развития в Центральной Азии: 7 млн долл. ежегодно за тот же период. Дополнительный интерес к Таджикистану — поддержка местных властей в борьбе с наркотрафиком. В 2001 г. Форин-офис объявил о намерении открыть посольства в двух странах, однако сначала это было сделано лишь в Душанбе. Посольство в Бишкеке появилось только в декабре 2011 г. В целом, несмотря на возросший интерес, оба государства остаются сугубо второстепенными направлениями внешней политики Лондона.

Провозглашение «этичной внешней политики» имело следствием выступление Великобритании на саммите ОБСЕ в Стамбуле в ноябре 1999 г. с инициативой создания в рамках Организации механизма регулирования вопросов водоснабжения в Центральной Азии. Данная инициатива полностью провалилась из-за негативной позиции Туркменистана и Узбекистана, что объясняется не только сложностью проблемы, но и, видимо, несбалансированностью британо-узбекских отношений. С тех пор британская дипломатия предпочитает «не высываться», одновременно поддерживая, политически и материально, деятельность многосторонних институтов и других координационных механизмов в Центральной Азии. Примечательно, что она не взяла не себя координацию каких-либо отдельных направлений реализации стратегии Евросоюза в Центральной Азии.

В последние два года британская дипломатия значительно активизировалась в Центральной Азии. Это в меньшей степени связано с формированием в мае 2010 г. нового коалиционного правительства во главе с Д. Кэмероном, взявшим курс на укрепление позиций страны в «мире с сетевой структурой», в том числе через поиск новых экономических возможностей

в странах Востока и Юга и создание собственных «пересекающихся сетей углубленных двусторонних отношений» [4]. Намного более важный фактор — необходимость обеспечить транзитные пути планируемого вывода британских сил из Афганистана. Этим объясняется череда визитов британских военных во все страны региона, в особенности визит министра обороны Великобритании Ф. Хаммонда в Казахстан и Узбекистан в феврале 2012 г., возобновление военного сотрудничества Лондона с Ташкентом (в 2011 г. в узбекскую столицу вернулся британский военный атташе), активность министерства международного развития Великобритании в Таджикистане и Кыргызстане [5]. В то же время остается открытым вопрос, насколько устойчивым будет текущий тренд в политике Лондона. Позволит ли нынешний этап активности Великобритании преодолеть несбалансированный характер ее центральноазиатской политики, встроеной в последовательно проводимую стратегию в Каспийском регионе?

Французские власти первоначально обнародовали амбициозную, сходную с немецкой программу развития связей с регионом Центральная Азия. Но как на начальном этапе формирования региональной политики, так и в дальнейшем Франция не была последовательна в своих действиях, что предопределило несбалансированный характер связей, негативно сказывалось на результатах политики и подрывало позиции Парижа в регионе. Планы развития связей по всем страновым направлениям были вскоре пересмотрены в сторону сокращения, к середине 1993 г. был сформулирован курс на укрепление отношений с Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном как наиболее перспективными с экономической точки зрения и самыми важными в политическом плане странами региона.

Именно в этих странах были открыты посольства, а президент Ф. Миттеран в ходе визитов в течение 1993—1994 гг.

лично лоббировал интересы французских компаний, прежде всего нефтегазовых «Total», «Gaz de France», «Elf Aquitaine», а также французских промышленных гигантов, ориентирующихся на выполнение так называемых «крупных контрактов» (сооружение объектов недвижимости и инфраструктуры, поставки и наладка промышленного оборудования «под ключ»): «Bouygues», «Thomson», «Technip» и др. Развивалась правовая основа отношений Франции с тремя странами, под крупные контракты выделялись французские государственные кредиты. В результате по объему товарооборота Франция, хотя и оставалась далеко позади Германии, с 1994 г. стала уверенно обгонять Великобританию. Однако размеры инвестиций оставались незначительными из-за просчетов французских компаний в выборе месторождений. Только «Total» смогла закрепиться в консорциуме по разработке Кашагана, где она в настоящее время владеет долей 16,81 %. Динамика двусторонних отношений с Кыргызстаном и Таджикистаном оставалась слабой. Объемы экономической помощи Франции странам региона были меньше показателей не только немецкой, но даже британской помощи, что не позволяло закрепить позиции в регионе.

Успехом французской дипломатии можно считать лишь результаты на туркменском направлении, достигнутые в том числе за счет решения Франции, единственной из стран ЕС, выступить спонсором резолюции 1995 г. Генеральной Ассамблеи ООН о «Постоянном нейтралитете Туркменистана», а также поддержки Парижем в случае экономической целесообразности иранского маршрута экспорта туркменского газа. В 1996 г. Франция и Туркменистан даже подписали меморандум о стратегическом партнерстве, а французские власти стали называть Ашгабат важнейшим партнером в Центральной Азии. Была создана двусторонняя рабочая группа по энергоресурсам. Особые выгоды сближение Франции и

Туркменистана принесло компании «Bouygues», вошедшей в число основных иностранных подрядчиков туркменского правительства.

Конкуренцию в Туркменистане французские нефтегазовые компании в конце 1990-х гг. проиграли американским и британским компаниям, однако, как известно, и те в итоге не смогли договориться с Ашгабатом о строительстве транскаспийского газопровода. Франко-туркменские связи пошли на спад. Рабочая группа была созвана последний раз в ноябре 1998 г. С 2000 г. французские власти стали сокращать объемы помощи. Стратегическое партнерство было в результате скомпрометировано, а дипломатические успехи потеряны, что разительно отличает непоследовательные шаги Франции от последовательных действий Германии в отношении Узбекистана даже в кризисный «постандижанский» период.

Только в конце 1990-х гг. с учетом укрепления радикального режима талибов в Афганистане и обострения военно-политической ситуации в Центральной Азии Париж признал особое значение Ташкента с точки зрения региональной безопасности. С этого времени стали развиваться двусторонние военные связи, укрепляться отношения между органами внутренних дел, начала свою работу Межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству. Однако все это не позволило Франции, в отличие от Германии, добиться согласия Узбекистана на постоянное размещение контингента французских военно-воздушных сил после 11 сентября 2001 г. Реакция Парижа на андижанские события была заметно более осторожной, чем британская, но в то же время более «принципиальной», чем германская. Париж поддержал санкции ЕС, свернул связи в военной сфере и политические контакты на высоком уровне, но не прекратил отношения в других сферах. Объемы французской помощи после 2005 г. оказались лишь немного меньше докризисных.

В результате отношения все-таки претерпели период взаимного охлаждения.

Более успешным стал поворот в политике Франции на таджикском направлении, имевший место также в конце 1990-х гг. Тогда активизировались двусторонние политические контакты, Франция взяла на себя роль проводника интересов Таджикистана в ЕС, выступая за возобновление программы «ТАСИС» в стране. После 11 сентября основной базой размещения французских военных в Центральной Азии стал аэропорт Душанбе. Было открыто посольство Франции, начали развиваться связи между министерствами обороны и внутренних дел. Экономическая помощь с начала 2000-х гг. возросла, однако продолжала значительно уступать даже британским показателям.

Двойственные результаты не всегда последовательной политики предшественников, неиспользованные возможности, конкуренция и более слабые позиции по сравнению с другими ведущими странами Евросоюза, особенно с Германией, обусловили заметную активизацию Парижа в Центральной Азии после прихода Н. Саркози к власти в мае 2007 г. Во-первых, был взят курс на укрепление позиций Франции в ведущих странах региона, прежде всего на казахстанском рынке, что было благосклонно воспринято Астаной с учетом задач экономической модернизации.

С сентября 2007 г. была организована серия франко-казахстанских встреч на высшем уровне, включая визиты в Казахстан Н. Саркози в 2009 г. и премьер-министра Ф. Фийона в 2008 г. и 2010 г., задействованы существующие двусторонние форматы и созданы новые, использованы иные дипломатические инструменты, как, например, желание Астаны быть Председателем в ОБСЕ или обновить договорную базу отношений с Евросоюзом. Итогом стало подписание многочисленных контрактов, среди которых — о производстве в

Казахстане, поставках и обслуживании 295 железнодорожных локомотивов компанией «Альстом», сборке и обслуживании в Казахстане вертолетов ЕС-145, участии «Gaz de France» и «Total» в разработке месторождения Хвалынское на севере Каспия. В ноябре 2012 г. «Total» также приобрела у казахстанской компании 75-процентные доли в двух проектах добычи на юго-западе Казахстана. Значительно расширило деятельность «КАТКО» — совместное предприятие французской «Areva» и «Казатомпрома» по добыче урана в Казахстане. В 2009 г. были подписаны соглашения о сотрудничестве в военной, военно-технической сферах и о военном транзите.

Претерпела коррективы политика Франции на узбекском и туркменском направлениях. Начиная с 2008 г. возобновился регулярный диалог между Францией и Узбекистаном на правительственном уровне с целью восстановления «отношений доверия». Идут переговоры об интенсификации экономических связей, однако значимых решений немного, например, покупка Узбекистаном 10 самолетов А320 компании «Airbus». В отношении Туркменистана официальный Париж нацелен главным образом на поддержку «Vouygues» и других строительных компаний с учетом нового строительного бума в стране после прихода к власти Г. Бердымухамедова, а также обеспечение интересов французских нефтегазовых компаний. В феврале 2010 г. состоялся визит Г. Бердымухамедова во Францию, в ходе которого было решено учредить Межправительственную комиссию по экономическому сотрудничеству по аналогии с существующими франко-казахстанской и франко-узбекской, а в ее составе — рабочую группу по энергетике. В последние годы объем заказов «Vouygues» в Туркменистане значительно вырос, обеспечивая, по данным французского Министерства иностранных дел, около 50 % всего оборота строительного подразделения

компании [6]. Попытки президента Н. Саркози обеспечить доступ французских компаний к туркменским месторождениям пока успеха не имели, хотя, по данным некоторых СМИ, уже готовится соглашение между «Total» и туркменским правительством о допуске компании к разработке туркменских месторождений [7].

Во-вторых, Франция стала играть на «поле» Германии, больше внимания уделяя реальным проблемам стран региона и используя для этого как двустороннюю, так и многостороннюю дипломатию, особенно институты Евросоюза. Франция совместно с Германией стала координатором инициативы Евросоюза в области верховенства права для Центральной Азии, запущенной в ноябре 2008 г. в Брюсселе. В целом Париж сделал регион одним из приоритетов своего председательства в Евросоюзе во второй половине 2008 г. Тогда под эгидой стратегии ЕС 2007 г. в отношении Центральной Азии Франция организовала также министерские конференции по безопасности (Париж, сентябрь 2008 г.), по управлению границами и борьбе с наркоугрозой (Душанбе, октябрь 2008 г.).

Совместный визит глав внешнеполитических ведомств Германии Г. Вестервелле и Франции Б. Кушнера в Ош и в Бишкек в июле 2010 г. после известных событий на юге Кыргызстана (и первый визит французского министра иностранных дел вообще в истории двусторонних отношений) можно рассматривать как стремление Парижа закрепить роль Франции в координации европейской политики в Центральной Азии. В декабре 2009 г. было открыто посольство Франции в Бишкеке, что сделало Францию второй страной ЕС после Германии, представленной во всех странах Центральной Азии (третья — Великобритания с 2011 г.). Объемы экономической помощи Франции с приходом Н. Саркози были увеличены, однако двусторонняя дипломатия Франции по-прежнему остается слабой по сравнению с политикой Герма-

нии и Великобритании с точки зрения выделяемых экономических ресурсов.

С учетом последних событий в приоритетных для Франции регионах Северной Африки и Ближнего Востока в ближайшее время вряд ли стоит ожидать каких-то новых инициатив в ее центральноазиатской политике при новом президенте Ф. Олланде. Видимо, задача нового правительства Франции — обеспечить последовательность и преемственность своей политики в Центральной Азии с учетом рывка, предпринятого Н. Саркози. Об этом, например, косвенно свидетельствует официальное сообщение о телефонном разговоре между Ф. Олландом и Н. Назарбаевым (состоялся по инициативе французской стороны 17 сентября 2012 г.), в ходе которого стороны достигли «договоренности об организации взаимных визитов на высшем уровне» [8]. Другая актуальная задача — подготовка к выводу французских сил из Афганистана. Ее решению был посвящен визит Ж.-И. Ле Дриана, министра обороны Франции в новом правительстве, в Казахстан, Узбекистан и Таджикистан в июле 2012 г.

В целом в центральноазиатской политике Германии, Великобритании и Франции отсутствуют некие особые интересы и позиции, которые бы существенно препятствовали выработке общего курса в рамках Европейского Союза. Одновременно наличие специфических интересов и разные акценты в общей структуре интересов определяют неодинаковый набор страновых приоритетов и разные объемы выделяемых ресурсов в региональной политике Берлина, Лондона и Парижа. Среди трех стран наиболее прочные позиции в Центральной Азии сохраняет Германия, движимая комплексом внешнеполитических, экономических, военных и гуманитарных интересов.

Конкуренция за казахстанский рынок и за доступ к ресурсам Туркменистана, обострившаяся между европейскими

странами в последние годы, является неизбежным структурным аспектом, ослабляющим общую внешнюю деятельность ЕС, но не препятствующим согласованию позиций и действий как внутри Евросоюза, так и в других международных форматах. Исторически несбалансированный характер политики Великобритании и Франции мог оказывать негативное воздействие на восприятие странами Центральной Азии общеевропейских инициатив, включая проекты регионального сотрудничества. Текущие изменения в политике Парижа и Лондона в сторону диверсификации связей в случае, если они будут носить устойчивый характер, могут способствовать более успешной реализации принятой в 2007 г. «стратегии нового партнерства» Евросоюза со странами Центральной Азии.

Литература

1. Schmitz A. Efficiency and Its Costs: The “Strategy for a New Partnership” with Central Asia // The Potential of the Council Presidency. An Analysis of Germany’s Chairmanship of the EU, 2007 / Ed. by D. Kietz and V. Perthes. Berlin, January 2008. P. 72 // http://www.swp-berlin.org/en/common/get_document.php?asset_id=4656
2. Развитие торгово-экономических отношений в 2011 г. // http://www.botschaft-kaz.de/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=4&Itemid=29; 7-8 февраля 2012 г. состоялся визит Президента РК Н.Назарбаева в ФРГ. http://www.botschaft-kaz.de/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=287:7-8-2012-&catid=1:home&Itemid=1
3. House of Commons Hansard Commons Debates (Daily Hansard). Written Answers. February 2, 2010. Overseas Trade: Kazakhstan // <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200910/cmhansrd/cm100202/text/100202w0030.htm>
4. Доктринальные выступления нового министра иностранных дел У. Хейга на сайте Форин-офис // <http://www.fco.gov.uk/en/about-us/what-we-do/our-priorities/>
5. Информация на страницах Форин-офис, посвященная странам Центральной Азии // <http://www.fco.gov.uk/en/travel-and-living-abroad/travel-advice-by-country/country-profile/>

asia-oceania/; Walker A. The United Kingdom and Central Asia // EUCAM Policy brief. European National Policies Series. July 2012. # 1 // http://www.eucentralasia.eu/fileadmin/user_upload/PDF/Policy_Briefs/PB3_UK.pdf

6. La France et le Turkménistan. Présentation // <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/pays-zones-geo/turkmenistan/la-france-et-le-turkmenistan/presentation-5474/article/presentation-14981>

7. Total готова к партнерству с Туркменистаном в сфере инвестиций, 31 октября 2012 г. // <http://www.trend.az/regions/casia/turkmenistan/2082650.html>

8. Телефонный разговор Президента Казахстана Н. Назарбаева с Президентом Франции Ф. Олландом, 19 сентября 2012 г. // <http://www.ambafrance-kz.org/Telefonnyj-razgovor-Prezidenta>

***

Экономическое пространство Евразии и новые тенденции глобализации

Мухамеджанова Д.Ш.

В качестве основных современных тенденций, влияющих на экономическое пространство Евразии, нами рассматриваются:

- формирование многополярной мировой системы;
- трансформация экономического пространства Евразии;
- создание постсоветского евразийского экономического пространства.

Формирование полицентричной модели мирового экономического развития является главной тенденцией глобализации.

В основе формирования данной модели лежат следующие процессы:

- разделение мирового экономического пространства на «западные» регионы глобального влияния (Евро-Атлантика) и на «восточные», значение которых для мировой экономической системы стремительно возрастает (Восточная Азия, Южная Азия, регион СНГ);
- рост значимости региональных союзов развивающихся государств и использование ими принципа коллективного лидерства в решении ключевых глобальных проблем.

Разница между развитыми и развивающимися экономическими системами на современном этапе заключается в степени влияния на:

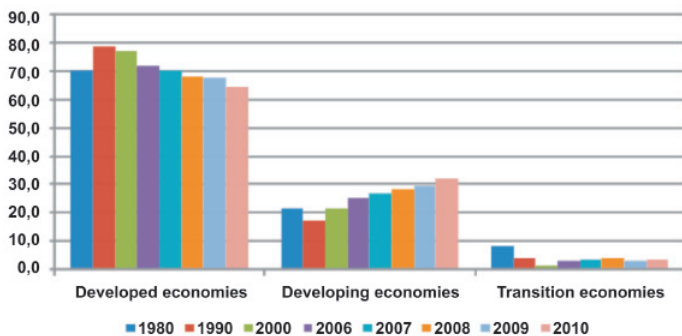
- формирование мировых экономических дисбалансов;
- поддержание экономического роста;
- обеспечение ресурсной экономической безопасности.

С точки зрения перечисленных выше факторов западный развитый мир рассматривается в качестве источника миро-

вых экономических дисбалансов, в то время как развивающиеся страны (в частности, Китай, Индия, Россия), — в качестве «локомотивов» мировой экономики.

Таким образом:

1. Растет динамика и доля развивающихся стран в мировом ВВП (рис. 1).

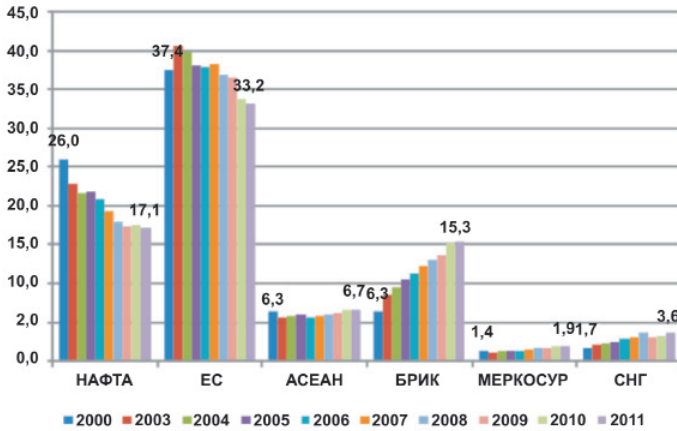

Рис. 1. Доля в мировом ВВП развитых, развивающихся стран и переходных экономик в 1990—2010 гг., в %

Источник: UNCTAD Handbook of statistics, 2011// <http://arhive.unctad.org>

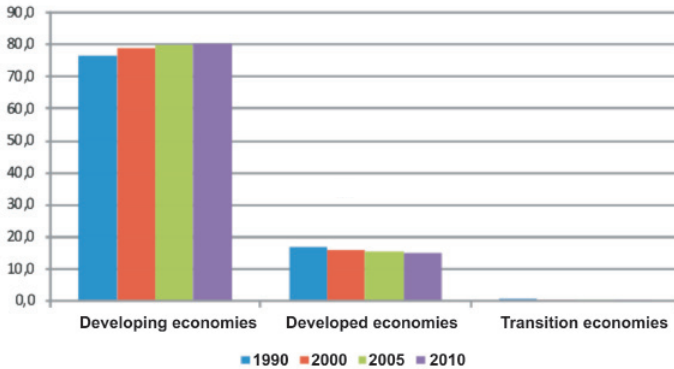
2. Увеличивается доля развивающихся стран в мировом товарообороте, в то время как доля развитых стран снижается (рис. 2).

3. В развивающихся странах, помимо природных и инфраструктурных ресурсов, остающихся ключевыми объектами глобальной конкуренции, сосредоточены основные человеческие ресурсы (главный фактор развития любой экономической системы). В настоящее время в развивающихся странах проживает более 80 % населения мира, при этом доля развивающихся стран в мировой численности населения увеличивается, а доля развитых стран снижается (рис. 3).

Рис. 2. Доля региональных союзов НАФТА, ЕС27, АСЕАН, БРИК, МЕРКОСУР, СНГ в мировом товарообороте в 2000—2011 гг., в %

Источник: 2011 International Trade Statistics Yearbook. June. 2012 // <http://comtrade.un.org>; <http://trade.ec.europa.eu>

Рис. 3. Доля в мировой численности населения развитых, развивающихся и стран переходного типа в 1990—2010 гг., в %

Источник: UNCTAD Handbook of statistics, 2011 // <http://arhive.unctad.org>

В связи с этим новые проблемы (или новые вызовы) современного этапа глобализации обусловлены:

1) конкуренцией между Западом и Востоком за сферы глобального экономического влияния и контроль над мировыми ресурсами; формирование модели мирового развития и новой философии глобального управления. Стремление к сохранению развитыми странами глобального экономического влияния при ослаблении и отсутствии объективных экономических предпосылок к лидерству может означать активизацию вмешательства в:

- экономику развивающихся стран, обладающих выгодным геоэкономическим положением и природными ресурсами;

- региональные и межрегиональные интеграционные отношения между возвышающимися экономиками;

2) дисбалансом экономических и неэкономических потенциалов влияния развитых и развивающихся стран и возможностями использования развитыми державами (в частности, США) неэкономических методов воздействия (институциональных, политических и в особенности военных рычагов).

Предпосылками к активизации этих вызовов являются:

- сохранение за Евро-Атлантикой контролирующих функций над основными институтами глобального управления (МВФ, ВБ, ВТО, в значительной степени ООН);

- высокая доля участия в экономике развивающихся стран (в энергетическом секторе, во внешней торговле);

- сохранение в развитых странах «глобальных дисбалансов» между уровнем потребления инвестиций и уровнем их сбережений, долей в мировом ВВП и долей в глобальном госдолге. По данным МВФ, к 2016 г. доля США в мировом ВВП снизится до 22 %, тогда как доля в глобальном госдолге увеличится до 34 %;

- превосходство военного потенциала глобального влияния над экономическим. Сегодня США тратит на оборону больше, чем Китай, Россия, Япония, Индия и все остальные страны НАТО, вместе взятые;

3) изменением в будущей модели международного экономического развития состава ведущих «игроков», при сохраняющихся критериях влияния: объем ВВП, расходы на оборону, технологический потенциал и численность населения (таблица 1).

Табл. 1. Глобальные тенденции

Главная тенденция	Новые тенденции	Новые вызовы
Формирование многополярной мировой системы	<p>1. Разделение мирового экономического пространства на «западные» регионы глобального влияния (Евро-Атлантика) и на «восточные», значение которых для мировой экономической системы стремительно возрастает (Восточная Азия, Южная Азия, регион СНГ).</p> <p>2. Рост значимости региональных союзов развивающихся государств в решении ключевых проблем глобализации на принципах «коллективного лидерства».</p>	<p>1. Конкуренция между Западом и Востоком за формирование модели мирового развития и философии глобального управления.</p> <p>2. Дисбаланс экономических и неэкономических потенциалов влияния между развитыми и развивающимися экономиками.</p> <p>3. Изменение состава ведущих «игроков» при сохранении критериев глобального влияния: объем ВВП, технологический потенциал, расходы на оборону, численность населения.</p> <p>4. Обострение борьбы идеологий в условиях распространения государственной идеологии развивающегося мира как нового критерия глобального влияния.</p>

При этом развивающиеся страны имеют колоссальное преимущество по последнему показателю, в связи с чем, на наш взгляд, новым критерием влияния на современном этапе глобализации становится идеология, а еще одним вызовом формирующейся международной модели экономического развития — обострение противоречий между интересами социальной экономики и интересами ТНК. Все это ведет к борьбе идеологий — традиционно западной, основанной на рыночной модели потребления и ограниченном участии государства в экономике, и идеологии социального развития в рамках модели, в центре которой стоит государство (Китай, Россия). «В течение следующих пятнадцати-двадцати лет больше развивающихся стран могут тяготеть к пекинской модели, чем традиционно западной модели рынка» [1].

Трансформация Евразии, связанная с концентрацией на континенте центров нового миропорядка и новых вызовов для экономической безопасности мировой системы, является определяющей тенденцией развития континентальной экономической системы (таблица 2).

К новым тенденциям, формирующимся в Евразии, относятся:

1) формирование новой модели международного экономического развития в Евразии. В настоящее время в Евразии сосредоточены:

- во-первых, новые полюса экономического роста в лице быстрорастущих, многочисленных и крупномасштабных экономик — Китая и Индии, а также России как возрождающейся державы;

- во-вторых, регионы, которые напрямую влияют на формирование и содержание мировой экономики и политики, — Европа, Северо-Восточная, Южная и Центральная Азия, Ближний Восток;

- в-третьих, центры мирового производства (новая структура производства и новые схемы размещения), мировые торговые и инвестиционные потоки;
- в-четвертых, человеческие ресурсы, качество которых будет определять новый формат международных отношений;

Табл. 2. **Континентальные тенденции**

Главная тенденция	Новые тенденции	Новые вызовы
Трансформация экономического пространства Евразии	<ol style="list-style-type: none"> 1. Формирование новой модели международного экономического развития в Евразии. 2. Доминирование региональных проблем над национальными и усиление роли региональных союзов G20, БРИКС, ШОС как коллективных субъектов глобального управления. 3. Возрастание роли ресурсно-сырьевого потенциала как объекта глобализации и значимости регионов, располагающих мировыми ресурсами. 4. Рост влияния человеческих ресурсов и демографического фактора на изменение качества и структуры мирового рынка труда и потребления.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Усугубляющийся дефицит ресурсов. 2. Рост социальных и демографических диспропорций, обусловленных асимметричностью региональных экономических систем. 3. Конкуренция за «общественное сознание» и новые фундаментальные ценности.

2) доминирование региональных проблем, имеющих в силу масштабов экономик-лидеров глобальный характер, над национальными и усиление роли региональных союзов развивающихся стран в решении глобальных проблем. Пред-

посылки перехода к коллективной форме глобального лидерства подготовлены институтом G20, международными союзами БРИКС и ШОС;

3) возрастание роли ресурсно-сырьевого потенциала как объекта глобальной конкуренции и глобальной ответственности, а также значимости регионов, располагающих ресурсами;

4) рост влияния человеческих ресурсов и демографического фактора на изменение качества и структуры мирового рынка труда и потребления.

Новые вызовы для экономической системы Евразии обусловлены, на наш взгляд, двумя основными проблемами:

- усугубляющимся дефицитом природных ресурсов. В условиях ограниченности ресурсов возрастет значение основных экспортеров, таких, как Иран и Россия. Развивающиеся экономики, богатые природными ресурсами, выигрывают в конкурентной борьбе на рынке минерального сырья. Происходит постепенное преобразование мирового рынка минерального сырья. Продавцы ресурсов (в основном развивающиеся страны) в определенной степени могут диктовать условия, что повышает степень противостояния и риск давления со стороны покупателей ресурсов (развитых стран);

- ростом социальных и демографических диспропорций. Увеличение численности мирового среднего класса за счет демографически доминирующих развивающихся стран (в течение ближайших 20 лет увеличится на 3 млрд человек) неизбежно отразится на глобальном балансе потребления ресурсов развития, а также на структуре мирового производства и потребления. В условиях ожидаемого снижения ресурсной обеспеченности Запада и потребительской направленности его экономического роста перспектива вынужденного снижения стандартов потребления может стать причиной «ресурсных войн» за регионы, обладающие необходимым потенциалом развития.

Новым вызовом в условиях социальной трансформации и кризиса является изменение приоритетности фундаментальных западных ценностей:

- от «демократии» к «личной безопасности». В то же время фактор личной безопасности может использоваться как аргумент для поиска внутренних и внешних угроз в рамках «так называемой войны Запада с террором»;

- от роста «потребления» к росту «социальных гарантий». В развитых странах данный тренд стал следствием глобального финансового кризиса и кризиса социальной занятости. В развивающихся странах обеспечение социальных гарантий является объективной необходимостью на фоне несокращающегося уровня бедности.

В условиях снижения привлекательности ценностей западной идеологии конкуренция за «общественное сознание» и новые фундаментальные ценности создает предпосылки к идеологической войне между развитыми и развивающимися системами, особенно в условиях виртуализации общественно-политических отношений. Формирование фундаментальных ценностей жизни становится, на наш взгляд, важнейшим приоритетом государственной социальной политики.

Создание постсоветского евразийского экономического пространства — основная цель Стратегии интеграции СНГ. Современной тенденцией регионализации постсоветского пространства является ускорение интеграционных процессов под влиянием внешних и внутренних факторов (таблица 3).

Специфика современного этапа региональной интеграции заключается в том, что процессы экономической устойчивости СНГ напрямую зависят от ЕврАзЭС, перспективы которого до конца не определены. Особенностью «интеграции» в формате ЕврАзЭС является влияние на его развитие следующих факторов:

- географического фактора, обусловленного размещением региона на пути перемещения центра мировой экономической активности с Запада на Восток;

- фактора экономической близости к перспективным глобальным рынкам;

- фактора участия в интеграции Центральноазиатского региона, как:

а) фрагмента экономического пространства ЕврАзЭС;

б) пространства, не обладающего необходимой экономической плотностью и удаленного от развитых мировых рынков;

в) пространства, определяемого в качестве «новой дуги нестабильности» [2].

Табл. 3. Региональные тенденции

Главная тенденция	Новые тенденции	Новые вызовы
Создание постсоветского Евразийского экономического пространства	1. Ускорение интеграционных процессов под влиянием внешних (трансформация глобальной экономики и экономики Евразии) и внутренних (трансформация СНГ) факторов.	1. Поспешность перехода к следующим этапам экономической интеграции в условиях асимметричности потенциалов стран ЕврАзЭС. 2. Вероятность распада экономического пространства ЕврАзЭС, в частности, его «азиатского» фрагмента как следствие асинхронности интеграции в рамках Сообщества и наличия двух пространств интеграции.

Основные проблемы интеграционного сотрудничества в формате ЕврАзЭС обусловлены, на наш взгляд:

- асимметричностью экономических потенциалов участников группировки;

- асинхронностью интеграционных процессов внутри ЕврАзЭС;

В условиях асимметричности потенциалов стран ЕврАзЭС новым вызовом евразийской интеграции может стать поспешность перехода к следующим этапам экономической интеграции, в частности к созданию единого валютного пространства.

Опыт валютного кризиса ЕС показал, что в условиях кризиса даже страны Еврозоны оказались не готовы к координации усилий по его преодолению, хотя в рамках ЕС интересы больших и малых стран более или менее сбалансированы. Огромный дисбаланс сил в Таможенном союзе и любом другом формате ЕврАзЭС, по мнению российских экспертов, исключает такую сбалансированность и снятие недоверия к России, которая способна «продать любое выгодное ей решение» [3];

- важной предпосылкой формирования общего валютного рынка является высокая степень реальной интегрированности экономик или высокий уровень их воспроизводственной открытости. Взаимная воспроизводственная открытость трех стран Таможенного союза в 2010 г. была в 4,4 раза меньше, чем в ЕС в 1980 г. [4];

- наконец, необходима мощная надгосударственная структура с полномочиями конфедеративной или федеративной власти и наделение ее органов всеми полномочиями по координации экономической политики государств-членов. В проекте Еврозоны руководящие органы ЕС с самого начала не располагали полномочиями для вмешательства в бюджетные дела стран-участников и корректировки их фискальных моделей, что стало проблемой управления экономическими процессами в условиях кризиса.

Таким образом, опыт интеграции развитых и развивающихся регионов, в частности Западной Европы, может быть

использован в формате ЕврАзЭС лишь с учетом особенностей социально-экономического и политического развития евразийской модели интеграции постсоветского пространства.

Асинхронность интеграции в рамках ЕврАзЭС означает наличие двух пространств интеграции: пространства Союзного государства России и Беларуси и пространства, формируемого государствами Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан), или условно «европейского» и «азиатского» фрагментов общего пространства Евразийского экономического сообщества.

На наш взгляд, перспективы региональной экономической интеграции и в целом идеи «евразийства» напрямую зависят от сближения экономических потенциалов «европейского» и «азиатского» пространств ЕврАзЭС и преодоления тенденции к «фрагментарности» экономического пространства ЕврАзЭС.

Новым вызовом «евразийству» является вероятность распада экономического пространства ЕврАзЭС, в частности его «азиатского» фрагмента.

Общими чертами, присущими «европейскому» и «азиатскому» пространству, являются:

- относительно высокая макроэкономическая динамика на фоне СНГ;

- влияние сырьевого фактора на развитие национальных экономик;

- наличие государств — экспортеров (Россия и Казахстан) и государств — импортеров энергоресурсов (Беларусь, Кыргызстан и Таджикистан);

- неравнозначность экономических потенциалов и наличие лидирующего государства, являющего «центром интеграционного притяжения» для других государств (Россия и Казахстан).

Основные отличия обусловлены:

- разными уровнями экономического развития;

- неодинаковыми экономическими масштабами.

На долю «европейской» части ЕврАзЭС приходится 92 % совокупного ВВП и 84 % населения ЕврАзЭС, на долю «азиатской» части — 8 % и 6 % соответственно;

- разными стимулами к экономической интеграции для стран ЕЭП, с одной стороны, и Кыргызстаном и Таджикистаном — с другой. Для первой группы стран основная причина интеграции — повышение эффективности и конкурентоспособности экономик, для второй — сохранение экономической состоятельности;

- различным характером внешнеэкономического сотрудничества со странами ЦАР, в частности Кыргызстаном и Таджикистаном. Страны ЦАР еще сохраняют значимость для внешнеторговой политики РК по сравнению с другими странами ТС. Так, совокупная доля стран ЦАР в экспорте и импорте РК со странами СНГ (без стран ТС) составляет 43 % и 38 %, для ТС этот показатель равен 16 % и 12,5 %;

- и, главное, неодинаковым влиянием на обеспечение региональной экономической и политической безопасности. «Азиатское» пространство ЕврАзЭС сегодня остается объектом геополитической и геоэкономической конкуренции между основными глобальными игроками. Наиболее слабыми в экономическом и политическом отношении элементами центральноазиатской социально-экономической системы являются Кыргызстан и Таджикистан, значение которых для безопасности пространства ЕврАзЭС растет.

В настоящее время ЦАР следует рассматривать как «экспериментальное пространство» для реализации тех или иных сценариев глобализации со стороны:

- внерегиональных и региональных игроков;

- «старых» и «новых» центров мирового экономического влияния;

- развитой и развивающейся экономических систем.

Основная задача современного этапа евразийской интеграции на пространстве СНГ связана с предупреждением попыток втягивания «азиатского» блока ЕврАзЭС в сферу внешнего экономического влияния (США, Китай) и ареал внешней нестабильности (Южная Азия, Ближний Восток).

Таким образом, новые аспекты формирующейся международной модели экономического развития связаны с ростом экономической значимости развивающихся стран, «идеологией развивающегося мира» и принципом «коллективного лидерства» в решении ключевых глобальных проблем. Определяющей тенденцией развития континентальной экономической системы Евразии является концентрация на континенте центров нового миропорядка и новых вызовов для экономической безопасности мировой системы. Интеграция на постсоветском пространстве и ее ускорение не могут состояться без Центральной Азии, значение которой в геополитике, геоэкономике и региональной безопасности растет.

Литература

1. Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир: Доклад Национального разведывательного совета США. — М.: Европа, 2010. — С. 46.
2. «Новую дугу нестабильности» некоторые эксперты определяют как «Кабул — Душанбе — Бишкек» // М. Ларюэль и А. Князев: Центральная Азия погружается в «тотальный конфликт»? — <http://www.fergananews.com>
3. Германия и Франция уравнивают друг друга, немало отстают от них Италия, Англия, Испания, другие страны вступают в различные коалиции, что позволяет более или менее балансировать интересы больших и малых стран // Шишков Ю. Кризис Еврозоны: выводы для архитекторов ЕврАзЭС. — МЭиМО. — 2012. — № 6.
4. Коэффициент воспроизводственной открытости измеряется процентным отношением внешнеторгового оборота между странами к их совокупному ВВП // Шишков Ю. Кризис Еврозоны: выводы для архитекторов ЕврАзЭС. — МЭиМО. — 2012. — № 6.

ШОС: стабилизатор региональной безопасности в евразийском пространстве

Ван Чэньсин

Спасибо большое за приглашение и возможность выступить на этом важном научном мероприятии. Я с удовольствием готов поделиться с вами своими соображениями и ожидаю ваших вопросов.

Речь пойдет о том, какой мы видим роль ШОС в евразийском пространстве с точки зрения двух основополагающих моментов во внешней политике Китая. Первый момент — это новая внешнеполитическая идентичность Китая, второй — новые внешнеполитические подходы Китая.

ШОС и новая внешнеполитическая идентичность Китая

В последние годы вокруг проблемы о новой внешнеполитической идентичности в Китае ведутся серьезные дебаты и в научном мире, и в политикообразующем классе. Звучали вопросы: «Кто мы?», «Куда мы идем?». Я определяю Китай как континентально-морскую страну. Исходя из этого определения, Китай имеет два равноправных приоритетных внешнеполитических направления: морское направление, или восточное, и континентальное направление, или западное. Следует отметить, что западное направление в обозримой перспективе представляется приоритетным для внешней политики Китая. Причины этого следующие.

Во-первых, Китай исторически является континентальной державой, в континентальной части страны сосредоточены политические и экономические центры, такие, как Сиань, Лоян, Кайфэн и др. В этой связи Китай и Центральная Азия имеют

глубокие исторические, экономические и культурные связи. Например, Великий Шелковый путь. Все это заложило твердый фундамент для развития партнерских отношений между Китаем и странами Центральной Азии в нынешних условиях.

Во-вторых, Китай и страны Центральной Азии сегодня находятся на стадии трансформации. Мы стоим перед схожими проблемами и вызовами и имеем неограниченные возможности для сотрудничества в различных сферах.

В-третьих, приоритетность экономического развития в восточных приморских районах Китая привела к социоэкономическому расколу между внутренними регионами Китая и оказывает негативное влияние на макроэкономическое состояние в стране. Социоэкономическое развитие в западной континентальной части Китая долгое время находится на относительно низком уровне. Согласно XI пятилетнему плану акцент экономического развития страны делается на западную часть. Поэтому формирование благоприятной внешней среды также является важной задачей в западном направлении внешней политики Китая.

Как предлагает вице-премьер-министр Китая Ли Кэцзян, вместе с повышением уровня открытости в восточных и приморских районах Китай должен расширять связи с континентальными странами, пограничными окружающими регионами, западным направлением. При этом ШОС, которая была образована непосредственно с участием Китая и стран Центральной Азии, представляет собой первый и пока единственный многосторонний механизм для осуществления равноправного диалога и всестороннего сотрудничества между Китаем и центральноазиатскими странами. Можно сказать, что ШОС — это приоритет западного направления внешней политики Китая и гарантия безопасности, стабильности и процветания в китайском западном районе, а также в Центральноазиатском регионе в целом.

ШОС и новые внешнеполитические подходы Китая

Спустя 30 лет место Китая в мировой политической системе существенно изменилось. В нынешних условиях Китай и мир взаимозависимы друг от друга не только в экономическом плане, но и в политическом и культурном отношениях. Совершенно очевидно, что Китай и мир уже создали единое пространство общих интересов и не могут действовать один без другого. В связи с этим участие Китая в региональных и международных вопросах также постепенно трансформируется. Китайские исследователи уделяют этому особое внимание и активно разрабатывают теоретические концепции о новых внешнеполитических направлениях Китая, таких, как «конструктивное участие», «творческое участие». Суть новых концепций заключается в том, что современному Китаю необходимо принимать активное участие в региональных и международных вопросах с учетом принципов международного права, объективной ситуации, общепринятой нравственности и общественного резонанса. Кроме того, Китай должен взять на себя соответствующую региональную и международную ответственность, усиливать экономическую и публичную дипломатию в целях реализации национальных интересов, содействия региональной стабильности и процветания.

Для Китая и Центральной Азии понятия «стабильность» и «процветание» являются центральной тематикой. Принцип «стабильность и процветание должны содействовать друг другу» в полной мере соответствует реальности и тенденциям развития региона в будущем, он является ключевым моментом в обеспечении региональной безопасности в евразийском регионе. При этом серьезно стоит вопрос: «Каким образом ШОС обеспечит региональную безопасность в евразийском регионе?».

Во-первых, в концептуальном плане Китай не будет повторять путь западных гегемонистов и навязывать свою волю другим странам. В рамках ШОС Китай придерживается «шанхайского духа», продолжает настаивать на новых концепциях безопасности, развития, сотрудничества и на концепции гармоничного мира, чтобы стимулировать создание «гармоничной Евразии».

Во-вторых, в деле обеспечения региональной безопасности Китай поддерживает ШОС, чтобы при условии уважения суверенитета и территориальной целостности организация смогла урегулировать конфронтации, сдерживать тенденцию ухудшения ситуации и стабилизировать критические ситуации. Поэтому ШОС необходимо принимать конструктивные меры в борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, а также в отношении Афганистана после 2014 г.

В-третьих, Китай поддерживает ШОС в экономическом взаимодействии, чтобы Шанхайская организация, учитывая принцип гармоничного развития и совместного процветания, развивала многостороннее и взаимовыгодное экономическое сотрудничество для максимального обеспечения интересов стран — участников организации. Например, в энергетическом секторе продуктивно функционируют нефтепровод Казахстан — Китай, трансазиатский газопровод. Кроме того, нельзя не упомянуть и транснациональную железную дорогу Китай — Кыргызстан — Узбекистан в качестве будущего евразийского торгового коридора.

Резюмируя вышесказанное, мы можем прийти к выводу, что ШОС — это приоритет внешней политики Китая. ШОС — это объединенная организация с высоким уровнем взаимодоверия. Это надежная организация, оказывающая постоянную взаимопомощь. Это эффективная организация, ставящая целью совместное процветание. И это открытая организация с разными концептуальными подходами. Одним сло-

вом, ШОС в состоянии стать стабилизатором региональной безопасности и локомотивом регионального экономического развития в евразийском пространстве.

***

Китай в Афганистане: какие пути предпочтет Поднебесная?

Каукенов А.С.

По мере приближения 2014 г., в котором по договору, подписанному Б. Обамой, американские военные должны будут оставить Афганистан, актуальность вопроса о том, что же будет в Афганистане после этого ухода, возрастает с каждым днем.

Правда, после подписания соглашения о стратегическом партнерстве между США и Афганистаном стало очевидно, что военное присутствие американцы в Афганистане сохранят, но все же в несопоставимом объеме. Это даст возможность Вашингтону, с одной стороны, удерживать контроль над важной геополитической точкой, а с другой — переложить большую часть ответственности за ситуацию в Афганистане на кого-нибудь другого. Понятно, что в первую очередь — на афганское правительство и его вооруженные силы, далее — на другие страны региона. В частности, к этому можно отнести и заигрывания с Казахстаном, когда из уст сначала американских экспертов, а потом и помощника госсекретаря США Р. Баучера было сказано, что Казахстан «может играть лидирующую роль в качестве инвестора региональных инфраструктурных проектов».

Одним из крупнейших игроков, которые могут ринуться в образовавшийся вакуум, несомненно, является Китай, в силу своих национальных интересов как никогда заинтересованный в регионе. Китайский фактор, в том числе, определил и значимость для Вашингтона сохранения американского влияния в Афганистане. И это только усиливает неопределенность дальнейшего развития ситуации в этой стране.

Некоторые российские эксперты отмечают высокий интерес Китая к Афганистану и возможность его активного и всестороннего участия в развитии этой страны: и как геополитического игрока, и как глобальной экономической державы. Например, А. Куртов в материале, опубликованном информационным агентством «Фергана» «Афганистан и Центральная Азия: кто будет спасать регион после ухода американцев?», рассуждая об иностранном военном присутствии в Афганистане, предлагает свой рецепт: «Пусть лучше Китай занимается этими делами, если у него есть такое желание, чем Россия».

Основной интерес

Стратегический интерес Китая, в силу которого он просто не может быть равнодушен к Афганистану, заключается в обеспечении собственной безопасности. Собственно, это основная характеристика современной внешней политики Пекина, которая диктуется строго интересами внутреннего развития Китая. В случае с Афганистаном это в первую очередь влияние на Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), являющийся давней «ахиллесовой пятой» Китая.

Наличие зоны нестабильности неподалеку от своих не самых спокойных районов, естественно, противоречит интересам Китая, тем более что члены сепаратистских организаций Синьцзяна задерживались на территории Афганистана. Последний фактор дал повод рассуждать о возможном наличии в Афганистане баз по подготовке боевиков для деятельности в СУАР.

Не меньшим вызовом для Китая является сценарий «афганизации» Пакистана, который является традиционным союзником Пекина в регионе. Взаимоотношения Китая и Пакистана весьма многогранны, отличаются высоким уровнем

взаимодействия и уже многолетней историей. Помимо того, что Пакистан является соседней ядерной державой, нестабильность в которой в принципе может нести риск глобальной угрозы, для Китая «афганизация» Пакистана чревата потерей влияния в регионе и перемещением волны хаоса уже на собственно территорию Китая.

Более того, с учетом неопределенности дальнейшего развития стран Центральной Азии нестабильность Афганистана может оказать деструктивное влияние на весь Центрально-азиатский регион, создав пояс нестабильности вдоль западных границ Китая, что будет серьезно сдерживать его развитие. Необходимо отметить, что форсированное развитие Синьцзяна идет во многом благодаря экономическому сотрудничеству с Центральной Азией, и Пекин прекрасно осознает это и поощряет. Так, Вэнь Цзябао (глава госсовета КНР) предложил сделать СУАР форпостом между странами, подчеркнув что «реформа открытия и возрождения Синьцзян-Уйгурского автономного района необходима не только для народов СУАР, но и сулит большие шансы для стран Евразии».

Поэтому Китай не может безучастно смотреть на то, как развиваются события в Афганистане и тесно связанным с ним Пакистане, прямые риски его национальным интересам слишком высоки.

В июне 2012 г. Китай установил с Афганистаном отношения стратегического партнерства и взаимодействия, тем самым продемонстрировав важность афганского направления в китайской внешней политике.

НОАК и Афганистан

Несмотря на заинтересованность Китая в Афганистане и имеющиеся реальные возможности возглавить коалицию по установлению безопасности в Афганистане, после ухода

американцев тем не менее весьма сомнительно, чтобы Пекин решился на введение частей Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в Афганистан.

Это несет серьезные риски, которые могут перечеркнуть многие достижения Китая и надолго остановить его рост.

Во-первых, ясно, что любой иностранный солдат будет восприниматься афганцами как оккупант, и китайские миротворцы вряд ли будут восприниматься иначе. Тем более что в этом случае все усугубится, с одной стороны, религиозным фактором, с другой — тем, что Китаем руководит Коммунистическая партия. А с коммунистами у афганцев связаны не самые приятные воспоминания.

Во-вторых, очевидно, что НОАК не может конкурировать с вооруженными силами США в вопросах участия в локальных конфликтах. США, помимо того, что являются ведущей военной, финансовой и технологической державой, накопили также огромный опыт по ведению боевых действий во всевозможных конфликтах. Поэтому можно предположить, что потери китайских частей будут не меньше, а, скорее всего, больше, чем на данный момент у США и его союзников.

И это выводит нас к третьему, одному из важнейших, аспекту — это информационная война. Западные СМИ, которые являются, по сути, доминирующими в мире, обрушатся с такой силой на Китай за каждый инцидент с применением оружия, что репутация Китая как мирного государства может пострадать. А именно над этим образом — образом миролюбивого соседа и государства — последние двадцать с лишним лет Пекин трудится упорнее всего.

Например, в 2005 г. на широкие экраны вышел боевик «Домино» с К. Найтли в главной роли. Один из героев фильма — афганец, собирающий деньги для организации вооруженного сопротивления на своей родине. Интересный факт заключается в том, что, когда начиналась история афганца,

шел видеоряд о вторжении СССР в Афганистан, у зрителя не оставалось сомнений, кто именно виноват во всех бедах симпатичного в целом персонажа, несмотря на то, что уже который год в Афганистане находятся войска не с красным, а со звездно-полосатым флагом.

Победить в этой информационной войне ни Китаю, ни какой-либо другой стране практически невозможно. Достаточно легко прогнозировать, что если место США в Афганистане займет другая страна, тон изложения событий в западных СМИ от нейтрального мгновенно перейдет в ожесточенно критический, а Голливуд завалит мир красочными фильмами, описывающими зверства «интервентов».

Поэтому как китайские эксперты, так и китайское руководство всячески подчеркивают неприемлемость военного участия Китая в афганском вопросе. Например, профессор Ли Дагуан из Национального университета обороны утверждает: «КНР, являясь частью мирового сообщества, готова к международному сотрудничеству и содействию в обеспечении регионального мира и стабильности, однако Китай не будет применять военную силу». А генеральный секретарь Ху Цзиньтао на 9-м заседании Совета глав государств — членов ШОС в Екатеринбурге заявил, что «китайская сторона неизменно придерживается той точки зрения, что урегулировать проблему Афганистана необходимо комплексными средствами, лежащими в сфере политики и экономики, но никак не военным вмешательством», тем самым в очередной раз подтвердив нежелание Китая повторить судьбу СССР и США в Афганистане.

Главный козырь

Соответственно, Китай делает ставку на экономические проекты, тем паче, что такая стратегия принесла ему пользу во многих регионах мира.

В планах по дальнейшему сотрудничеству после подписания Соглашения о стратегическом партнерстве наиболее реальными выглядят проекты расширения именно экономического взаимодействия. И в это трудно не поверить, так как традиционные мантры по борьбе с терроризмом, наркотрафиком и торговлей оружием без оглашения конкретных механизмов выглядят не более чем благими пожеланиями.

На встрече с Х. Карзаем Ху Цзиньтао подчеркнул, что «китайское правительство продолжит стимулировать способные китайские компании инвестировать в Афганистан», и особо отметил планы по расширению взаимодействия в сфере экономики, торговли, энергетики, сельского хозяйства, инфраструктуры, проектов развития, образования и культуры.

Также Китай в 2012 г. окажет помощь правительству Афганистана в размере 23,8 млн долл. на различные проекты. Конечно, это несравнимо с 4 млрд долл., которые Кабул требует у НАТО в качестве «инвестиций за мир», но в отличие от НАТО у Китая нет ответственности за ту ситуацию, которая сейчас наблюдается в Афганистане.

Китай уже подписал с руководством Афганистана ряд договоров в нефтяной и газовой сферах, а также в отрасли добычи полезных ископаемых. На сегодняшний день одной из самых крупных китайско-афганских программ является проект по разработке медного месторождения «Айнак» в северном Афганистане. Китайская компания «China Metallurgical Group» планирует инвестировать в месторождение «Айнак» 3,5 млрд долл. По плану с 2014 г. месторождение начнет работать на полную мощность, обеспечивая работой около 10 тыс. афганских граждан.

Более того, компания в рамках указанного проекта взяла на себя обязательство построить за свой счет угольную теплоэлектростанцию мощностью 400 МВт, а также желез-

ную дорогу, связывающую «Айнак» с городами Хайратон на границе с Узбекистаном и Торхам вблизи пакистанской границы.

Китай скоро начнет бурить нефтяные скважины в провинциях Саре-Пуль и Фарьяб. Договор подписан на 25 лет и принесет экономике Афганистана 7 млрд долл. дохода. Кроме того, Китай должен построить первый в Афганистане нефтеперерабатывающий завод. По некоторым данным, Китай ведет 33 проекта в данной области, стоимость которых оценивается порядка 500 млн долл.

Ряд экспертов отмечают, что, оказывая помощь правительству Карзая, но понимая шаткость его положения и укрепление сил Талибана, Пекин с другой стороны, возможно, ведет переговоры с некоторым лидерами талибов. Это своего рода разумная страховка в случае, если после вывода основных сил США из Афганистана центральное правительство падет и Талибан будет одним из основных лидеров Афганистана.

Много говорится о ШОС в контексте Афганистана. Но во многом это связано с надеждами наполнить ШОС конкретикой, которой так не хватает этой организации. Так как достижение Афганистаном стабильности является общим интересом всех стран ШОС, то это наиболее подходящая точка соприкосновения. Поэтому уже много лет предлагается организовать «пояса безопасности» силами стран ШОС вокруг Афганистана. Эта идея так и не нашла своего воплощения, так как не было предложено ни viable механизмов их создания, ни разумных доводов о необходимости ШОС принять в этом активное участие. В силу системных проблем организации, далее, чем принятие Афганистана в статус страны-наблюдателя, дело не сдвинулось. А с учетом набирающей ход конкуренции между Китаем и Россией за Центральную Азию перспективы реальных дел ШОС остаются весьма призрачными.

Таким образом, Китай крайне заинтересован в усилении своих позиций в Афганистане, для чего он использует все возможные механизмы. И в первую очередь экономические рычаги, делая особый акцент на традиционных для Китая сферах добычи полезных ископаемых и строительства инфраструктуры.

Китай продолжает пытаться использовать ШОС в афганском направлении, убивая при этом двух зайцев: укрепляя позиции организации, а значит и свои в Центральной Азии, и используя многосторонний формат в укреплении своих возможностей в Афганистане.

Но есть большие сомнения в том, что Поднебесной удастся стать тем самым игроком, который сможет стабилизировать или контролировать Афганистан, так как это под силу только самому афганскому народу.

***

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдыхалыков Фархат Шахафутдинович — Постоянный представитель Республики Казахстан при Евразийском экономическом сообществе

Башмаков Анатолий Афанасьевич — депутат Сената Парламента Республики Казахстан

Бочарников Михаил Николаевич — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Казахстан

Ван Чэньсин — научный сотрудник Центра евразийских исследований при Пекинском педагогическом университете (ППУ), аспирант Факультета политологии и международных отношений ППУ

Винокуров Евгений Юрьевич — директор Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития (г. Санкт-Петербург)

Георгиев Иво — руководитель Отдела стран Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы Фонда Розы Люксембург (г. Берлин)

Додонов Вячеслав Юрьевич — главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Достанко Елена Анатольевна — директор Центра международных исследований Белорусского государственного университета

Закиева Жанат Кешримовна — советник Представительства Министерства иностранных дел Республики Казахстан в г. Алматы

Каукенов Адиль Серикович — старший аналитик Агентства по исследованию рентабельности инвестиций (г. Астана)

Ли Син — декан факультета международных отношений Пекинского Педагогического Университета (ППУ), Директор Центра евразийских исследований при ППУ

Линке Петер — эксперт Фонда Розы Люксембург (г. Берлин)

Лохманн Бодо — проректор Казахстанско-Немецкого университета (г. Алматы)

Мухамеджанова Дария Шаужановна — ведущий научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Олимов Музаффар Абдуваккасович — директор Научно-исследовательского центра «ШАРК» (г. Душанбе)

Салиев Акылбек Ленбаевич — директор Института стратегического анализа и прогноза при Кыргызско-Российском (Славянском) университете (г. Бишкек)

Султанов Булат Клычбаевич — директор Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Сыроежкин Константин Львович — главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Черных Ирина Александровна — главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Юн Сергей Миронович — доцент кафедры мировой политики исторического факультета Томского государственного университета

***

Для заметок

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты туралы ақпарат

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы 16 маусымдағы Жарлығымен құрылған.

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының құрылған күнінен бастап оның негізгі мақсаты — мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекемесі ретінде Қазақстан Президентінің және елдің басқарушы органдарының қызметін ғылыми-талдаулармен қамтамасыз ету.

Осы уақыт барысында ҚСЗИ жоғарыкәсіпті ғылыми-талдау орталығына айналды. Бүгінгі таңда институтта тоғыз ғылым докторы, тоғыз ғылым кандидаттары, саясаттану, тарих, экономика, әлеуметтану салаларының мамандары қызмет атқарады.

ҚСЗИ қызметі барысында институт сарапшыларының қатысуымен халықаралық қатынас, ғаламдық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 200-ден астам кітап басып шығарылған. Институт үш мерзімді ғылыми-сараптамалық журнал басып шығаруда: «Қоғам және Дәуір» тоқсандық ғылыми-сараптамалық журналы, «Казахстан-Спектр» тоқсандық ғылыми журналы және «Central Asia's Affairs» тоқсандық сараптамалық журналы (ағылшын тілінде). Бұл басылымдарда сыртқы және ішкі саясат, халықаралық қатынастар, ұлттық қауіпсіздік, Қазақстан Республикасының әлеуметтік және экономикалық саясаты мәселелері жарық көреді, сондай-ақ материалдарды өзінің www.kisi.kz сайтында жариялайды. ҚСЗИ-дың жеке сайты үш тілде: қазақ, орыс және ағылшын тілдерінде ұсынылған.

Институт өзінің негізгі зерттеу бағыттары бойынша семинарлар, ғылыми конференциялар, «дөңгелек үстелдер»,

халықаралық форумдар өткізеді. ҚСЗИ өткізетін ғылыми форумдардың ішінде шетелдік сарапшылардың ерекше қызығушылықтарын тудыратыны — 2003 жылдан дәстүрлі өтіп келе жатқан, Орталық Азиядағы ынтымақтастық пен қауіпсіздік мәселелеріне арналған Алматы конференциясы. ҚСЗИ-дың ғылыми басқосуларына Қазақстаннан ғана емес, сонымен қатар, Орталық Азия елдерінің, Ресейдің, Қытайдың, Германияның, Францияның, АҚШ-тың, Үндістанның, Иранның, Түркияның, Пәкістанның, Жапонияның және басқа да мемлекеттердің ғалымдары белсене қатысуда.

ҚСЗИ негізінде Қазақстанның жетекші жоғарғы оқу орындарының студенттері мен шетелдік сарапшылар үнемі тәжірибеден өтіп отырады.

Бүгінгі таңда институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми өсулері үшін барлық қажетті жағдайлар жасалынған.

ҚСЗИ туралы толық ақпаратты төмендегі мекенжайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 050010, Алматы,

Достық даңғылы, 87^{«б»}

Тел.: +7 (727) 264-34-04

Факс: +7 (727) 264-49-95

E-mail: office@kisi.kz

<http://www.kisi.kz>

Информация о Казахском институте стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (КИСИ) был создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 г.

С момента своего возникновения основной задачей Казахского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан как государственного научно-исследовательского учреждения является научно-аналитическое обеспечение деятельности Президента Казахстана, руководящих органов страны.

За это время КИСИ превратился в высокопрофессиональный научно-аналитический центр. В настоящее время в институте работают девять докторов наук, девять кандидатов наук, специалистов в области политологии, истории, экономики, социологии.

За время существования КИСИ экспертами института издано более 200 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. Институтом издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), «Казахстан-Спектр» (на русском языке), «Central Asia's Affairs» (на английском языке). КИСИ располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском.

В КИСИ ежегодно проводится большое количество международных научных конференций, семинаров, круглых столов. Особый интерес у экспертов вызывают ежегодные конференции КИСИ, проводимые с 2003 г. и посвященные проблемам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии. В научных форумах КИСИ принимают участие не только эксперты из Казахстана и стран Центральной Азии, но и ученые из России, Китая, Германии, Франции, США, Индии, Ирана, Турции, Пакистана, Японии и др.

На базе КИСИ постоянно проходят стажировку и преддипломную практику студенты ведущих казахстанских высших учебных заведений, а также зарубежные эксперты.

В настоящее время в институте созданы необходимые условия для профессионального и научного роста сотрудников.

Более подробную информацию о КИСИ можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 050010, Алматы,

пр. Достык, 87«б»

Тел.: +7 (727) 264-34-04

Факс: +7 (727) 264-49-95

E-mail: office@kisi.kz

<http://www.kisi.kz>

About the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (KazISS) was established on June 16, 1993 by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan.

Since its foundation the mission of the KazISS as the national research institution is to provide analytical support to the President of the Republic of Kazakhstan, and public administration agencies of Kazakhstan.

The KazISS enjoys a reputation of the leading think tank of Kazakhstan as it employs a highly professional pool of experts; at present it includes nine doctors and nine candidates of sciences, who specialize in political science, history, economics and sociology.

The KazISS have published more than 200 books on international relations, global and regional security. The Institute publishes three journals: the *Kogam jane Dayir* in Kazakh, the *Kazakhstan-Spectrum* in Russian and the *Central Asia's Affairs* in English. The KazISS has a trilingual website; in Kazakh, Russian, English.

The KazISS holds a great number of international conferences, seminars and round tables, including the Annual Conferences (regularly held since 2003) on the issues of security and cooperation in Central Asia participated by the experts from Kazakhstan, Central Asia as well as Russia, China, Germany, France, India, Iran, Turkey, Pakistan, Japan, the USA and other countries.

The KazISS is the basis for professional practice work of both students from the leading Kazakhstan universities and fellowship of the experts of foreign research institutions.

The KazISS provides the premise where its employees have all opportunities to improve their expertise.

Contact us for any further information:

The Dostyk Avenue, 87 'b'

050010, Almaty

Republic of Kazakhstan

Tel: +7 (727) 264-34-04

Fax.: +7 (727) 264-49-95

E-mail: office@kisi.kz

<http://www.kisi.kz>

Научное издание

**ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИЙСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР**

Материалы международной
научно-практической конференции
(г. Алматы, 14 ноября 2012 г.)

Редактор-корректор — **А.А. Омарова**
Дизайн обложки — **ТОО «Sakura Print»**
Верстка — **Е.В. Игнатенко**

Подписано в печать 28.03.2013. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 14,75.
Тираж 500 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
050010, Алматы, пр. Достык, 87 «б»

Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.»
г. Алматы